ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Выпуск 1-2, 2018

EASTERN ANALYTICS
Issue 1-2, 2018

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

EASTERN ANALYTICS

Issue 1-2, 2018

Moscow
2018

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 1-2, 2018

Москва
2018

К 200-летию
Института востоковедения РАН

Ответственный редактор выпуска — А.В. Акимов

Редактор статей на русском языке — Е.Ф. Щепилова

Редактор статей на английском языке — В.М. Немчинов

ISBN 978-5-89282-806-2

ISSN 2227-5568

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

ПОЛИТИКА

CONTENTS

*Цветкова Н.Н.**

Страны Юго-Восточной Азии в международном разделении труда: экспорт товаров ИКТ, 2000-2015 гг.

Аннотация: Страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) заняли важное место в международном разделении труда как экспортеры товаров ИКТ уже к 2000 г. и сумели его сохранить на фоне растущей конкуренции с КНР. В статье делается попытка показать место стран ЮВА на мировых рынках различных категорий товаров ИКТ, особенности экспорта отдельных стран ЮВА.

***Ключевые слова*:** международное разделение труда, страны Юго-Восточной Азии, товары ИКТ, электронные компоненты, экспорт, компьютерное оборудование, телекоммуникационное оборудование.

Цель статьи – показать, какое место заняли страны Юго-Восточной Азии в международном разделении труда как производители и экспортеры электронного оборудования, товаров ИКТ. Как указывается в Докладе об информационной экономике 2010 г., к производству товаров ИКТ относится производство офисного, компьютерного, вычислительного оборудования, проводов и кабелей, вакуумных трубок, передающей аппаратуры для радиовещания, телевидения, телефонной и телеграфной связи, телевизоров и радиоприемников, видеомагнитофонов и звуковоспроизводящей аппаратуры и электронных компонентов для их производства[1]. В статистике ЮНКТАД эти товары выделяются в особую группу, они включают в себя такие категории, как компьютерное и офисное оборудование, телекоммуникационное оборудование, потребительская электроника, электронные компоненты для товаров ИКТ и категорию «прочие». В статье использованы результаты анализа производства и экспорта товаров ИКТ в странах Азии, на основе данных ЮНКТАД и ВТО, произведенного автором[2].

Страны ЮВА в мировом экспорте товаров ИКТ

В 1996 г. ведущими экспортерами товаров ИКТ были развитые страны: США (17,7% мирового экспорта) и Япония (14,7%). Сингапур занимал третье место в мире (68 млрд долл.; 9,7%), Малайзия находилась на пятом месте (37 млрд долл.; 5,3%), Таиланд был одиннадцатым после Китая, занимавшего

* *Цветкова Нина Николаевна* – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

[1] Information Economy Report 2010. UNCTAD, N.Y.; Gen., 2010. P. 40.

[2] См. подр.: Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. М.: ИВ РАН, 2016.

только десятое место (2,7% мирового экспорта)[3]. Только на эти три страны ЮВА приходилось 17,7% мирового экспорта. Страны ЮВА уже к середине 1990-х гг. заняли заметное место в международном разделении труда в производстве товаров ИКТ.

Таблица 1

Экспорт товаров ИКТ, 2000–2015 гг. (млрд долл.)

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Все страны, в т. ч.	999,9	1375,3	1722,5	1815,7	1832,2	1921,6	1980,0	1947,7
Развивающиеся страны, в т. ч.:	429,2	769,3	1160,0	1236,4	1296,8	1398,0	1441,5	1450,6
– Развивающиеся страны Азии, в т. ч.:	389,2	722,5	1091,3	1167,9	1226,9	1328,6	1372,6	1383,4
– Развивающиеся страны Восточной Азии	216,8	493,5	831,0	907,2	957,4	1040,9	1076,4	1080,7
– Юго-Восточная Азия	170,4	219,2	252,7	250,9	260,2	279,0	290,0	289,4
Переходные страны	0,8	0,8	1,8	2,4	3,4	3,6	5,6	3,6
Развитые страны	569,9	605,2	560,7	576,9		520,0	532,9	493,5

Составлено по: *Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2013. Information Economy.* http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx=15850 (дата обращения: 12.04.2015); *Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2014. Information Economy.* TableViewer/tableView.aspx=15850 (дата обращения: 2.03.2016); *Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2015.* http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx (дата обращения: 10.01.2018).

В 2000 г. на развивающиеся страны приходилось 42,9% мирового экспорта товаров ИКТ, в том числе на все страны ЮВА – 17,0%, на развивающиеся страны Восточной Азии – 21,7%. Доля Юго-Восточной и Восточной Азии, взятых вместе, составляла 38,7%, именно эти две группы стран и были основными экспортерами среди развивающихся стран. Сингапур (75,8 млрд долл.; 7,6% экспорта) занимал в 2000 г. третье место в мире по экспорту товаров ИКТ после США (15,7%) и Японии (10,9%), на шестом месте находилась Малайзия (51,7 млрд долл.; 5,2%). КНР была только десятой (4,4%). Крупными экспортерами товаров ИКТ в 2000 г. были также Таиланд (19,7 млрд долл., 2% мирового экспорта) и Филиппины (14,8 млрд долл., 1,5% экспорта). На страны ЮВА приходилось в 2000 г. 19% мирового экспорта компьютерного оборудования и 21% экспорта электронных компонентов для товаров ИКТ (здесь и далее подсч. по табл. 1, 2, 3).

[3] Information Economy Report 2007–2008. UNCTAD. N.Y.; Gen., 2007. P. 136.

Таблица 2

Экспорт товаров ИКТ по категориям: 2000–2015 гг. (млрд долл.)

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Все страны								
Товары ИКТ	999,9	1375,3	1722,5	1815,7	1832,2	1921,6	1980,0	1947,7
Комп. и периф. устр.	367,2	474,1	499,6	516,9	524,8	515,1	530,0	475,1
Телеком. обор.	154,7	218,7	333,4	393,9	408,9	461,8	496,0	524,3
Потребительская электроника	105,7	182,0	229,6	222,4	216,4	205,7	204,4	198,7
Электр. компоненты	321,9	392,3	574,3	594,4	596,2	657,7	667,5	671,7
Юго-Восточная Азия								
Товары ИКТ	170,4	219,2	252,7	250,9	260,2	279,0	290,0	289,4
Комп. и периф. устр.	71,3	77,6	72,7	62,9	66,0	62,8	62,9	60,7
Телеком. обор.	7,4	14,9	13,4	20,6	28,7	37,6	40,8	49,1
Потребительская электроника	17,4	17,3	22,6	21,7	21,0	20,1	19,4	17,7
Электр. компоненты	68,4	101,1	137,7	138,6	138,4	152,8	160,6	155,4

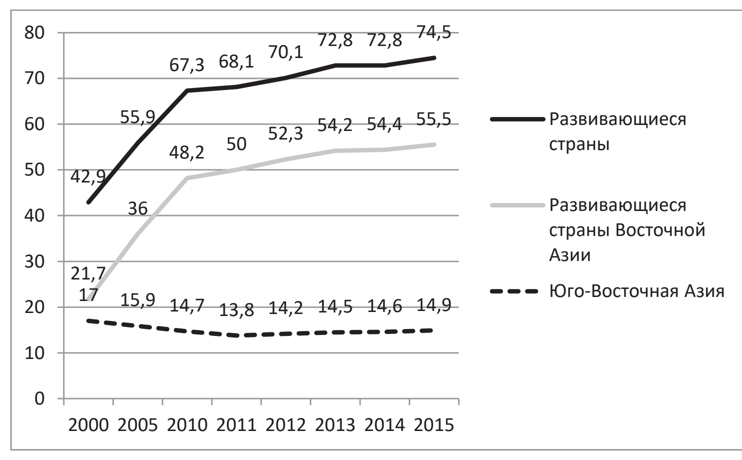
Составлено по: *Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2013. Information Economy.* http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx=15850 (дата обращения: 12.04.2015); *Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2014. Information Economy.* TableViewer/tableView.aspx=15850 (дата обращения: 2.03.2016); *Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2015.* http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx (дата обращения: 10.01.2018).

В 2005 г. на развивающиеся страны приходилось уже 55,9% мирового экспорта товаров ИКТ, в том числе на развивающиеся страны Азии – 52,5%. При этом доля стран Восточной Азии увеличилась до 36,0%, а доля стран Юго-Восточной Азии несколько понизилась, до 15,9% (см. *рис. 1*). В 2000–2005 гг. резко возрос экспорт товаров ИКТ из Китая, который за 5 лет продвинулся сразу с десятого места на первое (234 млрд долл.; 17% мирового экспорта в 2005 г.).

Бывший лидер по экспорту среди развивающихся стран, Сингапур, увеличил свой экспорт товаров ИКТ в 2000–2005 гг. с 75,8 млрд до 104,4 млрд долл. (7,6% мирового экспорта), но отодвинулся на четвертое место в мире, уступив не только КНР и США (второе место), но и специальному автономному району КНР Гонконгу. Малайзия (61,4 млрд долл., 4,5%) стала девятой. Крупными экспортерами товаров ИКТ были в 2005 г. Таиланд (25,8 млрд долл., 1,9%) и Филиппины (19,7 млрд долл., 1,4% мирового экспорта) (подсч. по табл. 1, 3).

Рисунок 1

Развивающиеся страны, в том числе страны Восточной и Юго-Восточной Азии, доля в мировом экспорте товаров ИКТ, 2000–2015 гг. (%)

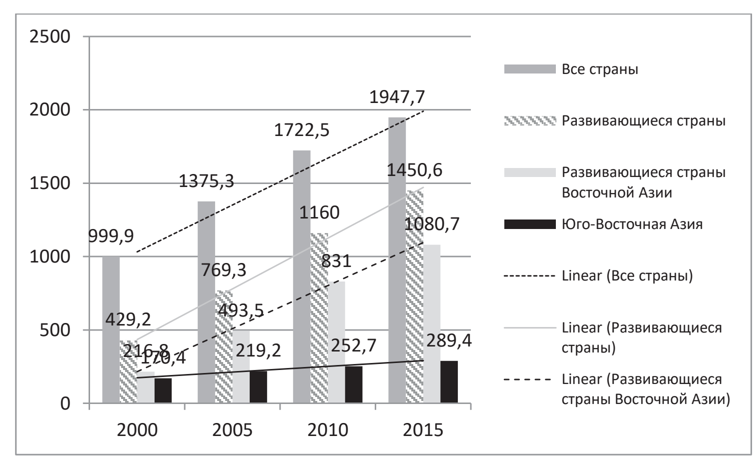

Подсчитано по табл. 1.

В 2010 г. после глобального финансового и экономического кризиса экспорт Сингапура составил 120,8 млрд долл., 7% мирового экспорта. Экспорт товаров ИКТ из Малайзии достиг 67,6 млрд долл. (3,9% мирового экспорта). Экспорт из Таиланда к 2010 г. возрос до 37 млрд долл. (2,1% мирового экспорта), это самый высокий показатель для страны за 2000–2015 гг. Экспорт с Филиппин, напротив, сократился до 13,8 млрд долл. и продолжил сокращаться в 2011 г. Рост возобновился только в 2012 г.

Рисунок 2

Экспорт товаров ИКТ: все страны, страны Восточной и Юго-Восточной Азии, 2000–2015 гг. (млрд долл.)

Составлено по данным табл. 1.

В целом за 2000–2015 гг. доля всех развивающихся стран в мировом экспорте товаров ИКТ возросла с 42,9 до 74,5%, в т. ч. стран Восточной и Юго-Восточной Азии – с 38,7% до 70,4%. При этом доля стран Восточной Азии увеличилась с 36,0% до 55,5%, а стран Юго-Восточной Азии понизилась с 17% до 14,9%, точнее, она понизилась до 13,8% в 2011 г., а затем к 2015 г. повысилась до 14,9%. Однако можно оценивать позиции стран ЮВА иначе. Они сумели практически сохранить свою достаточно высокую долю на рынке товаров ИКТ на фоне головокружительного роста экспорта из Китая. Это потребовало от них немалых усилий. Вспоминается излюбленная отечественным экономистом В.А. Мельянцевым цитата из «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэррола: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте…»[4]. Эта цитата весьма применима к сегодняшней ситуации, и не только в экономике стран ЮВА.

Таблица 3

Экспорт товаров ИКТ, страны ЮВА, 2000–2015 гг. (млрд долл.)

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Малайзия								
Товары ИКТ	51,7	61,4	67,6	66,8	63,5	64,4	67,3	60,2
Комп. и периф. устр.	21,0	23,1	22,8	17,0	16,3	15,3	13,6	12,2
Телеком. обор.	3,0	4,6	2,4	2,9	3,5	3,9	4,8	4,3
Потребительская электроника	8,0	7,0	8,9	8,4	7,4	6,9	6,2	4,8
Электр. компоненты	18,5	25,0	31,4	36,0	34,5	37,0	40,7	36,8
Сингапур								
Товары ИКТ	75,8	104,4	120,8	118,4	116,0	122,8	122,7	116,0
Комп. и периф. устр.	30,5	31,9	22,0	20,6	20,0	18,0	16,7	16,0
Телеком. обор.	2,8	8,8	6,5	8,5	8,8	8,9	8,8	10,5
Потребительская электроника	3,7	3,9	3,7	3,4	2,9	2,7	2,5	2,0
Электр. компоненты	35,3	55,2	87,0	84,1	82,7	91,2	92,7	85,3
Филиппины								
Товары ИКТ	14,8	19,7	13,8	10,9	15,3	17,1	21,4	25,2

[4] Мельянцев В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI в. //Восток (Oriens). 2017, № 3. С. 162.

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Комп. и периф. устр.	7,2	7,7	5,5	4,3	5,0	4,2	6,6	6,4
Телеком. обор.	0,6	0,3	0,5	0,2	0,4	0,4	0,3	0,4
Потребительская электроника	0,3	0,2	0,2	0,1	0,2	0,3	0,4	0,4
Электр. компоненты	6,3	11,0	7,1	6,1	9,4	11,9	13,4	17,4
Таиланд								
Товары ИКТ	19,7	25,8	37,0	35,6	36,8	35,6	36,5	35,0
Комп. и периф. устр.	9,1	11,9	18,1	16,3	18,7	17,4	17,6	16,8
Телеком. обор.	0,7	0,9	1,8	2,0	2,3	2,3	2,4	2,3
Потребительская электроника	2,5	3,8	4,8	5,2	5,9	5,5	5,7	5,3
Электр. компоненты	7,1	8,3	10,3	10,2	8,3	9,1	9,7	9,9
Индонезия								
Товары ИКТ	7,6	6,9	7,9	7,8	7,7	6,6	6,1	5,3
Комп. и периф. устр.	3,1	2,5	2,2	2,1	2,3	1,8	1,9	1,8
Телеком. обор.	0,3	0,4	0,2	0,4	0,5	0,2	0,2	0,18
Потребительская электроника	2,8	2,3	4,1	3,8	3,3	3,1	2,6	2,2
Электр. компоненты	0,9	1,4	1,1	1,2	1,1	1,0	0,9	0,74
Вьетнам								
Товары ИКТ	0,8	0,9	5,7	11,3	20,9	32,4	36,0	47,6
Комп. и периф. устр.	0,5	0,5	2,0	2,6	4,0	6,1	6,4	7,5
Телеком. обор.	0,02	0,04	2,0	6,7	13,2	21,9	24,4	31,4
Потребительская электроника	0,1	0,2	0,8	0,8	1,2	1,6	2,0	3,1
Электр. компоненты	0,2	0,2	0,7	1,0	2,4	2,7	2,8	5,3
Бруней, товары ИКТ								0,012
Камбоджа, Товары ИКТ								0,187
Комп. и периф. устр.								…

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Телеком. обор.								0,066
Потребительская электроника								0,015
Мьянма								…

Составлено по: *Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2013. Information Economy.* http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx=15850 (дата обращения: 12.04.2015); *Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2014. Information Economy.* TableViewer/tableView.aspx=15850 (дата обращения: 2.03.2016); *Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2015.* http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx (дата обращения: 10.01.2018). (по источникам к табл. 1)

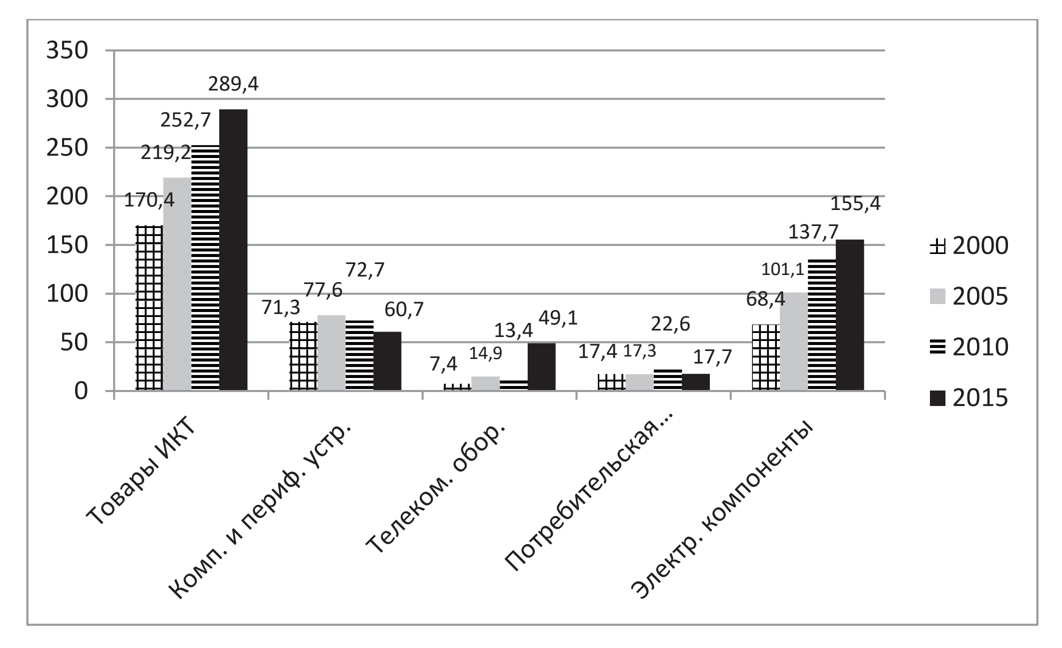
За 2000–2015 гг. мировой экспорт товаров ИКТ возрос почти вдвое. Но в последние годы темпы его роста замедлились. В 2014 г. этот экспорт составил 1980 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2013 г. лишь на 3%, а в 2015 г. понизился до 1947,7 млрд долл. Экспорт товаров ИКТ из ЮВА в 2014–2015 гг. остался практически на неизменном уровне: соответственно 290 млрд долл. и 289,4 млрд долл. С 2000 г. на фоне стремительного роста экспорта товаров ИКТ из КНР и неуклонного повышения за счет этого доли стран Восточной Азии экспорт из стран ЮВА рос не столь быстро, в 2000–2015 гг. он увеличился на 70%, тогда как экспорт из Восточной Азии – на 399%, или в 5 раз. Можно увидеть эти разные тренды роста на *рис. 2*.

В 2000–2014 г. мировой экспорт компьютерного оборудования и периферийных устройств (мониторов, принтеров и т. д.) (далее – компьютерное оборудование) возрос с 367,2 млрд долл. до 530,0 млрд долл., но его доля в мировом экспорте товаров ИКТ понизилась с 36,7% до 26,8%. В 2015 г. экспорт сократился до 475,1 млрд долл. На мировом рынке компьютеров отчетливо обозначилась стагнация, что связано и с насыщением рынка, и с конкуренцией мобильных устройств, которые для многих пользователей берут на себя все нужные им функции компьютеров. Экспорт компьютерного оборудования и периферийных устройств из ЮВА достиг максимума в 2005 г. (77,6 млрд долл., 16,4% мирового экспорта) по сравнению с 71,3 млрд долл. в 2000 г. (19,4% мирового экспорта), а затем понизился до 72,7 млрд долл. в 2010 г. и 60,7 млрд долл. в 2015 г. В 2000 г. экспорт компьютерного оборудования из Сингапура (30,5 млрд долл.) почти вдвое превышал аналогичный экспорт из КНР (17,9 млрд долл.), они составляли соответственно 8,3% и 4,9% от мирового экспорта. В 2014 г. ведущим экспортером компьютерного оборудования и периферийных устройств, намного опережавшим всех остальных экспортеров, была КНР (215,9 млрд долл.; 40,7% мирового экспорта), далее шли США, Гонконг (КНР), Нидерланды, Мексика, Германия. На седьмом месте находился Таиланд (17,6 млрд долл.; 3,3%), на восьмом – Сингапур (16,7 млрд долл.; 3,2%), на девятом – Малайзия (2,6%). В первой десятке экспортеров компьютерного оборудования было три страны ЮВА,

причем первым среди них был Таиланд. В 2015 г. 65,3% мирового экспорта компьютеров поступало на рынок из развивающихся стран Азии, доля Китая составила 38,7%, Таиланда – 3,5%, Сингапура – 3,3%, Малайзии – 2,6%, Вьетнама – 1,6% (подсч. по табл. 2,3, ист. к табл. 3).

Рисунок 3

Экспорт товаров ИКТ из стран ЮВА по категориям, 2000–2015 гг. (млрд долл.)

Составлено по табл. 2.

На *рис. 3* видно, что наиболее динамичными категориями экспорта товаров ИКТ из стран ЮВА были телекоммуникационное оборудование и электронные компоненты для товаров ИКТ. Экспорт потребительской электроники практически оставался неизменным, а экспорт компьютерного оборудования даже сократился, хотя его доля остается достаточно высокой.

В последние годы из всех товаров ИКТ наиболее высокими темпами возрастал экспорт телекоммуникационного оборудования. Мировой экспорт телекоммуникационного оборудования в 2000–2015 гг. увеличился с 154,7 млрд долл. до 524,3 млрд долл., а доля телекоммуникационного оборудования в экспорте товаров ИКТ – с 15,5% до 26,9%. На развивающиеся страны в 2015 г. приходилось 76,4% мирового экспорта телекоммуникационного оборудования, на развивающиеся страны Азии – 73%. В 2014 и 2015 гг. первым по экспорту телекоммуникационного оборудования был Китай (39,6% и 40,9% мирового экспорта). В 2014 г. далее шли Гонконг (КНР), США, Республика Корея. Пятым был Вьетнам (4,9%), девятым – Сингапур (1,8%).

Вьетнам вошел в число стран с наиболее высокими темпами роста экспорта телекоммуникационного оборудования, который увеличился за 2000–2015 гг. с 0,04 млрд долл. до 31,4 млрд долл. В 2015 г. доля Вьетнама в мировом экспорте телекоммуникационного оборудования достигла 6%, он вышел на четвертое место в мире, опередив признанного лидера и страну происхождения крупных ТНК отрасли – Южную Корею (29,9 млрд долл.). Правда, южнокорейские компании, в частности «Самсунг электроникс», сами перенесли производство мобильных телефонов во Вьетнам с его дешевой рабочей силой. «Самсунг электроникс» («Самсунг») стала крупнейшим инвестором во Вьетнаме, в 2015 г. она произвела во Вьетнаме больше мобильных телефонов, чем в Китае[5]. «Самсунг» – крупнейший инвестор в производство товаров ИКТ в стране. С 2009 по 2016 г. «Самсунг» осуществила во Вьетнаме ПИИ на общую сумму порядка 12 млрд долл., ее предприятия размещены в провинции Бак Нинь, где выпускается 120 млн мобильных телефонов в год, и в провинции Тай Нгуен. Создан центр НИОКР в Ханое. В 2015 г. для корпорации «Самсунг» во Вьетнаме было произведено больше мобильных телефонов, чем в Китае: соответственно 240 млн и 150 млн мобильных телефонов[6]. Предлог «для» употреблен неслучайно: телефоны могут производиться и в филиалах ТНК и для них по контрактам о производстве (contract manufacturing) местными предприятиями.

Мировой экспорт потребительской электроники в 2000–2010 гг. увеличился с 105,7 млрд долл. до 229,6 млрд долл., а затем неуклонно сокращался, в 2015 г. он составил 198,7 млрд долл., доля этой товарной группы в экспорте товаров ИКТ почти не изменилась: 10,6% в 2000 г. и 10,2% в 2015 г. Рынок телевизоров, видеомагнитофонов, радиоприемников и проигрывателей достиг высокой степени насыщения. Часто вместо стационарной потребительской электроники используются мобильные устройства. Доля развивающихся стран в экспорте потребительской электроники составляла в 2015 г. 67,9%, развивающихся стран Азии – 56,4% (подсч. по *табл. 2*). Ведущими экспортерами потребительской электроники в 2014 г. были КНР (34,8% мирового экспорта), Мексика, США, Гонконг, Словакия, Германия, Япония. Малайзия (3%) занимала 8-е место, Таиланд (5,5 млрд долл., 2,7%) – 11-е место. В 2015 г. доля КНР в мировом экспорте потребительской электроники составила 37,3%, всех стран ЮВА – 8,9%, в том числе Таиланда – 2,7%, Малайзии – 2,4%, Вьетнама – 1,6%, Индонезии – 1%. Малайзия, например, уже в начале 1990-х гг. экспортировала телевизоры японского бренда «Шарп», такой телевизор, сделанный в Малайзии, и по сей день бесперебойно работает у автора этих строк. В странах ЮВА в целом экспорт этой категории товаров ИКТ оставался в 2000–2015 гг. практически неизменным: в 2000 г.

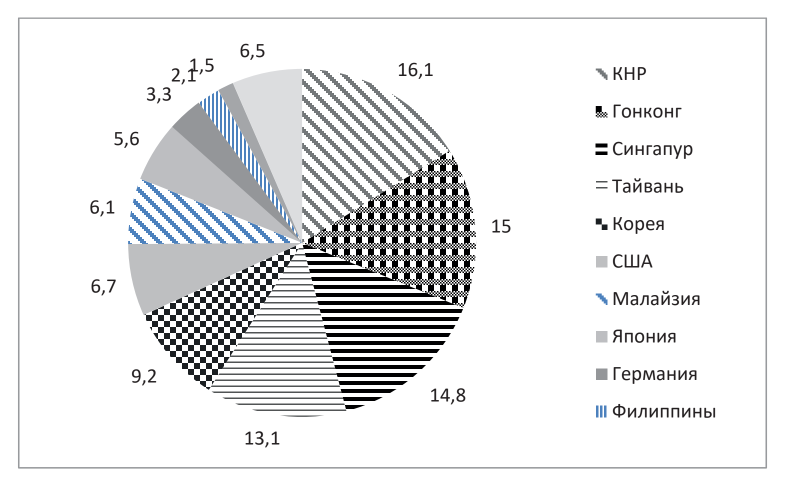
[5] World Investment Report 2016, UN, N.Y.; Gen., 2016. P. 47.

[6] Vietnam's Electronic sector: Development, Locations and Opportunities. BDG Vietnam. V. Milenkovic. Oct., 2016. http://bdg-vietnam.com/de/about/news/details/items/vietnams-electronics-sector-development-locations/pdf (дата обращения: 12.01.2018).

он составлял 17,4 млрд долл., в 2005–17,3 млрд долл., в 2010 г. достиг максимума – 22,6 млрд долл., а в 2015 г. понизился до уровня 2005 г. – 17,7 млрд долл. (подсч. по *табл. 2,3*)

Рисунок 4

Мировой экспорт электронных компонентов, 2014 г. (%).

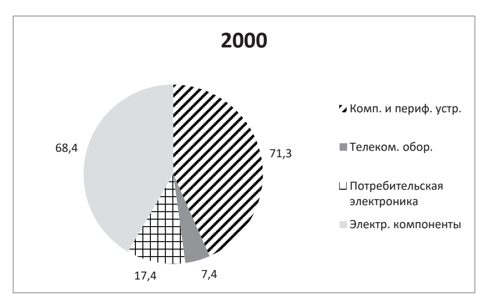
Составлено по ист. к табл. 3.

Категория товаров ИКТ, чей экспорт динамично растет, – электронные компоненты. Они стали важнейшей специализацией экспорта стран ЮВА. В 2000 г. третьим в мире по экспорту электронных компонентов для товаров ИКТ после США (66,1 млрд долл.; 20,5% мирового экспорта) и Японии (14,2%) был Сингапур (35,3 млрд долл. 11,0%). Малайзия (18,5 млрд долл. 5,7%) занимала шестое место после Тайваня и Южной Кореи, Таиланд (7,1 млрд долл. 2,2%) – девятое место,, Филиппины (2,0%) – одиннадцатое. Китай был только десятым (2,1%). В 2000–2015 гг. доля развивающихся стран в мировом экспорте электронных компонентов для товаров ИКТ повысилась с 45,6% до 79,3%, развивающихся стран Азии – с 44,3% до 78,7%, доля развитых стран понизилась с 54,4% до 20,7%. В 2014 г. Сингапур по-прежнему был третьим в мире среди экспортеров электронных компонентов для товаров ИКТ, его опережали уже не США и Япония, а КНР и Гонконг (КНР). На самом деле Сингапур был вторым экспортером после Китая, поскольку Гонконг (КНР) имеет очень небольшое по объему собственное производство (промышленные предприятия в основном перебазировались в материковый Китай) и в основном осуществляет реэкспорт. Малайзия была седьмой (6,1%), она экспортировала электронных компонентов ненамного меньше, чем США (6,7%). Филиппины занимали десятое место (2,1%) после Германии. В 2015 г. на страны ЮВА приходилось 23% мирового экспорта электронных компонентов для товаров ИКТ, в том числе 12,7% – на Сингапур (85,3 млрд долл., 3-е место), 5,5% – на Малайзию (36,8 млрд долл.), 2,6% – на Филиппины (17,4 млрд долл.), 1,5% – на Таиланд

(9,9 млрд долл.). Доля лидера, Китая, – 17,8% – ненамного превышала долю Сингапура. Позиции стран ЮВА на мировом рынке электронных компонентов весьма впечатляющие. Они стали на мировом рынке товаров ИКТ прежде всего экспортерами электронных компонентов. Страны ЮВА поставляют детали и полуфабрикаты для последующей сборки готовой продукции другим странам, в первую очередь друг другу и странам Восточной Азии.

Рисунок 5

Экспорт товаров ИКТ из стран ЮВА по категориям: 2000 г. (млрд долл.)

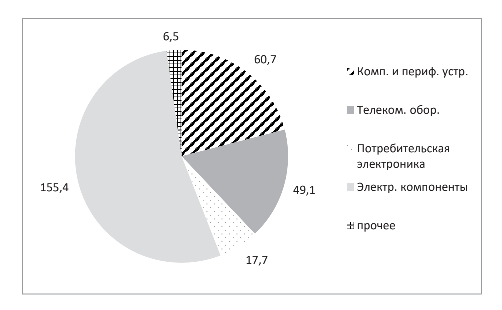

Составлено по табл. 3.

В 2000 г. ведущей статьей в экспорте товаров ИКТ из ЮВА было компьютерное оборудование (41,8%), второе место занимали электронные компоненты (40,2%), 10,2% приходилось на потребительскую электронику, 4,3% – на телекоммуникационное оборудование (подсч. по данным *рис. 5*). Впрочем, в 2000 г. мобильные телефоны (пейджеры) были большой редкостью, они только начинали становиться доступными для покупателей, стоили дорого, широкомасштабного экспорта мобильных телефонов не было[7].

Рисунок 6

Экспорт товаров ИКТ из стран ЮВА по категориям: 2015 г. (млрд долл.)

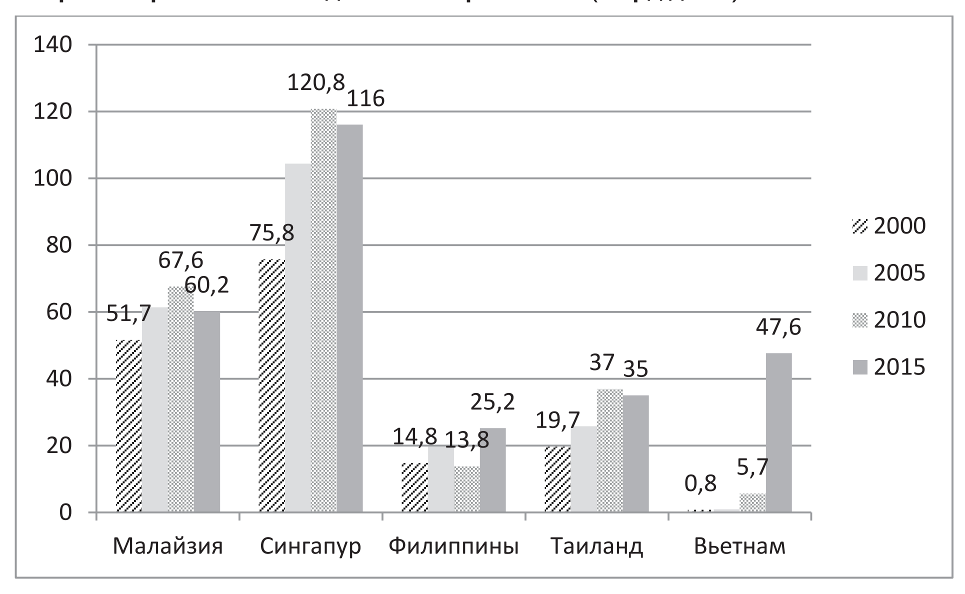
Составлено по табл. 3.

[7] http://techno.bigmir.net/technology/1525696-Starye-modniki – nazvany-krutye-telefony-nachala-2000-h (10.01.2018).

В 2015 г. доля электронных компонентов в экспорте товаров ИКТ из стран ЮВА достигла 53,7%, доля компьютерного оборудования понизилась до 21%, телекоммуникационного оборудования возросла до 17%, а доля потребительской электроники понизилась до 6% (подсч. по данным *рис. 6*).

Рисунок 7

Экспорт товаров ИКТ из отдельных стран ЮВА (млрд долл.)

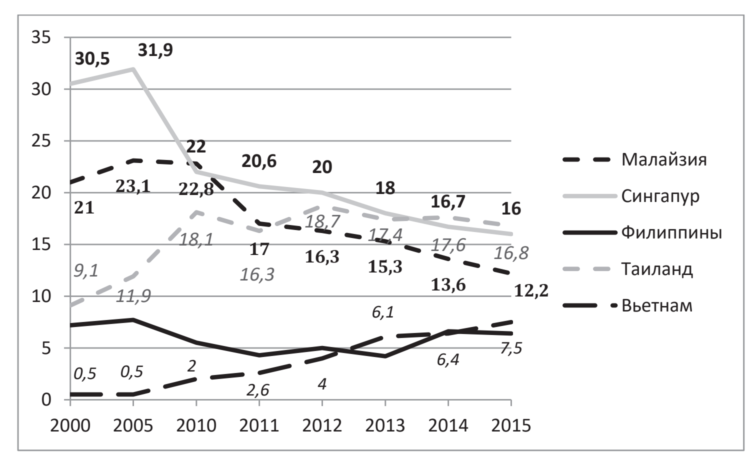

Составлено по табл. 3.

Сегодня можно выделить в ЮВА пять ведущих экспортеров товаров ИКТ. В 2015 г. это – Сингапур, Малайзия, Вьетнам, Таиланд и Филиппины. Сингапур был крупнейшим экспортером товаров ИКТ из ЮВА уже к 1990-м гг. и поныне остается таковым, хотя этот экспорт из него в 2010–2015 гг. несколько сократился, со 121 млрд до 116 млрд долл. Заметные позиции среди мировых экспортеров уже к 1990-х гг. занимала Малайзия, она по-прежнему входит в число ведущих мировых экспортеров, хотя и ее экспорт в 2010–2015 гг. сократился с 68 млрд до 60 млрд долл. В последние несколько лет высокими темпами рос экспорт товаров ИКТ, прежде всего телекоммуникационного оборудования из Вьетнама, в 2000 и в 2005 гг. экспорт товаров ИКТ из страны был минимальным (менее 1 млрд долл.), в 2005–2010 гг. он увеличился в 6 раз, с 0,9 млрд до 5,7 млрд долл., а в 2010–2015 гг. снова возрос в 6 раз, с 5,7 млрд до 47,6 млрд долл. В 2015 г. Вьетнам по экспорту товаров ИКТ оттеснил на четвертое место в регионе Таиланд. В пятерку ведущих экспортеров товаров ИКТ в регионе входят и Филиппины. Сингапур и Малайзия, Таиланд и Филиппины осуществляют экспорт электроники уже с 1970-х гг. Вьетнам буквально «ворвался» в число экспортеров только после 2005 г.

Рисунок 8

Экспорт компьютерного оборудования из стран ЮВА, 2000–2015 гг. (млрд долл.)

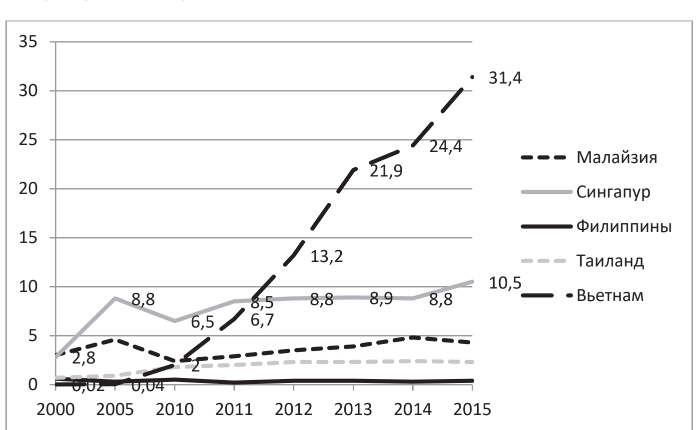

Составлено по табл. 3.

Каждой из стран ЮВА – экспортеров товаров ИКТ присуща определенная специализация, свой «профиль». Экспортерами компьютерного оборудования в регионе являются прежде всего Таиланд (16,8 млрд долл. в 2015 г.), для которого это важнейшая из категорий товаров ИКТ в экспорте, Сингапур (16 млрд долл.), чей экспорт компьютерного оборудования резко сократился, практически вдвое за 2000–2015 гг. и Малайзия (12,2 млрд долл.), ее экспорт тоже заметно понизился. В последние годы наращивает экспорт компьютерного оборудования и Вьетнам, хотя и не столь стремительно, как экспорт телекоммуникационного оборудования.

Рисунок 9

Экспорт телекоммуникационного оборудования из стран ЮВА, 2000–2015 гг. (млрд долл.)

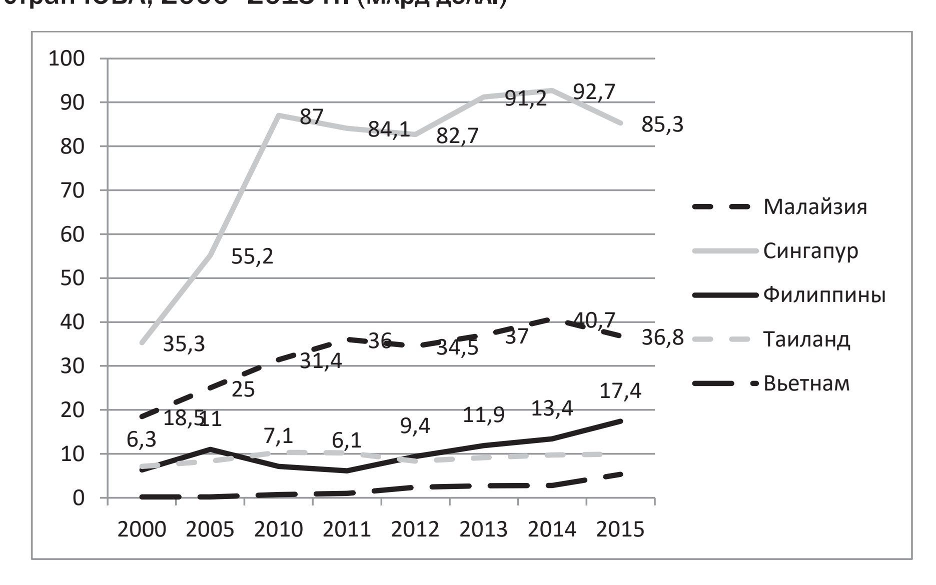

Составлено по табл. 3.

На *рис. 9* бросается в глаза головокружительный рост экспорта телекоммуникационного оборудования из Вьетнама в последние 5 лет. Экспортируют телекоммуникационное оборудование также Сингапур и Малайзия, но Вьетнам многократно опередил их по объему экспорта.

Рисунок 10

Экспорт электронных компонентов для товаров ИКТ из стран ЮВА, 2000–2015 гг. (млрд долл.)

Составлено по табл. 3.

На мировом рынке товаров ИКТ страны ЮВА сегодня выступают прежде всего как экспортеры электронных компонентов для товаров ИКТ, в первую очередь благодаря Сингапуру. Сингапур, совершивший гигантский рывок в экономическом развитии и по уровню ВНП на душу населения опередивший многие западные страны, сегодня, а точнее уже к 2010 г. перешел от экспорта готовых изделий в основном к экспорту электронных компонентов для сборки из них готовой продукции в странах с более дешевой рабочей силой. На электронные компоненты приходилось 72,0% экспорта товаров ИКТ из Сингапура в 2010 г., 73,5% – в 2015 г., в 2000 г. эта доля уже была немалой – 46,6% экспорта товаров ИКТ. Сегодня практически в каждом из важнейших электронных устройств есть компоненты, произведенные в Сингапуре, – от жестких дисков «Сигейт» и головок для принтера HP («Хьюлетт Паккард») до батареек «Энерджайзер» и фильтров RF в смартфонах 4-го поколения[8].

Экспортирует электронные компоненты и Малайзия, причем их доля в ее экспорте товаров ИКТ повысилась с 35,8% в 2000 г. до 61,1% в 2015 г.

[8] https://www.edb.gov.sg/en/our-industries/ electronics.html (дата обращения: 10.01.2018).

Третье место по экспорту электронных компонентов из стран ЮВА занимают Филиппины. Это их преимущественная специализация: на компоненты в 2015 г. пришлось 69,0% их экспорта товаров ИКТ. Филиппины производят компоненты для компьютерного оборудования, жесткие диски CD-ROM. Они обеспечивают 50% мирового спроса на жесткие диски HDD 2,5 дюймов и 10% мирового спроса на HDD3,5 дюймов[9]. Четвертый по экспорту электронных компонентов из стран ЮВА – Таиланд, на них пришлось в 2015 г. 28,3% его экспорта товаров ИКТ (подсч. по табл. 3). Этот экспорт составлял в 2015 г. 9,9 млрд долл. О его значимости мир узнал несколько лет назад, когда в Таиланде произошло наводнение, и из-за сбоев в поставках жестких дисков оттуда резко подскочили цены на компьютеры на мировом рынке.

Начинают экспортировать электронику, товары ИКТ и другие страны ЮВА, в частности Камбоджа с ее дешевой рабочей силой: в 2015 г. ее экспорт товаров ИКТ составил 187 млн долл. (см. табл. 3). Сможет ли она повторить успех Вьетнама?

Если одни страны ЮВА наращивают экспорт электроники, товаров ИКТ, то другие, напротив, сокращают экспорт, переориентируясь на внутренний рынок. Это – случай Индонезии, экспорт товаров ИКТ из которой сократился в 2000–2015 гг. с 7,6 млрд долл. (4,5% общего экспорта товаров ИКТ из ЮВА) до 5,3 млрд долл. (1,8% экспорта из стран ЮВА). Впрочем, экспорт товаров ИКТ из всех переходных стран составил в 2015 г. 3,6 млрд долл. (см. табл. 1, 3).

ЮВА, наряду с Восточной Азией, является одним из двух регионов развивающегося мира, которые играют ведущую роль на мировом рынке товаров ИКТ. В 2015 г. доля этих двух регионов в мировом экспорта товаров ИКТ достигла 70,4%, в том числе доля ЮВА – 14,9%. На все остальные развивающиеся страны приходилось только 4,1% мирового экспорта товаров ИКТ, на развитые страны – 25,3%, на переходные страны (включая РФ, Украину, Казахстан) – 0,2%. В 2015 г. страны ЮВА генерировали 13% мирового экспорта компьютеров, 9% мирового экспорта телекоммуникационного оборудования, 8,9% мирового экспорта потребительской электроники и 23% мирового экспорта электронных компонентов для товаров ИКТ. Последняя цифра показывает, насколько интенсивно страны ЮВА включены в глобальные цепочки стоимости в электронной промышленности. На фоне успехов Восточной Азии доля стран ЮВА в мировом экспорте товаров ИКТ может показаться скромной. Однако позиции стран ЮВА в международном разделении труда выглядят весьма внушительно, если сравнить их место с позициями других групп стран, например, переходных стран. Еще 6-7 десятков лет назад бывшие отсталыми аграрными странами, страны ЮВА добились больших успехов в развитии экономики, заняли важное место в международном разделении труда, в производстве на экспорт электронной продукции, товаров ИКТ уже в 1990-х гг. и сохраняют его по настоящее время.

---

[9] The Philippines electronics industry profile. 23 febr. 2011. BOI Philippines. http://www.philexport.ph/c/document_library/get_file?uuid=8659b363–97ff-4ffd-b7e8–364fa03c492f&groupId=127524 (дата обращения: 14.01.2018).

Цветкова Н.Н.

Страны Юго-Восточной Азии в глобальных цепочках стоимости: производство электронного и компьютерного оборудования, 1995-2015 гг.

Аннотация: Страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) заняли важное место в международном разделении труда как экспортеры товаров ИКТ уже к 2000 г. и сумели его сохранить на фоне растущей конкуренции с КНР. В статье делается попытка показать место стран ЮВА в глобальных цепочках стоимости и создание в странах добавленной стоимости в производстве компьютерного и электронного оборудования.

***Ключевые слова*:** страны Юго-Восточной Азии, товары ИКТ, электронные компоненты, экспорт, добавленная стоимость, глобальные цепочки стоимости.

Цель статьи – показать, какое место заняли страны Юго-Восточной Азии в глобальных цепочках стоимости в производстве электронного и компьютерного оборудования (именно по производству электронного, компьютерного и оптического оборудования приводятся достаточно подробные сведения в базе данных ОЭСР по торговле добавленной стоимостью). В статье также использованы сведения из базы данных ЮНКТАД, по экспорту и импорту товаров ИКТ[1]. Как указывается в Докладе ЮНКТАД об информационной экономике 2010 г., к производству товаров ИКТ относится производство офисного, компьютерного, вычислительного оборудования, проводов и кабелей, вакуумных трубок, передающей аппаратуры для радиовещания, телевидения, телефонной и телеграфной связи, телевизоров и радиоприемников, видеомагнитофонов и звуковоспроизводящей аппаратуры и электронных компонентов для их производства[2].

* * *

Страны ЮВА: Сингапур, Малайзия, Таиланд, Филиппины, а в последние годы и Вьетнам стали ведущими мировыми экспортерами товаров ИКТ[3]. Доля стран ЮВА в мировом экспорте товаров ИКТ оставалась

[1] Следует отметить, что отрасли, используемые в базе данных ОЭСР, не идентичны отраслям, по которым приводятся данные об экспорте товаров ИКТ в базе данных ЮНКТАД.

[2] Information Economy Report 2010. UNCTAD, N.Y.; Gen., 2010. P. 40.

[3] Статья является продолжением статьи: Цветкова Н. Н. Страны Юго-Восточной Азии в международном разделении труда: экспорт товаров ИКТ, 2000–2015 гг.//Восточная аналитика. 2018, № 1-2.

на протяжении 2000–2015 гг. на стабильном уровне, она лишь слегка понизилась с 17,0 до 14,9%, притом, что весь мировой экспорт увеличился за 2000–2015 гг. вдвое, с 1 до 2 трлн долл. В 2015 г. на страны ЮВА приходилось 23% мирового экспорта электронных компонентов для товаров ИКТ, 13% мирового экспорта компьютеров, 9% – телекоммуникационного оборудования, 8,9% – экспорта потребительской электроники. Страны ЮВА заняли важное место в международном разделении труда в производстве товаров ИКТ, в том числе компьютерного, электронного оборудования, потребительской электроники (телевизоров, аудио- и видеооборудования) и комплектующих для них.

Ряд стран ЮВА не экспортирует товары ИКТ в больших объемах, они производят эту продукцию для внутреннего рынка на основе импортозамещения: это Индонезия, из экспортера ставшая импортером. В целом же Индонезия входит в число ведущих стран в мире по объему добавленной стоимости, созданной в обрабатывающей промышленности (205,8 млрд долл.; 2013 г.)[4].

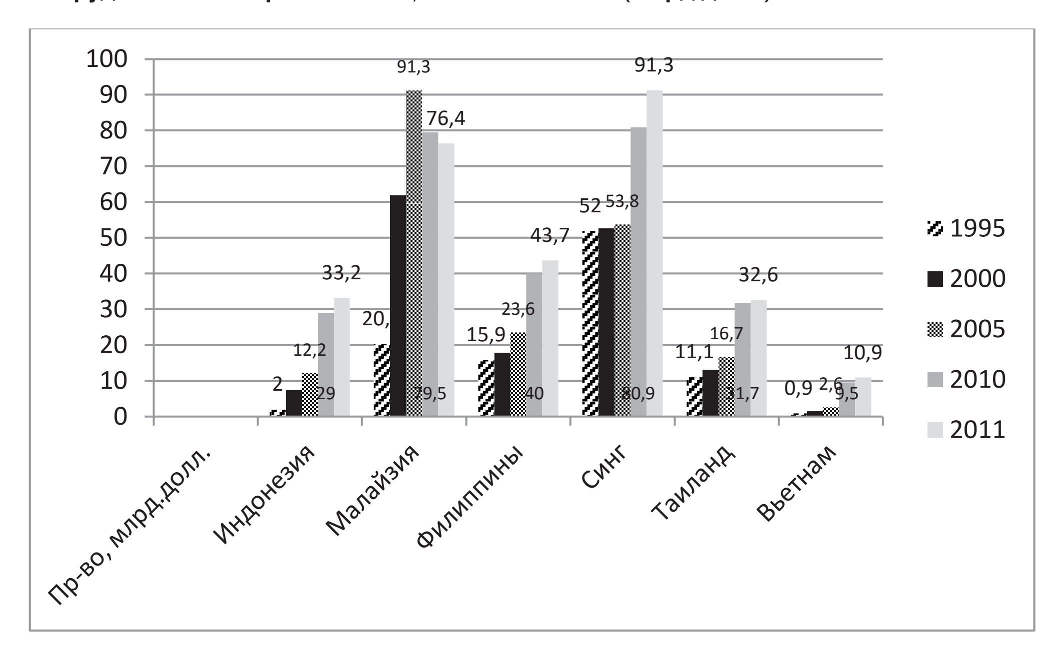
В докладе ЮНИДО 2013 г. вместо привычных делений – развитые и развивающиеся страны, используется деление стран на индустриальные и индустриализирующиеся, причем к числу индустриальных стран кроме развитых стран отнесены, например, Китай, Тайвань, Южная Корея, Сингапур, а большинство развивающихся стран относится к категории индустриализирующихся. В 2005 г. в добавленной стоимости в производстве радио-, телевизионного, телекоммуникационного оборудования, созданной в индустриализирующихся странах, 33,4% приходилось на Таиланд, 14,6% – на Индонезию, 11,7% – на Филиппины, это больше, чем доля таких крупных стран, как Бразилия – 11,6%, Индия – 7,5%. Доля всех индустриализирующихся стран в мировой добавленной стоимости в производстве радио-, телевизионного, телекоммуникационного оборудования в 2005 г. составляла 24%: соответственно доля Таиланда равнялась 8% от мировой добавленной стоимости, Индонезии – 3,5%, Филиппин – 2,8%. В 2011 г. в добавленной стоимости в производстве радио-, телевизионного, телекоммуникационного оборудования в индустриализирующихся странах доля Индонезии повысилась до 26,4%, доля Таиланда понизилась до 14,9%, Филиппин – до 7,5%. В добавленной стоимости в производстве компьютерного и офисного оборудования, созданной в индустриализирующихся странах, в 2005 г. 19,5% приходилось на Филиппины (больше, чем на Индию – 13,5%), 8,7% – на Таиланд. В 2011 г. доля Филиппин понизилась до 17,3%, а доля Таиланда повысилась до 12,6%[5].

[4] Sustaining Employment Growth. The Role of Manufacturing. Industrial Development Report 2013. UNIDO. P. 196.

[5] Industrial Development Report 2013. UNIDO. P. 177.

Рисунок 1

Валовой объем производства электронного, компьютерного, оптического оборудования в странах ЮВА, 1995–2011 гг. (млрд долл.)

Составлено по: Trade in Value Added (TiVA) – October 2015. http://stats.oecd.org/index. aspx?DataSetCode=TIVA2015_C1 (дата обращения: 14.01.2018).

По данным ОЭСР, по валовому объему производства электронного, компьютерного, оптического оборудования в 2011 г. первое место среди стран ЮВА занимал Сингапур (91,3 млрд долл.), на втором месте находилась Малайзия (76,4 млрд долл.). Третье место в 2011 г. по объему валового производства занимали Филиппины (43,7 млрд долл.), а четвертое место – Индонезия (33,2 млрд долл.) (рис. 1). По объему экспорта электронного, компьютерного, оптического оборудования в 2000 г. лидировали Малайзия, Сингапур, Филиппины, Таиланд, в 2011 г. Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины (см. табл. 2). Расстановка стран ЮВА по валовому объему производства и экспорта электронного, компьютерного, оптического оборудования не такая, как по экспорту товаров ИКТ в целом, куда входят также телекоммуникационное оборудование, потребительская электроника[6]. По экспорту товаров ИКТ в целом Сингапур был несомненным лидером на протяжении 1996–2015 гг., Малайзия всегда в течение этого периода была второй, ведущими экспортерами были также Таиланд и Филиппины[7]. Вьетнам в 2011 г. еще не вышел

[6] Следует отметить, что отрасли, используемые в базе данных ОЭСР, не идентичны отраслям, по которым приводятся данные об экспорте товаров ИКТ в базе данных ЮНКТАД.

[7] См. подр.: Цветкова Н. Н. Страны Юго-Восточной Азии в международном разделении труда: экспорт

на лидирующие позиции в экспорте, в 2015 г. по экспорту товаров ИКТ он обогнал не только Филиппины, но и Таиланд, а по экспорту телекоммуникационного оборудования вышел на четвертое место в мире, опередив Южную Корею.

Таблица 1

Валовой объем производства и экспорт электронного, компьютерного, оптического оборудования, страны ЮВА, 1995–2011 гг. (млрд долл.,%)

	Пр-во	Эксп.	Доля эксп. прод.	Пр-во	Эксп.	Доля эксп. прод.
	млрд долл.		%	млрд долл.		%
	2000 г.			2011 г.		
Индонезия	7,4	5,8	78,3	33,2	7,9	23,8
Малайзия	61,9	49,0	79,2	76,4	65,0	85,1
Филиппины	17,9	14,1	78,8	43,7	15,2	34,8
Сингапур	52,6	32,7	62,2	91,3	46,4	50,8
Таиланд	13,1	10,7	81,7	32,6	26,4	81,0
Вьетнам	1,5	0,8	68,1	10,9	8,5	78,0

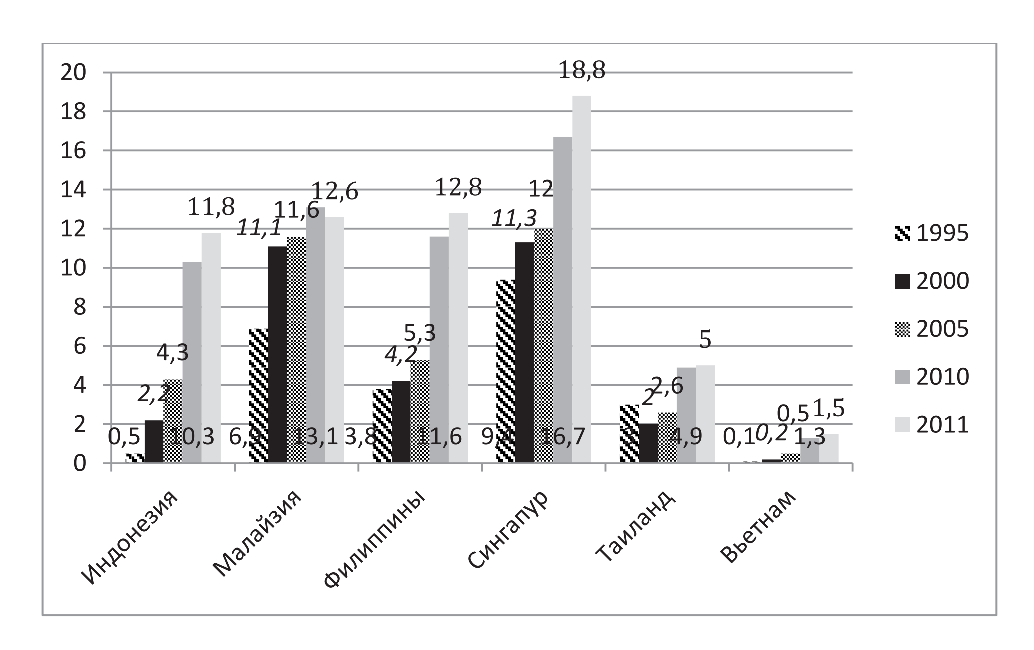
Составлено по: Trade in Value Added (TiVA) – October 2015. http://stats.oecd.org/index. aspx?DataSetCode=TIVA2015_C1 (дата обращения: 14.01.2018).

В ряде стран ЮВА значительная часть производства электронного, компьютерного, оптического оборудования ориентирована на экспорт. По подсчетам на основе базы данных ОЭСР, в 2000 г. доля экспортной продукции в отрасли составляла 81,7% у Таиланда, 79,2% – у Малайзии, 78,8% – у Филиппин. 62,2% – у Сингапура. У Индонезии на экспорт направлялось 78,3% продукции отрасли, к 2011 г. эта доля понизилась до 23,8%. Экспорт электронного, компьютерного, оптического оборудования из Вьетнама в 2000 г. был незначительным, он заметно возрос к 2011 г. (а еще больше к 2015 г., по данным ЮНКТАД), на экспорт в 2011 г. шло 78,0% продукции отрасли. К 2011 г. повысилась доля экспорта в производстве электронного, компьютерного, оптического оборудования у Малайзии – до 85%, осталась на прежнем уровне по сравнению с 2000 г. у Таиланда (81%), понизилась у Сингапура и Филиппин: соответственно 50,8 и 34,8%.

товаров ИКТ, 2000–2015 гг. //Восточная аналитика. 2018, № 1-2.

Рисунок 2

Добавленная стоимость, созданная в производстве электронного, компьютерного, оптического оборудования в странах ЮВА, 1995–2011 гг. (млрд долл.)

Составлено по ист. к рис. 1.

Если говорить о созданной в странах ЮВА добавленной стоимости («чистом продукте») в производстве электронного, компьютерного, оптического оборудования, которая и учитывается при подсчете ВВП, то она была существенно ниже валового объема производства. В 2011 г. первое место занимал Сингапур (18,8 млрд долл. из 91,3 млрд долл., 20,6% от объема валового производства), три страны ЮВА находились по уровню созданной в стране добавленной стоимости примерно на одинаковом уровне: это Филиппины (12,8 млрд долл. из 43,7 млрд долл.), Малайзия (12,6 млрд долл. из 76,4 млрд долл.) и Индонезия (11,8 млрд долл. из 33,2 млрд долл.), но доля созданной в стране добавленной стоимости в общем объеме производства была различной: 35,5% у Индонезии, 29,3% у Филиппин и 16,5% у Малайзии (подсч. по данным рис. 1,2). Одни страны заняты сборочным производством (Малайзия), другие широко используют иностранную технологию и компоненты для производства электронных компонентов (Сингапур), третьи ориентируются на внутренний рынок и используют больше собственных компонентов.

И в производстве, и в экспорте электроники стран ЮВА немалую долю составляет иностранная добавленная стоимость, произведенная в других странах. Страны участвуют в глобальных цепочках создания стоимости.

Уже с начала 2000-х гг. немалое внимание в научной литературе, зарубежной и отечественной, уделяется проблемам глобальных цепочек стоимости. В. Кондратьев (ИМЭМО РАН) в статье «Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости» отмечает: «Современная мировая экономика все больше складывается вокруг глобальных цепочек добавленной стоимости, или просто глобальных цепочек стоимости, ГЦС. Под термином цепочка добавленной стоимости, понимается последовательность основных бизнес-функций или стадий производственного цикла – проектирования, производства, маркетинга, послепродажного обслуживания потребителя… Тот факт, что в последнее время все больше таких функций оседает по разным странам, свидетельствует о глобализации таких стоимостных цепочек»[8].

Среди отраслей, в которых получили развитие подетальное и постадийное международное разделение труда, фрагментация производства, разделение его на этапы, распределенные по разным странам, но координируемые из общего центра, можно назвать электронную промышленность, производство товаров ИКТ.

Страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) активно вовлечены в ГЦС[9]. Участие в ГЦС характеризуют два показателя: обратные, нисходящие (downward) связи – доля иностранной добавленной стоимости в экспорте; прямые, восходящие (upward) связи – доля экспорта, который подвергается последующей переработке в третьих странах. По данным ВТО (2016 г.), в 2011 г. у Сингапура общий уровень участия в ГЦС (по всем отраслям) составлял 62,6%, у Малайзии – 60,4%, в том числе доля иностранной добавленной стоимости в экспорте Сингапура – 41,7%, у Малайзии – 40,6%.

По данным ВТО (2016 г.), доля добавленной стоимости, произведенной за рубежом, в стоимости экспорта компьютерного оборудования и электроники достигала в 2011 г. в Сингапуре 40,1%, в Республике Корее – 42,2%, на Тайване – 44,6%, в Китае – 55%, в Малайзии – 66,8%. Эти данные можно интерпретировать и иначе. Доля созданной в стране добавленной стоимости в экспорте компьютерного оборудования составляла в 2011 г. в Малайзии 33,2% (страну часто называют сборочной мастерской электроники для ТНК), в Китае – 45%, на Тайване –55,4%, в Южной Корее – 57,8%, в Сингапуре – 59,9%. Второй показатель участия в ГЦС – восходящие связи, доля в общем экспорте товаров соответствующей продукции, которая подвергается дальнейшей переработке в других странах. Особенно значительной была эта доля у Тайваня (26%), компании которого экспортируют ЭК и организуют сборочные производства в странах с дешевой рабочей силой.

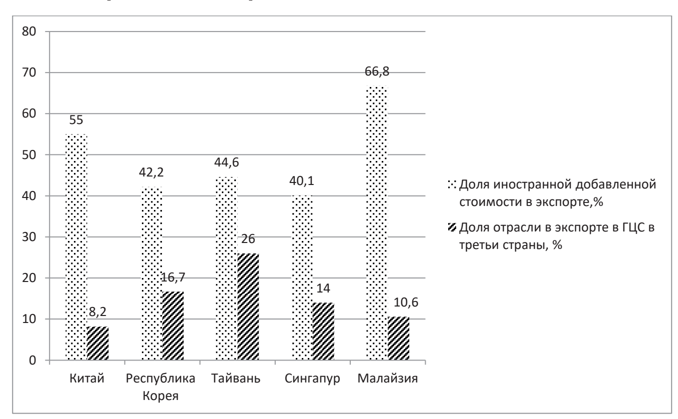
[8] Кондратьев В. Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // МЭ и МО. 2015, № 3. С. 5–17. С. 5.

[9] См., напр.: Global Value Chains in a Changing World. Ed. by D. K. Elms and P. Low. WTO, Fung Global Institute and the Temasek Foundation, 2013; Соколов В. Международные производственные цепочки в АТР //МЭ и МО. 2015, № 3. С. 48–55; Кондратьев В. Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // МЭ и МО. 2015, № 3. С. 5–17.

У Южной Кореи эта доля составляла 16,7%, у Сингапура – 14%. У Малайзии, которая также экспортирует комплектующие, эта доля была ниже – 10,6% (см. рис. 3).

Рисунок 3

Глобальные цепочки создания стоимости в экспорте компьютерного оборудования и электроники в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, 2011 г.

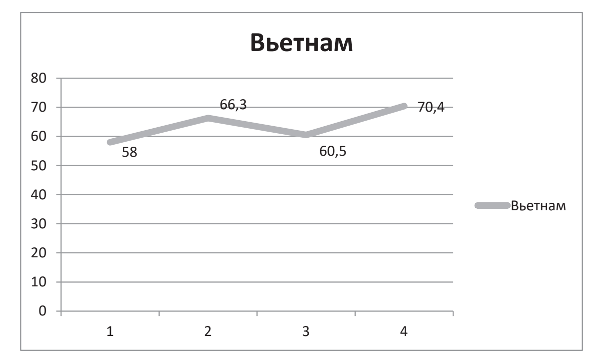

Составлено по: WTO. Trade in Value Added and Global Value Chains. https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi (дата обращения: 20.03.2016).

Графики эволюции доли иностранной добавленной стоимости в экспорте компьютерного, электронного и оптического оборудования на 1995–2011 гг. для стран ЮВА показывают совершенно разные траектории. Во Вьетнаме, который активно включился в сборочное производство на экспорт, эта доля возросла с 58% до 70,4% (см. рис. 4).

Рисунок 4

Доля иностранной добавленной стоимости в экспорте электронного, компьютерного, оптического оборудования из Вьетнама, 1995–2011 гг. (%)

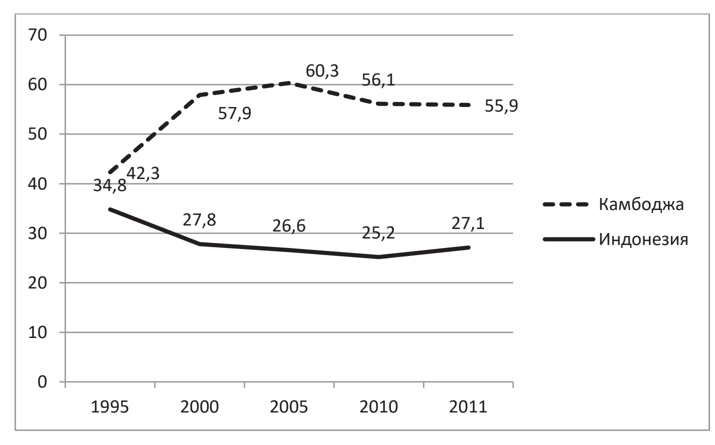
* 1–1995 г.; 2–2000 г.; 3–2005 г., 4–2011 г.

Составлено по: Trade in Value Added (TiVA) – October 2015. http://stats.oecd.org/index. aspx?DataSetCode=TIVA2015_C1 (дата обращения: 14.01.2018).

Высокая доля иностранной добавленной стоимости, увеличившаяся с 34,8% до 55,9% за 1995–2011 гг., характерна и для Камбоджи, которая только начинает включаться в международное разделение труда в электронике в качестве экспортера. Напротив, в Индонезии, четвертой в мире стране по численности населения, электронная промышленность которой ориентирована в основном на весьма емкий внутренний рынок, невелики и экспорт, и доля в нем иностранной добавленной стоимости (27,1% в 2011 г.) (см. рис. 5).

Рисунок 5

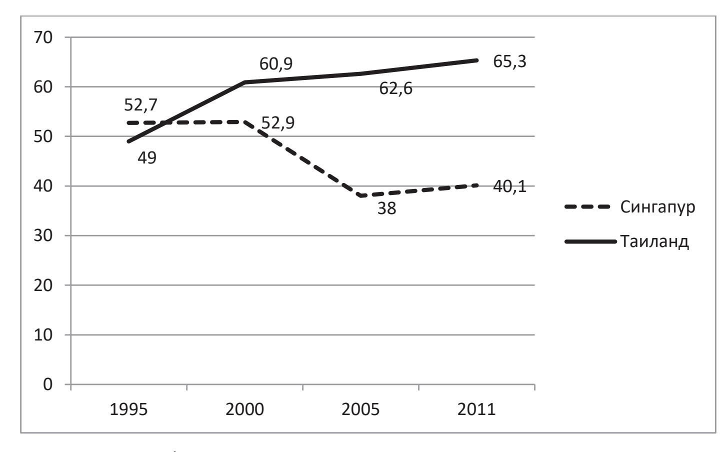
Доля иностранной добавленной стоимости в экспорте электронного, компьютерного, оптического оборудования из Индонезии и Камбоджи, 1995–2011 гг. (%)

Составлено по ист. к рис. 1.

Рисунок 6

Доля иностранной добавленной стоимости в экспорте электронного, компьютерного, оптического оборудования из Сингапура и Таиланда, 1995–2011 гг. (%)

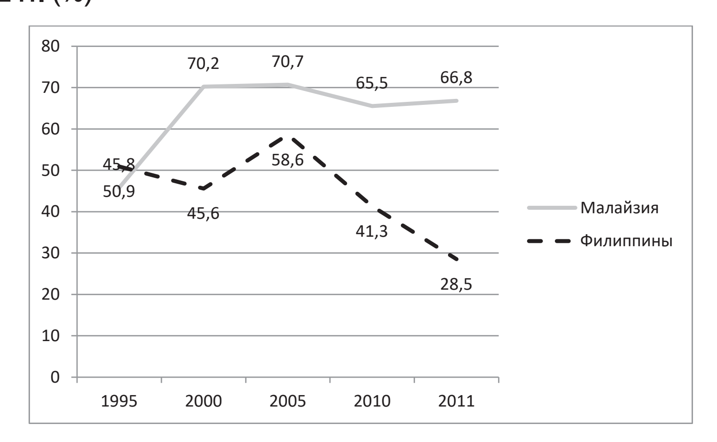

Составлено по ист. к рис. 1.

В Таиланде важную роль играет сборка готовой продукции, доля иностранной добавленной стоимости в экспорте компьютерного, электронного, оптического оборудования, в 1995–2011 гг. повысилась с 49% до 65,3%. В Сингапуре, где развитие трудоемких сборочных производств ушло в прошлое, этот показатель за указанный период снизился с 52,7% до 40,1%. Малайзия развивает экспорт электронных компонентов, но во многом еще сохраняет роль сборочной мастерской, о чем свидетельствует высокий уровень иностранной добавленной стоимости в экспорте (66,8% в 2011 г.). Филиппины специализируются на экспорте электронных компонентов, а не на сборке, отсюда низкий уровень иностранной добавленной стоимости в экспорте (понизившийся с 58,6% в 2005 до 41,3% в 2010 г. и 28,5% в 2011 г.) (см. рис. 6, 7). Следует добавить, что источником иностранной добавленной стоимости во все большей мере становятся страны собственного региона, точнее расширенного региона Юго-Восточной и Восточной Азии, хотя часть этой стоимости «съедают» услуги (НИОКР, дизайн, патенты, плата за бренд), доход от которых получают страны – владельцы брендов, прежде всего США, Япония.

Рисунок 7

Доля иностранной добавленной стоимости в экспорте электронного, компьютерного, оптического оборудования из Малайзии и с Филиппин, 1995–2011 гг. (%)

Составлено по ист. к рис. 1.

Авторы из Высшей школы экономики Т. Мешкова и Е. Моисеичев заявляют: «Высокие темпы экономического роста в ряде развивающихся стран, как правило, связаны с углублением их вовлеченности в ГЦС за счет использования импортных компонентов и материалов в производстве продукции, в том числе идущей на экспорт. Носящий экстенсивный характер, в удельном выражении такой рост остается, однако, малоэффективным, поскольку в сфере услуг, а не в производстве, согласно данным международных исследований, сегодня создается основная доля добавленной

стоимости»[10]. Не со всем тут можно согласиться. Действительно, глобальная цепочка стоимости в электронной промышленности (и во многих других отраслях) выглядит, как смайлик, «лунка», значительная часть добавленной стоимости приходится на услуги в начале цепочки (НИОКР, дизайн, бренд) и на услуги в конце цепочки (маркетинг, реклама, послепродажное обслуживание) (верхние части смайлика справа и слева). Доля стран, осуществляющих сборочные операции, в общей добавленной стоимости невелика (известен пример айфона, доля КНР в отгрузочной стоимости составляет около 10%). Однако следует учитывать, что экономический рост – это рост ВВП, добавленной стоимости, созданной в стране. Вовлечение страны в сборочные производства, ориентированные на экспорт, способствует росту занятости, доходов населения, дает ощутимый эффект мультипликатора. Более того, участие стран в ГЦС эволюционирует, как это видно на примере экспорта электронного, компьютерного, оптического оборудования из графиков, представленных выше (рис. 4-7). Целый ряд стран переходит на более высокие позиции в ГЦС, развивает НИОКР, это относится к новым индустриальным странам – Южной Корее, Тайваню (провинции КНР) и Сингапуру – стране рассматриваемого региона. Сингапур начинал со сборки готовой продукции электроники, а сегодня стал центром развития инновационных производств. Кроме того, существенная часть иностранной добавленной стоимости в экспорте, приходится сегодня у стран ЮВА в электронной промышленности на страны собственного региона, а, точнее, расширенного региона – Восточной и Юго-Восточной Азии: именно из стран этого расширенного региона они в основном импортируют электронные компоненты для производства товаров ИКТ.

Страны ЮВА: экспорт и импорт электронных компонентов для товаров ИКТ

Анализ экспорта и импорта электронных компонентов позволяет проследить цепочки поставок, что дает представление и о том, как идут цепочки создания стоимости. В электронной промышленности стран ЮВА углубляется международное разделение труда: одни страны специализируются в основном на производстве электронных компонентов (ЭК) – это Сингапур, Филиппины, другие (Вьетнам) осуществляют сборку готовых изделий, третьи сочетают и то, и другое (Таиланд, Малайзия). По объему ведущие экспортеры ЭК в регионе – Сингапур и Малайзия. Сингапур сегодня стал прежде всего экспортером ЭК. В возросшем экспорте товаров ИКТ доля электронных компонентов в 2000–2013 гг. повысилась у Сингапура с 46,6% до 74,3%.

Масштабы и структура международной торговли электроникой характеризуют меняющуюся роль стран в международном разделении труда (МРТ). Развивающиеся страны Азии включились в МРТ в электронной

[10] Мешкова Т., Моисеичев Е. Анализ глобальных цепочек создания стоимости: возможности Фросайт-исследований // Форсайт. 2016. Т. 1, № 10. С. 69–82. С. 70.

промышленности с 1960–1970-х гг., когда в них стали перемещаться из развитых стран трудоемкие ориентированные на экспорт производства этой отрасли. Сначала электронные компоненты поставляли развитые страны, к 2013 г. основная масса ЭК поступала из стран Азии.

Торговля товарами ИКТ, электронными компонентами иллюстрирует сдвиги, происходящие в МРТ. Основными поставщиками электронных компонентов на мировой рынок стали страны Юго-Восточной и Восточной Азии. Доля стран ЮВА в мировом экспорте компонентов для товаров ИКТ достигала в 2015 г. 23%, развивающихся стран Восточной Азии – 55,4% – вместе 78,4% (четыре пятых!) мирового экспорта ЭК[11].

Таблица 2

Экспорт товаров ИКТ и электронных компонентов (ЭК) из Сингапура и Малайзии в страны своего региона: 2000, 2013 гг. (млрд долл.)

		Сингапур		Малайзия	
		2000	2013	2000	2013
Все страны	товары ИКТ	75,8	122,8	51,7	64,4
	ЭК	35,3	91,2	18,5	37,0
Восточная Азия	товары ИКТ	15,9	56,2	6,6	22,3
	ЭК	9,3	49,1	3,4	16,5
Юго-Восточная Азия	товары ИКТ	16,2	26,3	13,5	14,7
	ЭК	10,3	14,7	7,0	8,1
Китай	товары ИКТ	2,2	20,3	1,1	12,4
	ЭК	1,0	18,3	0,4	8,7
Сингапур	товары ИКТ	Х	Х	10,9	9,8
	ЭК	Х	Х	5,8	7,4
Гонконг	товары ИКТ	5,2	25,7	2,4	6,7
	ЭК	3,1	22,9	1,1	5,4
Тайвань	товары ИКТ	5,4	8,4	1,9	1,9
	ЭК	3,6	7,8	1,2	1,6
Республика Корея	товары ИКТ	3,1	8,1	1,2	1,3
	ЭК	1,6	7,3	0,7	0,8
Малайзия	товары ИКТ	12,1	11,4	Х	Х
	ЭК	8,3	8,1	Х	Х
Вьетнам	товары ИКТ	…	2,7	…	0,9
	ЭК		2,0		0,4

[11] Цветкова Н. Н. Страны Юго-Восточной Азии в международном разделении труда: экспорт товаров ИКТ, 2000–2015 гг. // Восточная аналитика. 2018, № 1–2.

		Сингапур		Малайзия	
		2000	2013	2000	2013
Таиланд	товары ИКТ	2,4	4,9	1,6	3,7
	ЭК	1,2	3,2	0,7	1,0
Филиппины	товары ИКТ	1,3	2,0	0,6	…
	ЭК	0,7	1,0	0,4	…

Составлено по: Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2013. Information Economy. http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx=15850 (12.04.2015).

В монографии автора (2016 г.) были детально рассмотрены экспорт и импорт товаров ИКТ и ЭК стран Азии в 2000–2013 гг.[12] Сингапур занимал в 2000 г. среди мировых экспортеров ЭК третье место (35,3 млрд долл.). В страны Юго-Восточной и Восточной Азии (ЮВВА) направлялось 55,5% его экспорта ЭК, основными экспортными рынками среди стран Азии для Сингапура были соседняя Малайзия (23,5% всего экспорта ЭК), Тайвань (10,2%), Гонконг (КНР) (8,8%), Таиланд (3,4%), Китай (3,1%).

Малайзия занимала в 2000 г. шестое место среди экспортеров ЭК (18,5 млрд долл.). Она вывозила в страны ЮВВА 56,2% своего экспорта ЭК. Ее экспорт ЭК направлялся преимущественно в Сингапур (31,6% всего экспорта ЭК), на Тайвань (6,5%), в Гонконг (5,9%,), на Филиппины и в Южную Корею (по 2,7%).

К 2013 г. резко возрос взаимный экспорт стран ЮВВА, он был уже значительным и в 2000 г., но в 2013 г. многократно превысил экспорт ЭК из развитых стран. Если в 2000 г. в Китай направлялось лишь 3,1% экспорта ЭК из Сингапура, 2,2% – из Малайзии, то в 2013 г. Китай стал приоритетным направлением для экспорта ЭК из Сингапура (18,3 млрд долл.; 20,1%), Малайзии (23,5%). Еще 25,1% экспорта ЭК из Сингапура и 18,1% экспорта Малайзии шло в Гонконг (КНР), в основном для последующего реэкспорта. Важными рынками сбыта для ЭК из Сингапура были в 2013 г. Малайзия (8,9%) Тайвань (8,6%), Южная Корея (8,0%), Филиппины и Вьетнам (по 2,2%). Экспорт ЭК из Малайзии в 2013 г. направлялся в Сингапур (20%), менее важными рынками были Тайвань (4,6%), Таиланд (2,7%) (подсч. по табл. 2).

Таиланд и Филиппины уже давно, на протяжении трех–четырех последних десятилетий, участвуют в региональном разделении труда, специализируясь на производстве ЭК (Филиппины) или ЭК и компьютерного оборудования (Таиланд). Вьетнам включился в региональное разделение труда, осуществляя сборку готовой продукции, совсем недавно. Экспорт ЭК во Вьетнам расширяет Республика Корея (3,6 млрд долл. в 2013 г.), там созданы филиалы южнокорейских «Самсунг электроникс» и LG. Значителен

[12] См. подр.: Цветкова Н. Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. М.: ИВ РАН; Издатель Воробьев А. В., 2016. С. 58–78.

экспорт ЭК во Вьетнам из Сингапура (2,0 млрд долл.), КНР (1,3 млрд долл.), он намного выше экспорта ЭК из Японии (0,8 млрд долл.).

Крупными экспортерами ЭК на Филиппины являются Южная Корея (2,4 млрд долл.), США (второе место, 2,1 млрд долл.; традиционно существуют тесные связи с бывшей метрополией). Далее идут Тайвань (1,9 млрд долл.), Япония (1,3 млрд долл.), Сингапур (1,0 млрд долл.). Экспорт ЭК в Таиланд осуществляют Сингапур (3,2 млрд долл.), Япония (1,9 млрд долл.), США (1,4 млрд долл.) и Тайвань (1,2 млрд долл.).

Таблица 3

Партнеры стран ЮВА по импорту товаров ИКТ (включая электронные компоненты, ЭК), 2013 г. (импорт, млрд долл.)

Импортеры	Весь импорт, в т. ч. из следующих стран:	КНР	Тайвань	Южная Корея	Гонконг	Малайзия	Сингапур	Филиппины	Таиланд	Вьетнам	Япония	США	Другие страны
Сингапур													Герм.
Товары ИКТ	92,8	19,8	21,6	12,6	0,7	12,8	X	4,1	2,2	0,9	3,6	5,4	1,8
ЭК	65,2	8,0	20,3	12,0	0,2	8,8	X	3,8	1,1	0,2	2,4	3,1	1,5
Малайзия													Герм.
Товары ИКТ	46,6	11,6	4,9	2,5	1,4	X	4,6	0,7	1,8	2,7	3,5	5,6	1,8
ЭК	32,5	5,8	4,3	2,0	0,5	X	3,4	0,65	0,7	1,6	3,0	4,8	1,7
Филиппины													Герм.
Товары ИКТ	15,1	1,4	2,1	0,7	0,7	0,7	1,5	X	0,7	0,06	1,6	3,5	1,1
ЭК	11,0	0,1	1,9	0,6	0,2	0,5	0,9	X	0,5		0,9	3,2	1,0
Таиланд													Герм
Товары ИКТ	28,3	10,3	2,4	1,1	0,2	3,9	1,3	0,8	X	1,2	2,9	1,8	0,3
ЭК	12,0	1,7	2,0	0,8	0,1	1,2	1,0	0,5	X	0,03	2,2	1,1	0,2
Вьетнам													Ирландия
Товары ИКТ	26,3	11,0	0,9	7,4	0,04	0,9	1,8	0,42	0,3	X	1,4	0,6	0,8
ЭК	12,4	1,8	0,7	4,4	0,01	0,5	1,7	0,4	0,2	X	1,2	0,5	0,7

Составлено по: Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2013. Information Economy. http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx=15850. (дата обращения: 12.04.2015).

Импорт товаров ИКТ в Сингапур в 2013 г. достиг 92,8 млрд долл., 70,3% из этого импорта приходилось на электронные компоненты. Основными источниками импорта товаров ИКТ для Сингапура были Тайвань (23,3% импорта; 21,6 млрд долл., в т.ч. ЭК – 94,0%), КНР – (21,3%; 19,8 млрд долл., в т.ч. ЭК – 40,4%), Малайзия (13,8%; 12,8 млрд долл. в т.ч. ЭК – 68,8%), Южная Корея (13,6%; 12,6 млрд долл., в т.ч. ЭК – 95,2%). ЭК поступали в Сингапур прежде всего с Тайваня (20,3 млрд долл., 31%) и из Южной Кореи (12,0 млрд долл., 18,4%), на эти две новые индустриальные страны Азии приходилась почти половина импорта ЭК в Сингапур. Кроме того 13,5% импорта ЭК шло в Сингапур из Малайзии, 12,3% – из КНР, 5,8% – с Филиппин (подсч. по табл. 3). Импорт ЭК из США, не говоря уже о Японии и Германии, в Сингапур был меньше, чем импорт с одних только Филиппин.

Импорт товаров ИКТ в Малайзию в 2013 г. достиг 46,6 млрд долл. (в т.ч. ЭК – 69,7%). Ведущими партнерами по импорту были КНР (24,9%; 11,6 млрд долл. в т.ч. ЭК – 1/2), США (12,0%; 5,6 млрд долл., в т.ч. ЭК – 85,7%), Тайвань (10,5%; 4,9 млрд долл., в т.ч. ЭК – 87,8%), Сингапур (9,9%; 4,6 млрд долл., в т.ч. ЭК – 73,9%), Япония (7,5%; 3,5 млрд долл. в т.ч. ЭК – 85,7%). Всего на США и Японию приходилось 19,5% импорта товаров ИКТ в Малайзию. ЭК импортировались в первую очередь из КНР (17,8%), США (14,8%), с Тайваня (13,2%), из Сингапура (10,5%), Японии (9,2%). На США с Японией приходилось 25% импорта ЭК, только на 5 стран ЮВВА, КНР, Тайвань и Сингапур, Южную Корею, Вьетнам, – 47,7%.

Импорт товаров ИКТ в Таиланд достиг 28,3 млрд долл., в т.ч. ЭК – 12,0 млрд долл. (42,4%). Ведущими партнерами по импорту были КНР (36,4%; 10,3 млрд долл., в т.ч. ЭК – 16,5%), Малайзия (13,8%; 3,9 млрд долл., в т.ч. ЭК – 30,8%), Япония (10,2%; 2,9 млрд долл., в т.ч. ЭК – 75,9%), Тайвань (8,5%; 2,4 млрд долл., в т.ч. ЭК – 83,3%), США (6,4%; 1,8 млрд долл., в т.ч. ЭК – 61,1%). Львиная доля товаров ИКТ, в основном готовой продукции, ввозилась в Таиланд из КНР и Малайзии. В импорте ЭК Япония занимала первое место (24,2%), ее электронные компании имеют в Таиланде много филиалов, вторым был Тайвань (16,7%), третьим – Китай (14,2%), четвертой – Малайзия (10%), пятыми – США (9,2%). На Тайвань, Китай, Малайзию, Сингапур приходилось 49,2% импорта ЭК, на Японию и США – 33,4%.

Импорт товаров ИКТ во Вьетнам достиг в 2013 г. 26,3 млрд долл., в т.ч. ЭК – 12,4 млрд долл. (47,1% всего импорта). Ведущими партнерами по импорту были КНР (41,8%; 11,0 млрд долл., в т.ч. ЭК – всего 16,4%), Южная Корея (28,1%; 7,4 млрд долл., в т.ч. ЭК – 59,5%), Сингапур (6,8%; 1,8 млрд долл., в основном ЭК – 94,4%), Япония (5,3%; 1,4 млрд долл., в основном ЭК – 1,2 млрд долл.) Тайвань (3,4%; 0,9 млрд долл., в т.ч. ЭК – 0,7 млрд долл.). Основная часть импорта товаров ИКТ шла из КНР (41,8%), на Южную Корею приходилось 28,1%, на обе страны вместе – 70% импорта. В импорте ЭК во Вьетнам первой была Южная Корея (35,5%), на КНР и Сингапур приходилось почти поровну, 14,5% и 13,7%. Практически весь импорт и готовой продукции ИКТ, и ЭК поступал во Вьетнам из развивающихся

стран Азии – доля только четырех ведущих партнеров среди них в импорте всех товаров ИКТ составляла 80%, в импорте ЭК – 69,3%. На крупнейшего по импорту партнера среди развитых стран – Японию – приходилось только 5,3% всего импорта товаров ИКТ и 10% импорта ЭК. По импорту электронных компонентов можно судить и о том, кто организует производство электронной продукции – в случае Вьетнама это прежде всего компании из Южной Кореи.

Импорт товаров ИКТ на Филиппины в 2013 г. достиг 15,1 млрд долл., в т.ч. ЭК – 72,8. Ведущими партнерами по импорту были США (23,2%; 3,5 млрд долл., из них ЭК – 91,4%); Тайвань (13,9%; 2,1 млрд долл.; в т.ч. ЭК – 90,5%), Япония (10,6%; 1,6 млрд долл., в т.ч. ЭК – 56,3%), Сингапур (9,9%; 1,5 млрд долл., в т.ч. ЭК – 60%), КНР (9,3%; 1,4 млрд долл., в т.ч. ЭК – 7%). У Филиппин суммарная доля в импорте США и Японии была самой высокой среди вышеперечисленных стран-импортеров – 33,8%, в импорте ЭК – 37,3%. Но страны Юго-Восточной и Восточной Азии (данные по которым представлены в табл. 3), опережали их в импорте ЭК, на них приходилось 39,2% импорта ЭК (подсч. по табл. 3).

* * *

Можно утверждать, что в сфере производства товаров ИКТ сложилось внутрирегиональное разделение труда, но не в рамках ЮВА, а скорее в рамках обширного региона Юго-Восточной и Восточной Азии (ЮВВА), включающего кроме ЮВА Китай, Южную Корею, Тайвань, центр реэкспорта Гонконг (КНР). Потоки экспорта ЭК из Сингапура и Малайзии направляются прежде всего в КНР и в Гонконг. ЭК из Сингапура и Малайзии идут не только в страны с более дешевой рабочей силой (кстати, по сравнению с Малайзией Китай перестал быть таковым), но и в такие страны, как Тайвань, Южная Корея.

Разделение труда между КНР, Малайзией, Вьетнамом, Филиппинами, Таиландом, с одной стороны, и Республикой Кореей, Тайванем, Сингапуром, с другой, построено на основе сравнительных преимуществ. Однако значителен и взаимный экспорт Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, между которыми нет больших разрывов в уровнях зарплаты. В Сингапур в 2013 г. шли поставки ЭК с Тайваня (12,0 млрд долл.), из Малайзии (7,4 млрд долл.), Южной Кореи (5,5 млрд долл.), они превышали экспорт ЭК в Сингапур из США и Японии (2,1 млрд долл. и 2,0 млрд долл.). Тайвань служил важным направлением для экспорта ЭК из Сингапура (7,8 млрд долл.), Южной Кореи (3,8 млрд долл.). Южная Корея служила рынком для экспорта ЭК из Сингапура (7,3 млрд долл.), с Тайваня (7,0 млрд долл.)[13]. Разделение труда, которое складывается между Сингапуром, Южной Кореей, Тайванем, основано не на сравнительных преимуществах, а на изученном

[13] Цветкова Н. Н., 2016, С. 68–71.

П. Кругманом эффекте масштаба во внутриотраслевой торговле (именно за изучение этого вопроса П. Кругману была присвоена в 2008 г. Нобелевская премия по экономике). П. Кругман и М. Обстфельд отмечают: «Эффект масштаба производства дает странам стимул для специализации и торговли даже при отсутствии различий в имеющихся у них ресурсах и технологиях». «Международная торговля способствует созданию объединенного рынка, превышающего по своим размерам рынки любой отдельно взятой страны, и таким образом одновременно создает возможность предложить потребителям более широкий ассортимент торговли по более низким ценам»[14].

Такие специализация и кооперирование развиваются сегодня между странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Углубляется подетальное и постадийное разделение труда. В одной стране производятся одни электронные компоненты, в другой – вторые, в третьей – третьи, а сборка продукции осуществляется в четвертой стране. Услуги НИОКР, составляющие основу изделия, определяющие «суть бренда», производятся в развитых странах, наукоемкие компоненты – в новых индустриальных странах первого эшелона, более простые компоненты – в других странах, с дешевой рабочей силой. Это разделение труда может быть одновременно внутрифирменным. Компоненты производятся в разных странах филиалами одной ТНК или ее постоянными субподрядчиками, такими, как «Фоксконн» для «Эппл».

Участие США и Японии в экспорте ЭК в ЮВВА понизилось или, скорее, «заморозилось» на фоне расширения взаимной торговли между странами региона. Однако США и Япония сохраняют свое колоссальное научно-техническое превосходство. Вспомним, продукцию чьих брендов производят азиатские страны (хотя сегодня немало южнокорейских, китайских, тайваньских брендов). Сегодня ведущие развитые страны производят и экспортируют не ЭК, а роботов и автоматизированные системы, но это уже другая тема.

Практически для всех стран ЮВВА – экспортеров товаров ИКТ основными источниками импорта и товаров ИКТ в целом, и ЭК стали страны собственного региона. Значительная часть ГЦС ограничена рамками региона, кроме начальной точки (НИОКР, дизайн) и конечных точек (сбыт, маркетинг, послепродажное обслуживание), и то не всегда, расширяется и выпуск своих брендов, и сбыт в странах региона. Высокая доля ЭК и в экспорте, и в импорте свидетельствует о развитом региональном разделении труда, о развитии производственной кооперации и включении стран в глобальные цепочки стоимости, о развитии региональной интеграции на уровне микроэкономики.

В международном разделении труда в электронной промышленности – в производстве товаров ИКТ страны Юго-Восточной Азии заняли весьма важное место (15% мирового экспорта на 2015 г.). Немалую роль в этом

---

[14] Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика. СПб.: Питер, 2004, С. 188, 189.

сыграло перенесение ТНК трудоемких производств в эти страны из развитых стран, а в 2010-е гг. – уже из новых индустриальных стран первого эшелона (например, из Южной Кореи во Вьетнам). Важную роль в производстве и экспорте продукции сферы ИКТ из стран Востока сыграли и продолжают играть филиалы ТНК. Но сегодня это – филиалы не только западных и японских ТНК, но и ТНК из стран Востока.

Страны ЮВА вступили в новый век уже как признанные экспортеры товаров ИКТ. Траектория их экспорта товаров ИКТ в 2000–2015 гг. не была столь стремительной, как у Китая, но они сохранили свои позиции. Китай стал для них мощным конкурентом на рынке компьютерного, телекоммуникационного оборудования. Но наряду с соперничеством развивается и сотрудничество. Именно в Китай и в его район Гонконг направлялась значительная часть экспорта ЭК из ведущих экспортеров этой категории товаров среди стран ЮВА – Сингапура и Малайзии. Крупными рынками для поставок ЭК были также Тайвань и Южная Корея. В производстве товаров ИКТ в регионе (но не в регионе, ограниченном рамками АСЕАН, а в более обширном регионе Юго-Восточной и Восточной Азии) сложилось внутрирегиональное разделение труда, основанное не только на сравнительных преимуществах, но и на эффекте масштаба. Весь регион буквально опутан сетью глобальных цепочек стоимости в электронной промышленности, причем «дирижируют» этими сетями ТНК из стран Запада и Востока, использующие и прямые иностранные инвестиции, и производство по контрактам. Правда, на развитие отрасли большое влияние могут оказать новые трудосберегающие технологии, автоматизация, роботизация[15], цепочки стоимости могут «сложиться», как карточный домик, и на смену им может прийти автоматизированное производство в одной стране, но это уже тема для отдельного исследования.

[15] Акимов А. В. Трудосберегающие технологии и общественное развитие в XXI веке // Восток (Oriens). 2015. № 1.

*Филоник А.О.**

Зеленая экономика – новый вызов Арабскому Востоку

Аннотация. За истекшие десятилетия арабский мир превратился в один из важнейших глобального значения источников энергетического сырья и приобрел колоссальное значение не только как поставщик на мировой рынок сырой нефти и газа, но и как значимый потребитель минерального топлива. Под воздействием этого последнего фактора окружающая среда всего региона подвергается постепенно нарастающему ухудшению характеристик, а потепление климата и загрязнение воздушного пространства превращаются в реальную угрозу для человека и природы региона. Зеленая экономика, как дальнейшее развитие концепции устойчивого роста, на ткущем этапе становится реальным вызовом для большей части арабских стран, и все они не готовы воспринять новые техники и технологии, чтобы соответствовать требованиям инновативной модернизации. Зеленый рост устанавливает ныне новые границы, которые делят арабский мир на неравные части, различающиеся финансовым потенциалом и качеством воспроизводственных механизмов и, тем самым, своими возможностями движения к более высокому уровню прогресса в обозримом будущем.

Ключевые слова: Дубайская декларация, углеводороды, углеродная экономика, зеленое развитие, целостность окружающей среды, ресурсосбережение, страны-нефтеэкспортеры, страны-нефтеимпортеры, устойчивость

Подъем мирового производства к началу последней трети прошлого века стал причиной возникновения крайне негативных явлений, что ознаменовало окончательное вступление человечества в эпоху массированной индустриализации, основанной на интенсивном использование углеводородного сырья. По этой причине уже к новому столетию большее внимание стало уделяться вопросам рационального освоения и использования этого вида ресурсов как фактора, ускоряющего разрушение озонового слоя и провоцирующего крайне негативные последствия для живых организмов. В связи с резко выросшим тогда экологическим интересом к этой теме, видимо, не следует исключать возможность влияния того факта, что инициированная арабскими нефтедобывающими странами к середине 70-х годов прошлого века революция цен на нефть обусловила довольно быстрый, в качестве ответного шага, переход Запада к энергосберегающим технологиям. Эта мера, помимо экономии горючего сырья, положительно сказалась и на экологической обстановке в этой части мира. Столь значимый факт не остался незамеченным, став сильным дополнительным доводом в пользу развития технологий, обеспечивающих не только сокращение масштабов потребления углеводородов, но и ослабление действия на природу негативного антропогенного фактора.

* *Филоник Александр Оскарович* – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института Востоковедения РАН

В последний период в мировом сообществе сложилось представление, что нынешняя экономическая система все более жестко вступает в противоречие с задачами сохранения целостности окружающей среды, и поэтому требуется неотложное вмешательство в работу воспроизводственных механизмов, совершенствование которых могло бы предотвратить возникновение кризисных явлений в живой природе. На этом фоне выросшая из глобализации модель устойчивого развития, которая широко используется как основа модернизации и для продвижения рыночных идей в разных концах мира, привела к определенным сдвигам, выразившимся, в частности, в ряде стран арабского мира в сдвигах, сопровождавшихся либеральными рыночными преобразованиями и повышением макроэкономической результативности.

Однако превалирующими в регионе были и остались непреодоленными факторы другого рода. Экономическому росту не хватило динамики, чтобы выйти за заданные границы и сформировать потенциал, достаточный для ощутимых изменений также в социальной сфере и в многочисленных экологических нишах. Более того, в силу многих объективных и субъективных причин зона социальных неурядиц, нищеты и бедности в арабском мире расширилась, что не могло быть скрыто фасадом некоторого внешнего благополучия и прорвалось в протестах и в гражданских войнах, отбросивших целую группу арабских государств на десятки лет назад.

Очевидно, концепция устойчивости не стала универсальным средством достижения всеобщего процветания, тем более для стран лимитированного доступа к современным технологиям. В свете этого обстоятельства зеленая философия должна стать как бы новым витком в развитии идей преобразования мира. Но едва ли ее можно считать теорией, в которой заложены кардинально новые положения, заставляющие задуматься о ее качественном возвышении над идеологией устойчивости. В отличие от исходной концепции, она, возможно, может расцениваться как некое более тонкое руководство к тому, чтобы искать более предметные, т.е. взвешенные и гармоничные, подходы к урегулированию противоречий, возникающих при взаимодействии между основополагающими компонентами текущего развития – экономикой, экологией и социальными проблемами. Лишь в определенном смысле можно допустить, что зеленая модель образует некий самостоятельный вектор устойчивого развития. Все же больше оснований полагать, что она представляет своего рода расширение прежнего дискурса, только в усовершенствованном виде.

В настоящее время насчитывается уже достаточно стран, которые имеют возможность в той или иной степени пользоваться инструментами чистого строительства. При этом список государств, превративших зеленую концепцию в основу национальной стратегии роста, остается крайне небольшим.

Элементы методик зеленого развития, так или иначе, проникают и в страны Арабского Востока. Имеющиеся данные по вопросу дают основания утверждать, что страны ниже среднего уровня развития, а такие ныне

составляют до половины региона, в наименьшей степени, по крайней мере, на ближайшую перспективу способны применять прогрессивные технологии в больших объемах и на широком фронте. Очевидно, что Ливия, Сирия, Ирак, Йемен ныне хуже соседей готовы к тому, чтобы формировать экономику будущего прежде, чем будут созданы возможности для их послевоенного возрождения. В лучшем случае, они, видимо, смогут использовать зеленые технологии малых форм без проведения широких кампаний в их поддержку. И уже одно это априори ставит разные части арабского мира в неравное положение. Особенно отчетливо здесь виден «водораздел» между зажиточными малыми капиталоизбыточными и обнищавшими или изначально бедными, но более крупными и капиталодефицитными государствами.

В контексте нынешних реалий международные инициативы предлагают сценарий, рассчитанный на глобальную подачу, что задает генеральные направления развития. На национальном же уровне проблема чаще всего дробится в отсутствие весомой мотивации, которая генерирует не одномоментный импульс, а поддерживает долгосрочный интерес к использованию чистых технологий. И это обстоятельство подлежит особому учету. Особенно с точки зрения способности развивающихся государств вообще и арабских, в частности, участвовать в выстраивании глобального зеленого курса. В том числе и как результата грамотного подхода к организации экономического пространства таким образом, чтобы обеспечивать максимально эффективную смычку не только внутренних экономических, социальных и экологических целей, но и их увязку с общемировыми.

Подобная перспектива применения зеленой стратегии как средства достижения максимальных показателей экономического роста при сохранении качества природных активов и в рамках устойчивого развития протяженных территорий создает притягательной образ будущего процветания. Между тем, целые ареалы, что видно хотя бы на примере двух Суданов, ныне фактически продолжают стагнировать на фоне возвышения очагов роста элементов новаторских производительных сил по соседству. Это есть свидетельство того, что процесс никогда не будет одинаково продуктивным для всех членов ЛАС, а также о том, что ситуация разрыва по показателям роста будет сохраняться на обозримое будущее. Причина в том, что страны без стабильных бюджетов неизменно будут трансформироваться с большим отставанием от тех, которые могли бы выстраивать объекты чистого производства уже некоторое время спустя, даже методом сплошного применения инновационных методик.

Естественно поэтому, что, за отдельными исключениями, широкие трансформации производительных сил на Арабском Востоке, как и во многих других регионах мира, едва ли смогут протекать в рамках быстрых изменений, которые в исторической перспективе могли бы слиться в ходе ускоренного процесса. Скорее всего, он будет растянут по времени, и накопление предпосылок для его разрастания будет осуществляться в основном эволюционным путем. Поэтому сейчас в большей части арабских стран эти

предпосылки имеют довольно размытые очертания и регистрируются как точечные или очаговые, чаще вне индустриального поля, демонстрируя отсутствие, по крайней мере, ближайших перспектив для следования целеуказаниям мировых центров генерирования новых подходов к теме.

Очевидно, что и для такого нефорсированного и обремененного сопутствующими трудностями движения также требуется серьезная мобилизация экономического, социального, технического и иного потенциала государства. Но в своем нынешнем качестве далеко не каждое может мобилизовать необходимые для таких кардинальных действий ресурсы. Концепция же зеленого роста сможет выполнять свою функцию обещающего проекта и служить импульсом для обновления технологической базы лишь при наличии соответствующих накоплений. И вся эта тема выигрышна только при массовой диверсификации и декарбонизация энергетики и производства в целом. При отсутствии подобающих условий она имеет достаточно шансов оказаться неподъемной для слишком многих потенциальных участников процесса, особенно в периферийных ареалах и даже за их пределами. Уже сейчас в арабском мире есть примеры того, как усилия государств перенять тактику экономического и социального переустройству за счет модернизации энергетики и переноса элементов зеленого роста в свои пределы заходят в тупик. Слишком затратными оказываются перемены, чтобы в ускоренном темпе можно было бы отказаться от привычных форм хозяйственной деятельности, занимающих значительные территории, и параллельно закладывать предпосылки для вступления в зону меняющегося технологического уклада и создания эффекта экономики масштаба.

Речь идет о том, что страны с карбоновой экономикой, сохраняя ее в качестве основной, не могут реализовать социальные задачи иначе, как уверенно вступив в новую парадигму развития, для которой характерна ориентация на диверсифицированное материальное производство, системное ресурсосбережение и социально-выверенный курс. Но только ценой затрат, к которым бюджеты и общий технический уровень наций, если и подготовлены, то в самой минимальной степени.

Таким образом, модель ресурсной экономики, против которой направлен основной пафос устойчивого развития, продолжает оставаться вполне жизнеспособной, хотя и вступает в противоречие с потребностями современного развития. При относительно высокой дееспособности она способна сдерживать технологический прогресс до бесконечности и содействовать сохранению отсталости. Этим она обнаруживает очевидное несовпадение с целями будущего развития, что побуждает к поиску и постоянному продуцированию идей для выстраивания более рациональных отношений между производством и средой обитания в разных концах мира.

Идея сбережения ресурсов и повышения производительности актуальна для развивающегося мира на все времена и существует как фоновая подложка для хозяйственной трансформации и на Арабском Востоке. Побудительный мотив концепции устойчивого развития, конкретизированный идеей чистого

роста, для него ценен тем, что задает движение по векторам, которые могут обеспечивать эффект в ключевых отраслях, в первую очередь влияющих на жизнеспособность людских сообществ и государств. Но необходимо учитывать, что возможности доступа к широким действиям в этой нише в арабском регионе, как следует из текущей ситуации, сильно дифференцированы. Во всяком случае, страны с карбоновой экономикой в качестве основы материального производства не смогут реализовать триединую цель зеленой модели иначе, как вступив в новую парадигму развития в рамках устойчивого роста, для которой характерна ориентация на диверсифицированную экономику, системное ресурсосбережение и социально-выверенный курс.

В общем арабском потоке только ситуация в аравийских экономиках дает обнадеживающие результаты перехода к перспективной модели роста. Амбиции арабских нефтеэкспортирующих государств Персидского залива весьма велики, и именно они имеют детальные планы действий и составляют авангард арабского курса на переустройство хозяйства в духе современных идей модернизации производительных сил при улучшении параметров окружающей среды. В этих условиях актуальным оказывается вопрос о том, как поддерживать и стимулировать процесс. Недаром вокруг него существует достаточно напряженная полемика.

Часть экспертного сообщества считает, что самым действенным средством мобилизации массового сознания на поддержку природного комплекса всеми средствами и по разным каналам может быть только соответствующим образом ориентированная налоговая политика. Разработчики более «гибкого» подхода ассоциирую планы с политикой «кнута и пряника» (с перевесом в пользу преимущественно поощрения и убеждения), чтобы избежать нежелательной в нынешних политических условиях нагрузки на семейные бюджеты и не вызвать недовольства населения. Более умеренное крыло предлагает принять практику последовательных зеленых инициатив в рамках общественных кампаний. (1)

Ситуация, как видно, остается «подвешенной». Между тем, необходимость действий в этом направлении определяется не только внутренними экономическими и экологическими причинами, но и внешнеполитическими факторами. Они возникли из-за намерения нынешней американской администрации, готовой выйти из Парижских соглашений по климату. Провоцируемая США ситуация грозит не просто разочаровывающими, но опасными результатами для развивающихся сообществ вообще и арабского, в частности, в их попытках противостоять природным силам и наращивать возможности адаптации к особенностям надвигающегося этапа развития.

Климатические угрозы воспринимаются наиболее болезненно именно в условиях Аравийского полуострова, где интенсивное развертывание индустриализации сообщило еще большую хрупкость окружающей среде, что лишь увеличило угрозу экологической катастрофы, сдерживаемой только напряженными усилиями государств зоны повышенной солнечной радиации. Осмысление опасности привело к появлению в субрегионе

такого не вполне типичного для арабского мира института, как неправительственные организации, работа которых сконцентрировала вокруг природозащитной деятельности.

Одними из первых на новый запрос современности откликнулись ОАЭ. Эмираты интенсифицировали активность на этом поле в условиях, когда подъем, вызванный Саммитом в Рио де Жанейро 1992 г., Киотским протоколом и конференциями по проблемам сохранения биоразнообразия стал, некоторым образом, угасать, а целый ряд развивающихся государств выразил скептицизм относительно их возможности конструктивно участвовать в обновленческих программах крупного масштаба. Во всяком случае, именно в Эмиратах стали возникать гражданские группы в поддержку экологической безопасности и перехода к зеленому образу жизни.

Такой подход в общих чертах совпадал с видением социально-экономического и общественно-политического значения экологических процессов тогдашним президентом ОАЭ шейхом Заедом, который понял, какую роль играют вопросы сохранения окружающей среды в Эмиратах, и побуждал окружение к активным действиям на этом направлении.

Постепенно ОАЭ стали занимать ведущие места в инициативах, связанных с охраной и воспроизводством природных ресурсов на полуострове. Они организовали и спонсировали огромное количество профильных мероприятий национального и регионального уровней и стремительно завоевывали авторитет как деятельный член мирового сообщества, озабоченного экологическим будущим планеты. Последним из серии подобных актов стало проведение в Дубае Мирового саммита зеленой экономики 2017 г., а также нескольких заметных сопутствующих мероприятий по темам устойчивого роста на базе зеленых методик развития.

В группе аравийских княжеств ведущая роль принадлежит также и Катару, который создал гигантскую по масштабам страны экспериментальную базу преобразования природной среды и улучшения свойств экосферы параллельно с применением новейших технологий в рамках начатой еще в 1997 г. программы реализации идеи «зеленого ковра». Серьезные мероприятия оздоровления природы осуществляются практически по всему полю субрегиона. Аккумулированные в Кувейте, Омане, естественно, в Саудовской Аравии ресурсы также позволяют и реализовывать хозяйственные планы, и даже участвовать в ряде международных и собственных исследований по тематике, которые прежде не соответствовали уровню их компетентности. И фактически каждая страна в группе ССАГПЗ претендует на роль ведущей силы в региональном зеленом процессе, соперничая за право быть первыми. «Выгоды» географического положения, которые делают даже простые проекты защиты местной природы верхом инженерии и свидетельством большой заинтересованности в сохранении среды обитания, привлекают внимание и глобальных институтов, которым опыт арабских пилот-проектов позволяет удостоверяться в корректности технологий и оценивать качество НИОКР применительно к условиям зеленого роста.

На фоне встречной активности международных институтов и аравийских пользователей их продукцией гораздо менее определенное движение к зеленым технологиям отмечается в слабо обеспеченных странах Арабского Востока. Это движение дискретно, за малыми исключениями не воплощается в крупных проектах. В Северной Африке, например, значительный соларный объект Дезертек с участием западного каптала не смог реализоваться из-за организационно-технических неувязок и ряда других трудностей. Если динамика на этом поле в регионе и есть, то она наблюдается в узкой полосе, что не гарантирует быстрого наращивания масштабов именно чистого роста. Конкурентоспособность же небольших зеленых предприятий локального значения остается на низком уровне и мало заметна на фоне конвенциональных производств.

Очевидно, что финансовое обеспечение развития остается важнейшим фактором, непосредственно влияющим на судьбы технологического преображения арабских стран. Простые сопоставления показывают, что с этой точки зрения более предметными могут быть ожидания перспективных шагов в инновационном переустройстве арабской индустрии и в модернизации систем жизнеобеспечения именно в нефтяных монархиях Персидского залива. Однако применительно к арабскому миру и в целом, и в частностях попытки предугадать ход событий на разных направлениях, в том числе и в хозяйственном, могут носить только предварительный характер. Тем более это относится к высокотехнологичному зеленому способу производства, оснащенному прецизионным оборудованием, которое легко разрушается от внешнего воздействия, и его эксплуатация становится несовместимой с каким-либо грубым вмешательством.

Видимо, было бы преувеличением в свете сказанного полагать, что арабский мир в той или иной его части уже перешагнул черту, отделяющую его от возможностей сравняться с намного более индустриализованными и продвинутыми во многих отношениях государствами. Для них практическое внедрение изощренных технологий, освоение инновационных методов получения нового качества в самых разных отраслях, применение стандартизованных схем управления экономикой и иными процессами является естественным результатом осознания разрушительных последствий взаимодействия с природой, вызванных неумеренным давлением на нее антропогенного фактора.

Ситуация, сложившаяся в эпоху бурного развития капитализма на Западе, в свое время была экспортирована и на Арабский Восток в ходе освоения его природных ресурсов без учета слабых сторон экосферы. Потребовались время и резкое ухудшение свойств среды обитания, чтобы местные элиты осознали масштабы возможной катастрофы с водой, землей, продовольствием и переключили внимание на экологические угрозы, выраставшие со скоростью, пропорциональной темпам индустриализации и истощения природного потенциала. И далеко не весь негативизм нынешнего положения вещей на арабском экологическом фронте, который копился под

лозунгами технического прогресса, ныне повсюду на Арабском Востоке преодолевается с тем же энтузиазмом, с каким он накатывался на арабский мир. Вынужденный теперь нести повышенные расходы на защиту окружающей среды, он по-прежнему опирается на внешний фактор, и это ставит большинство стран региона в зависимое положение. И только некоторыми избранными оно ощущается тем меньше, чем больше ресурсов они могут выделить на приобретение необходимых знаний, навыков и компетенций.

Сообразно с этим причины, сдерживающие рост зеленой экономики, неравнозначны и зависят от того, какими инвестиционными возможностями располагают нынешние арабские государства. Сейчас даже в аравийских монархиях наметилась потребность в дополнительных целевых инвестициях. Поэтому возникла тенденция активнее использовать потенциал бизнеса в партнерстве с государством. Такой путь представляется плодотворным с точки зрения национальных интересов, а способность частного капитала вкладывать в модернизацию и в подъем экономики рассматривается не только как назревшая мера, но и как патриотический долг. Тем более, что местные бизнес-сообщества в последнее время стали более терпимыми в отношении новых для них форм деятельности в виде участия в венчурных компаниях или в долгосрочных проектах, неприятие которых еще совсем недавно было родовой чертой арабского предпринимательства.

Чтобы консолидировать процесс целиком или хотя бы в отдельных его измерениях, сторонники идеи зеленой экономики ставят задачу разработать схемы привлечения корпоративного капитала к участию в зеленом строительстве, стандартизировать на благоприятной для дела основе отношения с государством и создать рынок капитала под долгосрочные зеленые проекты. (2) Такое требование созвучно с Дубайской декларацией 2017 г., которая рисует сценарий укрепления положения Дубая (Абу Даби также может быть причислен) как модели устойчивого чистого развития мирового уровня в результате сооружения при поддержке государства серии крупномасштабных зеленых проектов. В частности, речь идет о запуске крупнейшей в мире станции концентрированной солнечной энергии, параллельном развитии Инновационного и Исследовательского центров, оперирующих новейшими технологиями получения чистой энергии в технограде Аль-Масдар.

Эти и многие другие инициативы вполне укладываются в намерение Дубая не только объявить себя, но и в действительности стать воплощением образцовой во всех отношениях зеленой экономики. Выбранный курс иллюстрируется целым набором финансово обеспеченных программ развития соответствующих направлений. Это противостояние изменению климата в виде Столетней стратегии ОАЭ до 2071 г., Дубайский план 2021, Зеленая повестка ОАЭ 2030 и Дубайская стратегия зеленой энергетики 2050.

На перспективу, способность ряда членов ССАГПЗ выйти за рамки масштабных экспериментов с чистыми технологиями может быть весьма вероятной, принимая в расчет их бюджеты развития. Демонстрируемый ими оптимизм подкрепляется, например, тем, что уже к концу 2017 г. было

официально объявлено, что план национального видения Дубая 2021 реализован на 71% в полном соответствии с другими программами долгосрочного планирования развития. (3)

На этом фоне даже беглый взгляд за пределы достигнутого успеха показывает, что остальной арабский мир за последние годы претерпел еще более глубокий раскол по экономическому признаку и по показателям способности отвечать технологическим вызовам современности. В таких обстоятельствах переустройство большой группы стран в соответствии с зелеными стандартами действительно имеет шансы превратиться для них в проблему, сдерживающую вызревание в регионе новых, отвечающих моменту, производительных сил.

В связи с этим практически невозможно создать объемлющий сценарий развития арабского мира, как целостного экономического ареала, продвигающегося по пути устойчивого роста и зеленого строительства и способного адекватно встретить вызовы уже ближайшего будущего. Между тем, эти вызовы серьезно угрожают его функционированию хронической хозяйственной несостоятельностью и возможными природными катаклизмами в виде усиления парникового эффекта, особенно губительного именно в зоне повышенных температур, свойственных как отдельным странам, так и региону в целом.

Прогноз развития арабских стран до 2050 г., подготовленный в Институте востоковедения РАН в 2013 г., выбирая между двумя крайностями «Энергетика навсегда» и «Возвращение в пустыню», предполагал, что обилие относительно дешевой углеводородной энергии позволит сохраняться довольно долго углеводородным металлургической и нефтехимической отраслям при параллельном, но в растянутых по времени рамках, создании национальной гелио- и атомной энергетики, которая в ряду других мер будет альтернативой, способствующей минимизации дефицита водных, земельных и продовольственных ресурсов при угрозе увеличения численности населения. Такая оценка ситуации может косвенно свидетельствовать о том, что зеленая модель едва ли имеет шанс равномерно распространяться по всему региону. Замещение традиционной энергетики, скорее всего, будет регистрироваться в отдельных отраслевых нишах и в ограниченном ряде государств. При этом выдавливание конвенционного горючего сырья на энергетическую периферию вряд ли сможет принять вид всеарабского стратегического наступления. В связи с этим весьма вероятно, что вызовы, которые стоят перед Арабским Востоком в области новых технологий, сохранят свое значение и на грядущий период.

Литература

1. Gulf New 25.10.2017
2. Gulf News 26.10.2017
3. Аль-Иттихад аль-Иктисадий 25.10.2017

*Кандалинцев В.Г.**

Развивающиеся страны в мировых накопленных ПИИ: 2000 – 2016 гг.

Аннотация: С начала третьего тысячелетия в географической структуре мировых накопленных ПИИ произошли существенные изменения. В статье рассматривается распределение центров притяжения ПИИ, включая новых, сформировавшихся в развивающихся странах. Анализируются факторы появления таких центров, а также специфика ПИИ в Африке. Дополнительно анализируется значение сложившихся трендов для России.

Ключевые слова: накопленные входящие прямые иностранные инвестиции, структурные сдвиги, конкурентные преимущества в привлечении иностранных инвестиций, факторы инвестиционного климата.

В период с 2000 г. по 2016 г. объем накопленных входящих ПИИ (НВПИИ) в мире вырос с 7,5 трлн долл. до 26,7 трлн долл. Важнейший структурный сдвиг заключается в заметном падении доли развитых стран в этом объеме – с 77% до 63%, и росте доли развивающихся стран – с 22% до 34%. В региональном разрезе наиболее радикально сократилась доля Северной Америки (с 41% до 27%), при этом доля Европы осталась почти неизменной на уровне 32%. В развивающихся регионах можно отметить рост доли Азии с 14% до 23% и рост доли Африки с 2% до 3%[1].

Бессменные лидеры

Стабильно лидирующее положение в сфере НВПИИ занимают Китай, Гонконг (Китай) и Сингапур. Однако динамика их доли в мировом объеме НВПИИ существенно различна. Доля Гонконга остается рекордно высокой, но она лишь незначительно повысилась за 16 лет с 5,81% до 5,95%. За тот же период времени Китай почти удвоил свою долю с 2,58% до 5,07%. Самым же динамичным в этой группе стран стал Сингапур с ростом его доли с 1,48% до 4,1%, т.е. в 2,8 раза.

Специфика Гонконга – его роль крупнейшего офшорного центра, осуществляющего транзит и распределение потоков ПИИ. Причем объем межофшорных операций в Гонконге велик как для входящих, так и для исходящих ПИИ. В 2016 г. на офшоры приходилось более половины входящих ПИИ Гонконга, в т.ч. на Британские Виргинские острова – 40%, Каймановы острова – 6%, Бермуды – 5%. Аналогична ситуация и в сфере исходящих

* *Кандалинцев Виталий Геннадьевич* – к.э.н., с.н.с. Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН

[1] Подсчитано автором по: World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. UNCTAD, Geneva, 2017.

ПИИ. Здесь на офшоры приходится 45%, в том числе на Британские Виргинские острова – 38%, Каймановы острова – 4%, Бермуды – 3%.

Столь сильное влияние межофшорных потоков на общий объем ПИИ дает простое, хотя и частичное, объяснение почти неизменной доле Гонконга в мировых НВПИИ. Оно заключается в том, что через Гонконг проходят большие объемы ПИИ, не связанные с собственно экономикой Гонконга и зависящие от общемирового объема ПИИ. Вторым по значению направлением потоков ПИИ Гонконга является материковый Китай. На входящие из Китая потоки ПИИ в 2016 г. приходилось 25%, на исходящие в Китай – 44%[2].

Китай занимает второе место в мире (после Гонконга) по НВПИИ с объемом в 1,35 трлн долл. Наиболее существенными факторами, обусловившие успех Китая в привлечении ПИИ, выступили величина рынка и умеренные (хотя и растущие) расходы на оплату труда. Меньшее, но все же заметное положительное влияние оказали развитие инфраструктуры, рост качества трудовых ресурсов и улучшение регуляторной среды. Эти пять факторов являются основой инвестиционной привлекательности Китая и в обозримом будущем сохранят свою ведущую роль.

Тем не менее, в других значимых факторах Поднебесная не обладает преимуществами, а иногда и заметно уступает другим странам Азии, успешно привлекающим ПИИ. Таковы защита инвестиций во всех аспектах этого вопроса, риски, развитость финансовых рынков, открытость экономики и налоговая нагрузка. Это означает, что перераспределение географических направлений входящих потоков ПИИ в Азии вполне возможно, что повлечет обострение конкурентной борьбы в сфере привлечения иностранных инвестиций.

Особое место в тройке лидеров принадлежит Сингапуру. Это уникальное государство, сумевшее сформировать «чемпионский» инвестиционный климат, в котором Сингапуру принадлежит лидерство в большинстве его компонентов. В таких компонентах, как открытость экономики, инфраструктура, риски, регуляторная среда, защита инвестиций и развитость финансовых рынков островное государство безоговорочно превосходит все страны Азии. «На равных» с другими азиатскими крупными получателями ПИИ Сингапур держится в таком важном компоненте, как качество трудовых ресурсов.

Оборотной стороной успехов страны в росте инвестиционной привлекательности и экономики в целом является высокий уровень расходов на оплату труда. Он второй (после Южной Кореи) в Азии, что, впрочем, лишь незначительно снижает инвестиционную привлекательность Сингапура. Уникальный инвестиционный климат Сингапура дает ему столь значительные конкурентные преимущества, что в ближайшем будущем эта страна, вероятно, сумеет обеспечить дальнейших рост своей доли в мировых НВПИИ.

---

[2] Сайт госдепа США: https://www.state.gov. Дата обращения – 24 декабря 2017 г.

Несколько отстали от «большой тройки» Бразилия, Мексика и два офшора – Британские Виргинские острова и Каймановы острова. Бразилия продемонстрировала ощутимый рост доли с 1,63% до 2,34%. Это государство отличается высокой открытостью экономики, низкими рисками и хорошим соотношением качества трудовых ресурсов и расходов на оплату труда. Высокая открытость экономики позволяет иностранному капиталу оперировать в широком спектре отраслей, а низкие риски расширяют круг иностранных инвесторов, готовых реализовать те или иные проекты. Хорошее соотношение качества трудовых ресурсов и расходов на оплату труда позволяет поддерживать эффективность проектов с ПИИ как в трудоемких отраслях, где требуются ограничения на рост зарплаты, так и в технологически сложных секторах, где нужна достаточно высокая квалификация персонала. Вместе с тем, приток ПИИ в страну сдерживают довольно высокий уровень налогообложения компаний, а также менее сильные позиции в таких компонентах, как величина рынка, инфраструктура, развитость финансового рынка и регуляторная среда.

Доля Мексики в мировых ВНПИИ за 2000–2016 гг. несколько выросла с 1,62% до 1,77%, что в абсолютных цифрах соответствует росту с 121,7 млрд долл. до 473,5 млрд долл. В основном, инвестиции поступили из США (50%) и Испании (15%)[3]. Что касается офшоров, то в их потоках ПИИ значительную роль играют межофшорные миграции капитала. Так, доля Британских Виргинских остров в мировых НВПИИ резко выросла с 0,4 до 2,37% (почти в 6 раз!), при этом доля Гонконга преобладает как во входящих, так и исходящих потоках ПИИ данного офшора. Во многом аналогична ситуация и в другом карибском офшоре, Каймановых островах, чья доля в мировых НВПИИ также выросла весьма существенно – с 0,34% до 1,32% (т.е. в 3,9 раз).

Новые центры притяжения инвестиций

В мире всего два десятка стран, чья доля в мировых накопленных инвестициях превышает 1%. За рассматриваемый период в этот список стремительно вошла Индия, повысив свою долю с 0,22% до 1,19%. Немаловажную роль в этом успехе сыграла политика страны по привлечению ПИИ и ее некоторые конкурентные преимущества.

В политике по привлечению ПИИ основополагающую роль сыграли следующие меры либерализации:

- Введение двойного, заявительного и разрешительного, порядка допуска ПИИ в страну. В секторах, подпадающих под действие заявительного порядка, для ПИИ не требуется никакого предварительного одобрения со стороны правительства или Резервного банка Индии. В других секторах такое предварительное одобрение требуется.Оно входит в компетенцию Совета по содействию иностранным инвестициям, министерства экономики и министерства финансов.

[3] Интернет источник: http://www.siavi.economia.gob.mx. Дата обращения – 24 декабря 2017 г.

- Автоматическое разрешение технологических соглашений в отраслях высокой приоритетности и устранение ограничений на ПИИ в низкотехнологичных отраслях, либерализация импорта технологий.
- Разрешение индийцам-нерезидентам и зарубежным корпоративным органам инвестировать до 100% в высокоприоритетных отраслях.
- Допущение потолка иностранного участия в существующих компаниях до 51%, и либерализация использования иностранных фирменных наименований.
- Подписание «Конвенции о защите иностранных инвестиций» Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций.

Однако мер одной только политики было бы недостаточно для существенного роста притока ПИИ в Индию. Ведь есть и заметные препятствия на пути иностранных инвестиций в страну. Это, прежде всего, нехватка адекватной инфраструктуры, строгое трудовое законодательство, коррупция, недостаточность полномочий по принятию решений на уровне правительств штатов, ограниченный масштаб производственных экспортных зон, высокая ставка корпоративного налога и др[4].

Индия располагает определенными конкурентными преимуществами, которые во многих случаях перевешивают препятствия. Таковы крупный внутренний рынок, дешевые трудовые ресурсы, неплохая защита иностранных инвестиций и относительно низкие риски. Такое сочетание конкурентных преимуществ способствует привлечению ПИИ в трудоемкие отрасли и бизнесы, ориентированные на внутренний спрос. Также привлекательна Индия для инвесторов, ориентированных на долгосрочные проекты и умеренные риски.

Еще несколько развивающихся стран уверенно приближаются к знаковому уровню 1% мировых НВПИИ. В Азии это Индонезия и Саудовская Аравия, имеющие практически одинаковую долю в мировых НВПИИ.

Индонезия повысила свою долю с 0,33% до 0,88%. Привлекательность этой страны для иностранного капитала прежде всего обусловлена емким внутренним рынком и низкими расходами на оплату труда, но не только. Индонезия обладает довольно сбалансированным набором факторов инвестиционного климата. Такие факторы как открытость экономики, инфраструктура, качество трудовых ресурсов, защита инвестиций, риски, развитость финансового рынка и налоговая нагрузка могут быть оценены по 10-балльной шкале в относительно узком диапазоне 6–7 баллов. Отсутствие резких перепадов в оценке факторов инвестклимата при довольно неплохом его общем уровне (около 7 баллов за счет высокой оценки емкости внутреннего рынка и расходов на оплату труда) делает Индонезию стабильно привлекательной для широкого круга иностранных инвесторов.

Еще более высокий темп наращивания доли в мировых НВПИИ продемонстрировала Саудовская Аравия, доля которой выросла с 0,23% до 0,87%.

---

[4] International Journal of Scientific and Research Publications, Volume 5, Issue 10, October 2015.

Согласно данным SWOT-анализа департамента экономических исследований A&T Bank, сильными сторонами страны являются крупнейшие в мире запасы нефти, развитая нефтегазовая инфраструктура, стабильные операционные условия, исторически сложившееся наличие большого количества дешевой иностранной рабочей силы, низкий уровень преступности, широкий доступ к традиционным финансовым продуктам и услугам, рост внутреннего спроса на товары и услуги как следствие роста населения.

Для импорта ПИИ также благоприятны такие факторы, как амбициозная политика правительства по созданию новых рабочих мест и диверсификации экономики, строительство многочисленных железных дорог, диверсифицирующих возможности транспортировки внутри страны, либерализация цен на энергоносители и продолжающееся наращивание мощностей нефтепереработки[5]. В целом потенциал привлечения ПИИ в Саудовской Аравии высок, и можно прогнозировать дальнейший рост доли страны в мировых НВПИИ.

Также сумели добиться значительного укрепления своих позиций в сфере накопления ПИИ Южная Корея, Турция, Вьетнам и, особенно, Объединенные Арабские Эмираты. Доля ОАЭ в мировых НВПИИ подскочила с малозаметных 0,01% до внушительных 0,44% (см. Таблицу 2).

Африка: неровный рост

Доля Африки в мировых НВПИИ увеличилась за 2001–2016 гг. в полтора раза и достигла 3,13%. Круг основных получателей ПИИ не изменился, это по-прежнему ЮАР, Египет, Нигерия, Марокко. Но динамика накопления ПИИ в этих странах существенно разнится.

В Африке ЮАР в абсолютных цифрах по-прежнему лидирует, но ее доля в мировых НВПИИ снизилась с 0,58% до 0,51%. На второе месте вышел Египет, заметно сокративший отставание от лидера и продемонстрировавший рост своей доли с 0,27% до 0,35%. На третьем месте находится Нигерия с довольно скромным приращением доли с 0,32% до 0,35%. На четвертом месте Марокко, это государство увеличивала свою долю в мировых НВПИИ темпом выше среднеафриканских, с 0,12% до 0,20%.

Таблица 1

Проекты ПИИ в Африке

Годы	Количество проектов ПИИ	Объем ПИИ, млрд долл.	Средний объем ПИИ на один проект, млн долл.
2007	405	55,2	136,3
2008	874	140,0	160,2
2009	754	83,6	110,9
2010	694	70,4	101,4
2011	923	67,6	73,2

[5] Интернет-источник: https://www.atbank.com. Дата обращения – 24 декабря 2017 г.

Годы	Количество проектов ПИИ	Объем ПИИ, млрд долл.	Средний объем ПИИ на один проект, млн долл.
2012	826	47,2	57,1
2013	882	66,3	75,2
2014	722	88,5	122,6
2015	771	71,3	92,5
2016	676	94,1	139,2

Источник: EY's Attractiveness Program: Africa. May 2017.

Из данных таблицы 1 видно, что параметры притока ПИИ в Африку сильно зависят от глобальных циклических факторов. После рекордного 2008 г., когда был достигнут максимум как по объему ПИИ, так и по среднему объему инвестиций на один проект, последовал четырехлетний период падения. Этот период закончился минимальными значениями притока ПИИ в 2012 г., после чего последовал четырехлетний период восстановления. При этом результат 2016 г. практически совпал с результатом 2007 г.

Отчетливой современной тенденцией стало быстрое наращивание ПИИ в Африку, исходящих из Китая. По числу проектов ПИИ в 2016 г. Китай вышел на третье место (после США и Франции), удвоив всего лишь за год их количество до 66. А по стоимостному объему ПИИ Поднебесная вообще вне конкуренции. В 2016 г. данный объем составил 36,1 млрд долл. против 11,0 млрд долл. у находящихся на втором месте ОАЭ, и 4,8 млрд долл. у замкнувшего тройку лидеров Марокко. ПИИ Китая в Африку носят хорошо диверсифицированный характер и охватывают горнодобывающую промышленность, металлургию, обрабатывающую промышленность и услуги.

В 2016 г. по числу инвестиционных проектов иностранного капитала в Африке лидировали секторы «Технологии, СМИ и телекоммуникации» (19,5%), «потребительские продукты и розничная торговля» (15,2%) и «Деловые услуги» (11,8%). Т.е. суммарно на эти три сектора пришлось 46,5% всех проектов ПИИ. Но объем ПИИ в них при этом составил только 8,5%. Лидером по стоимостному объему ПИИ остается, несмотря на некоторое сокращение, сектор «Недвижимость, индустрия услуг и строительство». На него пришлось 40,6% всего объема ПИИ в Африку[6].

Значение тенденций для России

В целом, Россию вполне можно отнести к странам, укрепляющим свои позиции в мировых НВПИИ. Как и Индия, наша страна за период 2000–2016 гг. вошла в двадцатку стран, чья доля превышает 1%. Конкретно доля России увеличилась с 0,40 до 1,42%, или в абсолютных цифрах объем НВПИИ в нашей стране вырос с 29,7 млрд долл. до 379 млрд долл., или в 3,57 раза.

[6] EY's Attractiveness Program: Africa. May 2017

Проблема, однако в том, что темп данного роста отстает от среднего по СНГ, так как доля СНГ выросла в 3,72 раза. Только четыре страны Содружества имеют более низкий, чем в России, темп роста национальной доли в мировых НВПИИ – Армения, Кыргызстан, Молдова и Украина. Четыре других страны СНГ увеличили свою долю в 4–5 раз. Это Грузия (5,19 раз), Таджикистан (4,94 раза), Азербайджан (4,17 раза), Беларусь (4,07 раз).

Поэтому рост доли России нельзя назвать особо впечатляющим. Значительная часть этого роста объясняется эффектом невысокой базы 2000 г., когда завершились «трудные» 90-е годы прошлого столетия. Между тем, быстрый и длительный рост доли той или иной страны в мировых НВПИИ говорит о том, что иностранный капитал обнаружил в этой стране значительные перспективы для своей деятельности и может выполнить роль катализатора структурной перестройки экономики. Пример ОАЭ в этом отношении довольно нагляден.

В долгосрочном плане такая крупная страна как Россия должна добиваться места среди главных лидеров в сфере привлечения ПИИ. С некоторой долей условности к «главным лидерам» можно отнести экономики с долей в мировых НВПИИ более 3%. На сегодняшний день таких экономик (без офшоров) всего шесть: США, Канада, Великобритания, Ирландия, Китай, Сингапур. Почти вошла в «клуб избранных» Швейцария (доля 2,97%), на грани выхода из него Нидерланды (доля упала с 3,25% до 3,0%).

А вот кандидатов на вход в более отдаленной перспективе несколько: Франция (доля 2,61%), Бразилия (доля 2,34%), Австралия (доля 2,16%) Мексика (доля 1,77%), Россия (доля 1,42%) и Индия (доля 1,19%)[7]. Кто же более всех преуспеет? Однозначного ответа на этот вопрос нет, но все же можно назвать некоторые значимые условия, которые позволяют лидерам становиться лидерами:

1. Наличие национальной стратегии развития инвестиционного климата и эшелонированного механизма ее реализации на макро- и микроуровне.
2. Умение поддерживать и развивать конкурентные преимущества страны, привлекательные для иностранного капитала.
3. Способность укреплять «антишоковый» потенциал экономики, т.е. ее способность быстро адаптироваться к резким колебаниям мировой конъюнктуры.

Россия может выйти на более высокое место, если к углеводородным мега проектам добавит значительный прогресс еще на двух направлениях. Это инновационные и высокотехнологические проекты, и рост диверсификации ПИИ. Возможность входить в прибыльные инновационные и высокотехнологические проекты высоко ценится международными инвесторами и меняет в лучшую сторону имидж страны-получателя ПИИ.

---

[7] Подсчитано автором по: World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. UNCTAD, Geneva, 2017.

Диверсификация по широкому кругу параметров (география иноинвесторов, сферы инвестиционной активности, дополнительные источники финансирования и т.д.) способна увеличить объем потоков ПИИ в Россию.

Для этого также необходимо добиться прогресса в решении проблем, которые традиционно вызывают недоверие иноинвесторов к нашей стране. В России среди таковых проблем на 1 месте находится инфляция, на 2 месте – ставки налогов, на 3 месте – коррупция, на 4 месте – доступ к финансированию, на 5 месте – налоговое законодательство[8].

Приложение

Таблица 2

Накопленные входящие прямые иностранные инвестиции (НВПИИ) развивающихся стран

Регион/страна	Объем накопленных входящих ПИИ, млн долл.		Доля в мировых накопленных входящих ПИИ,%*	
	2000 г.	2016 г.	2000 г.	2016 г.
Мир	7489 631	26728 256	100,0	100,0
Африка, в т. ч.	153484	836553	2,05	3,13
Египет	19955	102324	0,27	0,28
Марокко	8842	54784	0,12	0,20
Нигерия	23786	94184	0,32	0,35
Ангола	9977	49545	0,11	0,19
Южная Африка	43451	136837	0,58	0,51
Азия, в т. ч.	1052 674	6255 496	14,06	23,40
Китай	193348	1354 404	2,58	5,07
Гонконг (Китай)	435417	1590 808	5,81	5,95
Южная Корея	43738	184970	0,58	0,69
Индонезия	25060	234961	0,33	0,88
Сингапур	110570	1096 320	1,48	4,10
Таиланд	30944	188651	0,41	0,71
Вьетнам	14730	115391	0,20	0,43

[8] Global Competiveness Report 2016–2017. /ed. by Klaus Schwab/. Geneva, World Economic Forum, 2016.

Регион/страна	Объем накопленных входящих ПИИ, млн долл.		Доля в мировых накопленных входящих ПИИ,%*	
	2000 г.	2016 г.	2000 г.	2016 г.
Индия	16339	318502	0,22	1,19
Иран	2597	48469	0,03	0,18
Саудовская Аравия	17577	231502	0,23	0,87
Турция	18812	132882	0,25	0,50
ОАЭ	1069	117944	0,01	0,44
Латинская Америка и Карибия, в т.ч.	461082	1960 061	6,16	7,33
Бразилия	122250	625876	1,63	2,34
Чили	45753	238557	0,61	0,89
Колумбия	11157	164249	0,15	0,61
Перу	11062	91480	0,15	0,34
Мексика	121691	473520	1,62	1,77
Британские Виргинские о-ва	30313	633706	0,40	2,37
Каймановы о-ва	25585	353568	0,34	1,32
Океания	1833	25543	0,02	0,10

Источник: World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. UNCTAD, Geneva, 2017.

*Подсчитано автором по данным источника.

Литература:

1. Подсчитано автором по: World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. UNCTAD, Geneva, 2017.
2. Сайт госдепа США: https://www.state.gov. Дата обращения – 24 декабря 2017 г.
3. Интернет источник: http://www.siavi.economia.gob.mx. Дата обращения – 24 декабря 2017 г.
4. International Journal of Scientific and Research Publications, Volume 5, Issue 10, October 2015.
5. Интернет-источник: https://www.atbank.com. Дата обращения – 24 декабря 2017 г.
6. EY’s Attractiveness Program: Africa. May 2017.
7. Global Competiveness Report 2016–2017. /ed. by Klaus Schwab/. Geneva, World Economic Forum, 2016.

*Борисов М.Г.**

Возобновляемая энергетика на Востоке: проблемы и перспективы

Аннотация. В последнее время в мировой энергетике, в особенности в энергетике стран Востока, как самой динамичной её части, наблюдается быстрое развитие альтернативных способов получения энергии. Причиной этого является возросшая ценовая конкурентоспособность возобновляемой энергетики. Страны Востока сильно разнятся как по обеспеченности первичными энергоресурсами, так и по структуре энергетических балансов, но всех их объединяет повышенный интерес к развитию возобновляемой энергетики. Быстро индустриализирующиеся, но энергодефицитные страны Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии ориентированы на максимально возможное развитие всех способов получения энергии при опережающем росте возобновляемых источников. Регион Ближнего Востока и Северной Африки, изобилующий ископаемым топливом, в не меньшей степени, как это ни парадоксально, заинтересован в преимущественном развитии новой энергетики с целью избежать серьёзных структурных перекосов в экономике и снижения доходов от экспорта первичных энергоносителей. Поэтому все страны Востока ставят перед собой амбициозные цели в области возобновляемой энергетики.

***Ключевые слова*:** возобновляемые источники энергии (ВИЭ), солнечная энергетика, ветровая энергетика, геотермальная энергетика, “зеленый” тариф, малые ГЭС, энергетические субсидии, “зеленая” энергетика.

В последние годы мировая энергетика в целом и, в наибольшей степени, энергетика стран Востока переживают серьезные структурные изменения. Главным из этих изменений является начавшийся быстрый рост доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в энергетических балансах большинства государств. Этот процесс был инициирован растущей ценовой конкурентоспособностью технологий с использованием ВИЭ, политическими инициативами, способствовавшими расширению данного сектора энергетики, открывшимся доступом к источникам финансирования, обострившимися проблемами энергетической и экологической безопасности, растущей потребностью в энергии со стороны бурно развивающихся молодых экономик.

Важнейшим толчком развитию ВИЭ стало принятие ООН в 2015 г. Конвенции по изменению климата, в рамках которой 195 стран пришли к соглашению о необходимости ограничить глобальное потепление, согласившись с тем, что оно обязано, в основном, функционированию традиционной углеродной энергетике и взяв на себя обязательство пересмотреть степень её поддержки.

* *Борисов Михаил Глебович* – старший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН

Быстрый рост ВИЭ стал возможным, в первую очередь, благодаря очень быстро выросшей их конкурентоспособности. Геотермальная энергетика и малые ГЭС уже конкурентоспособны, а гелио- и ветроэнергетика сравняются по капитальным затратам с углеродной энергетикой примерно к 2040 году и не будут требовать субсидирования[1]. За период 2010–2015 гг. капитальные затраты в ветровой и солнечной энергетике снизились более чем вдвое и этот процесс, как минимум, не замедляется[2].

ВИЭ пока что субсидируются государствами. Объём этой поддержки возрастает и к 2016 г. достиг в глобальном масштабе 120 млрд долл. Однако традиционная энергетика тоже субсидируется и в гораздо более крупных масштабах (в 2016 г. глобальный объём субсидий составил более 500 млрд долл.); при этом эффективность субсидирования ВИЭ неуклонно растет (субсидии в 2016 г. увеличились на 6%, а введенные энергетические мощности на 8%), а отдача от субсидирования энергетики на основе ископаемых источников падает[3].

Важным фактором повышения конкурентоспособности ВИЭ явилось развитие и успешное внедрение технологий накопления энергии. Это серьезно укрепило рыночные позиции ВИЭ, для которых нерегулярность выработки являлось серьезным препятствием их дальнейшему росту.

Продвижению ВИЭ способствовало также усиление финансового давления на угольные энергетические компании (особенно в Китае и Евросоюзе) через введение квот на выброс диоксида углерода. Это явилось серьёзным прорывом в решении экологических проблем энергетики через рыночные механизмы.

Энергетика на основе ВИЭ получила дополнительный конкурентный импульс к развитию после широкого распространения по миру «зеленого» энергетического тарифа (feed-in tariff), включающего гарантированное подключение к распределительным сетям и обязательную покупку электроэнергии, генерированной из возобновляемых источников, сбытовыми компаниями, расчет по принципу «издержки плюс» (потребитель полностью оплачивает затраты на производство и предельную норму прибыли производителя). Этот тариф, первоначально недоступный для населения небогатых стран, быстро уменьшается в силу технического прогресса и роста числа относительно развитых экономик.

В новую энергетику в 2015 г. в мире было инвестировано 286 млрд долл. (54% этого объёма – в солнечную энергетику, 36% – в ветровую, 8% – в малые ГЭС, 2% – в прочие), что вдвое больше, чем в энергетику на основе ископаемого топлива[4]. При этом около 80% пришлось на частный капитал, что говорит о финансовой привлекательности проектов. Основной вклад в их

[1] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 443.

[2] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017. p. 443.

[3] Global Trends in Renewable Energy. KPMG. https://home.kpmg.com/.../Global -..(дата обращения: 04.01.2018).

[4] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 406.

финансирование вносят международные финансовые компании. Получают распространение новые финансовые инструменты – «зелёные облигации, краудфандинг и проч.

Привлекательность инвестирования в ВИЭ будет нарастать. Агентство Bllomberg полагает, что из гигантской суммы в 10,2 трлн долл., которая будет инвестирована в мировую энергетику в 2015–2040 гг., 72% придется на ветро- и гелиоэнергетику[5]. Стоимость электроэнергии от солнца упадет в мире за этот период на 66%[6]. К 2021 г. она станет дешевле электроэнергии, произведенной на угольных ТЭС в КНР, Индии Японии[7]. За этот же период стоимость электроэнергии, произведенной на береговых ветровых станциях, должна снизиться на 47%, а на морских – на 71%[8]. По совокупности факторов инвестирование в новую энергетику становится привлекательней вложений в энергетику традиционную. Уже в 2016 г. 60% вновь вводимых энергетических мощностей в мире пришлось на ВИЭ и эта доля будет возрастать[9].

Переориентация инвестиций в энергетику на новые источники получения энергии приведет к росту доли ВИЭ в энергетических балансах и, особенно, в структуре производства электрической энергии. К 2040 г. доля ВИЭ в глобальной электрической генерации должна составить 31% (вместе с крупными ГЭС), столько же, сколько составит доля угля, при том, что доля крупных ГЭС в суммарной генерации из ВИЭ упадет с 71% в 2015 г. до 53% к 2040 г. вследствие исчерпания возможностей экстенсивного роста[10]. Однако структура глобальной электрогенерации на обозримую перспективу останется преимущественно углеродной: в 2015 г. 69% генерации приходилось на ископаемое топливо, 19% – на крупные ГЭС, 6% – на ветровые станции, 4% – на солнечные станции, 2% – на биоэнергетику, к 2040 г. доля углеродного топлива снизится не кардинально, – до 54%, доля крупных ГЭС понизится до 17%, доли гелио- и ветроэнергетики составят по 13%, биоэнергетика останется на уровне в 2% и 1% придется на прочие способы получения электроэнергии[11]. Причина – практически нулевой исходный уровень новой электроэнергетики и огромные масштабы огневой генерации.

Еще в меньших масштабах увеличится доля ВИЭ в мировом ТЭБе (см. Табл. 1). Причина состоит в ограниченности возможностей использования ВИЭ во многих отраслях промышленности (в качестве источника первичной энергии),транспорта (авиационного, водного, трубопроводного) и сельском хозяйстве.

---

[5] Bloomberg New Energy Outlook 2017 https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook

[6] Bloomberg New Energy Outlook 2017 https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook

[7] Bloomberg New Energy Outlook 2017 https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook

[8] Bloomberg New Energy Outlook 2017 https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook

[9] International Energy outlook http://www.eia.gov/ieo

[10] International Energy outlook http://www.eia.gov/ieo

[11] International Energy outlook http://www.eia.gov/ieo

Таблица 1

Доля возобновляемых источников энергии в мировом топливно-энергетическом балансе (%)

	2015 (%)	2025 (%)	2040 (%)
Доля в ТЭБе	8	12	16
Доля в электрогенерции	23	30	37
Доля в теплоэнергетике	9	11	15
Доля на транспорте	3	4	6
Доля в промышленности и сельском хозяйстве	9	12	15

Источник: World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017.

Характер развития сектора ВИЭ в экономически развитой части мира и в группе догоняющих стран, особенно на Востоке, как самой динамичной её части, будут весьма разниться. Развитые государства, для которых характерен «уход» старых энергоёмких отраслей промышленности, медленный рост (или стагнация) населения и растущая энергоэффективность экономики (опережающее снижение потребления энергии на производство единицы ВВП),уделяющие первоочередное внимание экологической составляющей качества жизни, даже на основе только уже имеющихся энергетических мощностей будут в состоянии обеспечить поступательную экономическую динамику в рамках постиндустриальной системы производительных сил. Поэтому развитие энергетики здесь пойдет, очевидно, по пути лишь замены выбывающих вследствие амортизации старых мощностей (ТЭС и АЭС) новыми (ветро- и гелиостанциями). Государства Востока, проходящие, в большинстве, стадию индустриализации, строительного и транспортного бума, характеризующиеся быстрым ростом населения, будут не в состоянии обеспечить свои быстрорастущие потребности в энергии из одних лишь возобновляемых источников. Поэтому, несмотря на то, что на страны Востока (Азия и Северная Африка) в 2015–2040 гг. придётся около 73% мировых инвестиций в ВИЭ и производство электроэнергии на основе ВИЭ возрастет на 265% (при суммарном росте генерации на 126%), доля новой энергетики в ТЭБе увеличится лишь соответственно с 8% до 14%)[12]. Кроме этого, мощности на основе ВИЭ занимают большую площадь (1 кв. км. солнечной «фермы», в среднем, дает за год электроэнергию, соответствующую сжиганию лишь 1 млн баррелей нефти), относительно небольшую мощность (мощность средней солнечной станции примерно в 20 раз меньше мощности средней ТЭС) и не могут обеспечить энергетические потребности крупных энергоёмких производств а также густонаселенных территорий. Поэтому энергетика на основе ВИЭ на большей части Востока будет развиваться в едином комплексе со всеми

[12] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 406.

возможными отраслями традиционной энергетики (при опережающем росте), либо автономно, вне энергосистем, для энергоснабжения удаленных сельских районов, коих немало на Востоке.

С точки зрения обеспеченности первичными энергоносителями и структуры топливно-энергетического баланса страны Востока сильно разнятся, однако их объединяет общее стремление к максимально ускоренному развитию возобновляемой энергетики. Энергодефицитные регионы Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии заинтересованы в максимально возможном развитии всех способов получения энергии для обеспечения своего самого быстрого в мире экономического роста, отдавая максимально возможное предпочтение возобновляемым источникам. Изобилующие дешевым и доступным ископаемым топливом регионы Юго-Западной Азии и Северной Африки в не меньшей степени, как это ни парадоксально, заинтересованы в форсировании развития новой энергетики с целью устранения структурных перекосов в экономике, чреватых уменьшением доходов от сокращения топливного экспорта. Таким образом, все страны Востока ставят перед собой масштабные цели в области возобновляемой энергетики (Табл. 2).

Таблица 2

Доля возобновляемых источников энергии в первичном и конечном энергопотреблении а также в производстве электрической энергии в странах Востока

Страна	Первичное энергопотребление		Конечное энергопотребление		Производство электроэнергии	
	Доля в 2015 г.	Цели страны	Доля в 2015 г.	Цели страны	Доля в 2015 г.	Цели страны
Алжир	-	-	-	37% к 2030 г.	5,00%	45% к 2030 г.
Азербайджан	0,50%	-	-	10% к 2020 г.	19,00%	20% к 2020 г.
АРЕ	20,00%	24% к 2020 г.	22,00%	26% к 2020 г.	1,00%	30% к 2020 г.
Бангладеш	-	-	-	-	3,00%	10% к 2020 г.
Бруней	-	2% к 2035 г.	3,00%	8% к 2035 г.	1,00%	10% к 2035%
Вьетнам	32%	38% к 2020 г.	35,00%	45% к 2020 г.	38,00%	50% к 2020 г.
Израиль	-	-	8,00%	13% к 2025 г.	8,00%	17% к 2030 г.
Индия	19,00%	25% к 2040 г.	20,00%	30% к 2040 г.	19,00%	40% к 2040 г.
Индонезия		25% к 2025 г.	2,00%	30% к 2040 г.	6,00%	50% к 2040 г.

Страна	Первичное энергопотребление		Конечное энергопотребление		Производство электроэнергии	
	Доля в 2015 г.	Цели страны	Доля в 2015 г.	Цели страны	Доля в 2015 г.	Цели страны
Иордания	5,00%	10% к 2020 г.	6,00%	8% к 2020 г.	3,00%	10% к 2020 г.
Казахстан	-	-	-	-	-	30% к 2030 г.
Камбоджа	36,00%	45% к 2035 г.	42,00%	50% к 2035 г.	46,00%	55% к 2035 г.
КНР	2,00%	12% к 2030 г.	10,00%	20% к 2030 г	20,00%	29% к 2030 г.
Лаос	-	-	—	-	38,00%	70% к 2030 г.
Мавритания	4,00%	20% к 2020 г.	5,00%	50% к 2025 г.	8,00%	60% к 2025 г.
Малайзия	-	7% к 2030 г.	-	9% к 2030 г.	8,00%	11% к 2030 г.
Марокко	-	30% к 2036 г.	-	30% к 2036 г.	15,00%	40% к 2036 г.
Монголия	-	22% к 2030 г.	-	25% к 2030 г.	4,00%	30% к 2030 г.
Мьянма	30,00%	35% к 2035	35,00%	38% к 2035 г.	40,00%	60% к 2035 г.
Сауд. Аравия	-	15% к 2032 г.	-	25% к 2032 г.	8,00%	50% к 2032 г.
Таиланд	-	25% к 2032 г.	-	35% к 2036 г.	12,00%	40% к 2036 г.
Филиппины	34,00%	40% к 2035 г.	36,00%	50% к 2035 г.	39,00%	60% к 2035 г.
Шри-Ланка	50,00%	65% к 2035 г.	56,00%	70% к 2035 г.	54,00%	70% к 2035 г.
Япония	6,00%	17% к 2030 г.	3,00%	15% к 2030 г.	13,00%	25% к 2030 г.

Источник: Renewables 2016. Global Status Report. Ren. 21 Secretariat. P., 2017

Широчайшее поле для развития исключительно возобновляемой энергетики представляют собой многочисленные обширные, малоосвоенные и ещё не электрифицированные регионы Востока. Децентрализованное, автономное развитие в них «зеленой» энергетики имеет целый ряд неоспоримых выгод. Поскольку агрегаты малой альтернативной энергетики компактны и уже готовы к эксплуатации, нет необходимости в масштабном строительстве, подвозе габаритного оборудования и стройматериалов, специальном строительстве дорог. Нет также необходимости в подключении объектов «малой» энергетики к электросетям и в строительстве ЛЭП, что снижает капитальные затраты а также потери в сетях (которые доходят до 20% генерируемой электроэнергии). Исключение традиционной биомассы из домашнего энергоснабжения уменьшает масштабы дефорестации и выбросов диоксида углерода.

Таблица 3

Состояние и перспективы электрификации удаленных районов Востока и замены в них традиционной биомассы на новые возобновляемые источники энергии для отопления и приготовления пищи.

Страна	Электрификация села (%)		Население, использующее традиционную биомассу для приготовления пищи и отопления (%)	Доля ВИЭ в приготовлении пищи и отоплении (%)	
	2015 г.	Планы		2015 г.	Планы
Бангладеш	61	100 к 2021 г.	89	0	5 к 2025 г.
Вьетнам	97	100 к 2020 г.	47	1	8 к 2030 г.
Камбоджа	39	75 к 2030 г.	88	0	4 к 2025 г.
КНДР	26	90 к 2018 г.	46	1	5 к 2020 г.
Индия	80	100 к 2035 г.	39	1	7к 2035 г.
Индонезия	79	90 к 2030 г.	39	0	10 к 2030 г.
Йемен	46	-	32	0	9 к 2030 г.
Мавритания	28	55 к 2025 г.	80	0	5 к 2025 г.
Монголия	90	100 к 2025 г.	63	0	10 к 2025 г.
Мьянма	38	-	93	0	6 к 2035 г.
Непал	76	-	86	0	5 к 2030 г.
Пакистан	73	100 к 2030	58	1	15 к 2030 г.
САР	93	100 к 2025 г.	7	1	18 к 2035 г.
Таиланд	89	-	24	2	15 к 2023 г.
Филиппины	80	-	54	1	15 к 2030 г.
Шри-Ланка	94	100 к 2020	74	1	10 к 2025 г.

Источник: Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., 2017.

Страны Востока уже в настоящее время занимают выдающиеся позиции в мировой возобновляемой энергетике. КНР – на первом месте в мире по инвестициям в ВИЭ (Япония – на третьем, Индия – на пятом), Мавритания – на первом месте по инвестициям в ВИЭ на единицу ВВП (Марокко – на четвертом), Филиппины и Индонезия – на втором и третьем местах (после США) по установленным геотермальным мощностям, КНР лидирует по мощностям всех остальных ВИЭ (Индия – третья-четвертая), первая мировая «четвёрка» по числу установленных домашних солнечных панелей – Бангладеш, Индия, КНР, Непал, первая мировая «пятёрка» по количеству биогазовых установок – КНР, Индия, Непал, Вьетнам, Бангладеш[13].

[13] Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., 2017, p. 160.

Китай развивает альтернативную энергетику в наибольших в мире масштабах и наивысшими в мире темпами. На эту страну приходится 28% мировых инвестиций в возобновляемую энергетику и этот показатель растет. На КНР уже приходится 37% мощностей солнечной энергетики мира и 34% ветровой, при том, что доля солнечных станций в суммарной электрогенерации страны составляет лишь 1%, о ветровой – 3% (6)[14]. 13-й пятилетний план (2016–2020 гг.) намечает рост ветровой и солнечной электрогенерации соответственно на 156% и 115%[15]. В течении этого времени на долю КНР придется 36% вновь введенных мощностей в гидроэнергетике мира, 40% – в ветроэнергетике и 37% – в гелиоэнергетике. В настоящее время на долю Китая приходится почти 40% занятых в возобновляемой энергетике мира (около 3 млн чел. из 8 млн чел.), 13-м пятилетним планом намечено создать ещё 13 млн рабочих мест и концу 2020 г. в стране будет работать в новой энергетике более половины всех занятых в этой сфере в мире[16].

Будучи крупнейшим потребителем энергии, Китай является её крупнейшим импортером; став мировой «фабрикой», эта страна превратилась в крупнейшего эмитента диоксида углерода. В силу этого форсированный рост альтернативной энергетики прочно инкорпорирован в стратегию дальнейшего экономического роста: запланированная к 2020 г. доля ВИЭ в выработке электрической энергии в 15% «сэкономит» 580 млн т. угля, приведет к снижению на 18% углеродоёмкости ВВП (выброс диоксида углерода на единицу ВВП), на 23% снизит водоёмкость ВВП, сэкономит почти 76 млрд долл. за счет относительного уменьшения импорта первичных энергоносителей, почти на 75% увеличит количество дней с удовлетворительным качеством воздуха в крупных городах[17].

Важное место в развитии ВИЭ в КНР занимает строительство гидроэлектростанций, особенно малых. Если крупные китайские ГЭС, дающие более четверти гидроэлектроэнергии мира, являются базовыми станциями, интегрированными в энергосистемы, то малые станции децентрализованы и обеспечивают электроэнергией удаленные горные сельские районы, решая одновременно задачи снижения потребления традиционной биомассы (и выбросов диоксида углерода), местного водоснабжения и ирригации и уменьшения энергопотерь в сетях. В 2016–2020 гг. на долю Китая придется около 60% вводимых во всем мире мощностей малой гидроэлектроэнергетики[18].

Сектор ВИЭ развивается в Китае в рамках продуманной государственной политики, создающей благоприятные финансовые и организационные

---

[14] Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016. https://www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=/.../pdf/... (дата обращения 03.01.2018).

[15] Ibid.

[16] Ibid.

[17] Ibid.

[18] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017.

условия для капитального строительства и последующей эксплуатации энергетических объектов. Основным направление этой политики является государственное субсидирование, но не населения (как в бедных странах), а бизнеса. Это, в первую очередь, субсидирование «зеленого» тарифа, ставящего его в конкурентные условия относительно тарифов традиционной энергетики, и субсидирование налога на добавленную стоимость, создающее благоприятные условия для инвестирования. На «зеленые» субсидии китайским правительством было направлено только в 2015 г. около 9 мрд. долл.[19]

Китай стал безусловным мировым лидером в области разработки и производства оборудования для новой энергетики. Пять из шести крупнейших компаний мира, производящих солнечные модули, и пять из десяти крупнейших фирм, разрабатывающих и производящих ветровые турбины, – китайские. Компании из КНР контролируют почти 90% мирового рынка литиевых батарей.

Китайским компаниям первым удалось довести себестоимость генерируемой из возобновляемых источников энергии до конкурентоспособного уровня. Это позволило им быстро занять нишу мирового рынка. К 2016 г. более трети мировых зарубежных инвестиций в «новую» энергетику осуществлялись китайскими фирмами (с выраженной тенденцией к увеличению этой доли). Инвестиции направляются во все регионы мира, однако большая их часть инкорпорирована в паназиатский проект «Один пояс, один путь». Крупный потенциал ВИЭ стран-соседей подключается, в том числе, к китайской энергетике. В первую очередь, это относится к гигантским проектам гидроэлектроэнергетики, реализуемым китайскими фирмами в Лаосе и Мьянме, с перспективой поставок «чистой» энергии в Китай.

В быстро индустриализующейся и энергодефицитной **Индии**, как и в Китае, растущий дефицит энергоресурсов, покрываемый импортом, может стать серьезным препятствием дальнейшему экономическому росту. Поэтому и здесь власти стремятся к извлечению энергии из всех возможных источников, отдавая предпочтение возобновляемым, на освоение которых приходится более 60% инвестиций в энергетику. На долю Индии приходится 8% глобальных инвестиций в ВИЭ. По установленной мощности объектов альтернативной энергетики Индия находится на третьем месте в мире (после КНР и США)[20]. Как и в Китае, ускоренное развитие ВИЭ является важнейшей частью государственных планов и программных документов, и компаниям, оперирующим в этой сфере, созданы оптимальные условия функционирования и инвестирования. В 2015 г. ВИЭ обеспечивали в Индии 13% электрогенерации, а к концу 12-го Пятилетнего плана этот показатель должен возрасти до 18%. К 2040 г. эта доля увеличится, согласно прогнозу МЭА, до 40%[21].

---

[19] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017.

[20] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 416.

[21] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 465.

К 2015 г. в структуре генерации из возобновляемых источников в Индии образовался перекос в пользу ветровых станций (около 80% суммарной выработки). Причина состояла в отсутствии в стране площадей для крупных солнечных «ферм» (сельскохозяйственная освоенность индийской территории составляет более 80%), в низкой производительности солнечных станций в период летних муссонных дождей и высокой облачности, локализация ветровых станций вне сельскохозяйственных угодий (на побережье или в море). Однако в связи с прогрессом последних лет в гелиоэнергетике развитие сектора пойдет по пути преимущественного развития солнечной энергетики (территория Индии концентрирует 19% глобального потенциала солнечной энергии). Это развитие будет идти за счет широкого внедрения автономных солнечных панелей, устанавливаемых на крышах зданий. Их стоимость существенно упала и бедное индийское село стало предъявлять платежеспособный спрос на них. Это чрезвычайно актуально для глубинных районов, где сотни миллионов людей пока что живут без электричества и готовят пищу традиционным способом, нарушая ландшафты и выбрасывая в атмосферу большое количество диоксида углерода. Той же цели служит форсированное возведение децентрализованных малых ГЭС. В силу этого, к 2040 г. структура выработки электроэнергии из ВИЭ в Индии, по оценкам МЭА, изменится в пользу этих двух источников генерации: 53% будет приходиться на гелиостанции, 37% – на ветровые, 8% – на малые ГЭС, 2% – на прочие[22].

Япония, обеспеченная собственными источниками энергии лишь на 6%, до недавнего времени не относилась к числу мировых лидеров возобновляемой энергетики. Перелом наступил после аварии на АЭС «Фукусима» в 2011 г. Тогда было принято скоропалительное решение о закрытии всех АЭС и страна почти полностью перешла на углеродную энергетику, что резко увеличило импорт энергоносителей. Япония впервые в своей истории столкнулась с дефицитом торгового баланса. Это также привело к тому, что электроэнергия в Японии стала самой дорогой в мире, что негативно сказалось на конкурентоспособности японских товаров. Наконец, выбросы диоксида углерода превысили установленные для Японии квоты.

В сложившихся условиях японские власти кардинально пересмотрели энергетическую политику. Согласно новым планам, степень самообеспеченности энергоресурсами должна увеличиться к 2030 г. до 25%[23]. Это увеличение будет происходить исключительно за счет возобновляемых источников (за неимением других). На долю ВИЭ в 2015–2030 гг. придется 70% всех инвестиций в энергетику[24]. Возвращенные в эксплуатацию атомные станции

---

[22] Renewable Energy in India: Growth and Targets. Ministry of New and Renewable Energy. 13 May 2015. cseindia.org/.../Renewable%20Energy%20in%20India%20G...(дата обращения 03.012018)

[23] Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/.../energy_plan_2015.p... (дата обращения 03.01.2018).

[24] Ibid.

будут выбывать по мере амортизации и новые строиться не будут. В результате доля атомной энергии в энергетическом балансе упадет с 30% до 20%[25].

В структуре сектора ВИЭ будут преобладать гидро- и гелиостанции (соответственно 9% и 8% всей выработки электроэнергии страны к 2030 г., рост составит соответственно 1,5 и 7 раз по сравнению с 2013 г.). На долю ветровой и геотермальной генерации придется соответственно 2% и 1% (рост по сравнению с 2013 г. в 4 раза). За счет сжигания возобновляемой биомассы в 2030 г. будет вырабатываться 5% электроэнергии (рост в 3 раза по сравнению с 2013 г.)[26].

При медленно уменьшающемся населении и при быстро растущей энергоэффективности в Японии почти не будет расти суммарное энергопотребление, а будет лишь меняться его структура в пользу ВИЭ. Сектор тепловой энергетики будет претерпевать только технологические усовершенствования (сжигание в закритическом режиме, улавливание и хранение углерода и проч.). Это позволит уменьшить выбросы диоксида углерода к 2030 г. на 22% по сравнению с 2013 г.[27]

Республика Корея отстала от остальных развитых стран в развитии возобновляемой энергетики. Этот сектор обеспечивал в 2015 г. лишь 1% суммарного энергопотребления и 2% выработки электрической энергии в стране. Развитие энергетики Южной Кореи долгое время шло по пути максимальной отдачи от капитальных и эксплуатационных затрат, которую могли обеспечить только тепловые и атомные станции. Почти лишённая собственных энергоресурсов, страна вышла в результате на первое место в мире по импорту первичных энергоносителей на душу населения, вошла в первую мировую пятерку импортеров нефти, сжиженного газа и угля и прочно заняла второе место в мире (после Австралии) по выбросам диоксида углерода на душу населения (при его немалой численности)[28].

Растущие финансовые и экологические издержки побудили власти к пересмотру в 2014 г. Национального энергетического плана (National Energy Master Plan). В соответствии с ним, к 2035 г. намечается поднять долю ВИЭ в энергетическом балансе до 11%[29]. Это увеличение произойдет за счет снижения доли тепловой энергетики. Однако основным направлением прогресса в энергохозяйстве страны станет развитие атомной энергетики. Её доля в выработке электроэнергии возрастет с 30% в 2015 г. до 54% в 2025 г.[30] Южная Корея – единственная в мире страна, где атом-

---

[25] Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/…/energy_plan_2015.p… (дата обращения 03.01.2018).

[26] Ibid.

[27] Ibid.

[28] Phillip Riley. The Future is Renewable. South Korea. May 2017. phillipriley.com.au/wp…/2017/…/IDR- Report-South-Korea.pd… (дата обращения 11.01.2018).

[29] Ibid.

[30] Ibid.

ная энергетика не только доминирует, до и играет возрастающую роль в топливно- энергетическом балансе. Авария на АЭС «Фукусима», в отличие от остальных развитых стран, не повлияла на правительственные планы в этой области.

В рамках упомянутого плана в стране созданы стимулирующие условия для развития ВИЭ. Помимо «зеленого» тарифа, это – «Renewable energy portfolio" – программа, обязывающая электросбытовые компании к 2024 г. не менее 10% электроэнергии поставлять потребителю из ВИЭ, впервые введенная в Азии схема торговли объёмами выбросов диоксида углерода, программа государственных выплат компаниям, добившимся сокращения его выбросов[31].

В **Юго-Восточной Азии** продолжающийся энергоёмкий промышленный рост требует ускоренного (в два раза превышающего среднемировые показатели) развития энергетики. Обеспечить возрастающие потребности промышленности способна лишь крупные централизованные мощности традиционной энергетики. Они и продолжат своё развитие на основе относительно дешёвых региональных углей и газа. Вместе с этим, в регионе существует большой массив удаленных, труднодоступных островных и горных территорий, интеграция которых в энергосистемы сложна технически и затратна. Это – широчайшее поле для развития альтернативной энергетики.

В регионе широко представлены все виды ВИЭ. На Индонезию и Филиппины приходится соответственно 40% и 20% мирового геотермального потенциала. Индонезия и Малайзия, являясь крупнейшими производителями пальмового масла, дают огромное количество сопутствующей биомассы (15% территории Малайзии покрыто плантациями масличной пальмы)[32]. Остальные страны региона также занимают ведущие позиции по «выходу» возобновляемой биомассы с единицы площади. Все страны (кроме Сингапура) обладают крупнейшим и ещё малоосвоенным гидропотенциалом. Потенциал солнечной и ветровой энергетики также весьма велик.

Как и в других быстро развивающихся регионах Азии, энергетика ЮВА будет расти, используя все возможные варианты с акцентом на возобновляемые источники. По прогнозу МЭА, инвестиции в энергетику составят в регионе в период 2016–2040 гг. 360 млрд долл., из которых около 70% придется на возобновляемые источники[33]. Агентство прогнозирует рост доли ВИЭ в энергобалансе ЮВА в период с 2016–2040 гг. с 6% (без традиционной биомассы) до 23%[34].

---

[31] Phillip Riley. The Future is Renewable. South Korea. May 2017. philliipriley.com.au/wp.../2017/.../IDR- Report-South-Korea.pd... (дата обращения 11.01.2018).

[32] Renewable Energy Rises Across Asia. IRENA. Quarterly, 2017. sun-connect-news.org/.../IRENA_Quarterly_2017_Q4.pdf (дата обращения 11.01.2018).

[33] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 415.

[34] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 432.

Во всех странах региона созданы необходимые условия для развития возобновляемой энергетики: введён «зеленый» тариф, создана правовая база, обеспечен доступ к финансированию. Регион вызывает большой интерес у инвесторов: общая стоимость реализуемых в ЮВА проектов возобновляемой энергетики составила в 2015 г. 23 млрд долл.[35]

Развитие альтернативной энергетики стимулируется в ЮВА также экологическим фактором. Природа региона крайне чувствительна к меняющемуся климату. Дальнейшее его изменение сулит многим территориям катастрофические последствия. Поэтому все государства добровольно взяли на себя обязательство на четверть сократить эмиссию диоксида углерода в регионе к 2030 г. Достичь этого можно лишь ограничением и техническим совершенствованием углеродной энергетики, заменой традиционной биомассы электроэнергией и максимально возможным использованием «чистых» источников энергии.

Страны ЮВА развивают «зеленую» энергетику, исходя из местных «сравнительных преимуществ». Общими чертами являются пониженное значение ветровой энергетики, падение доли традиционной биомассы (с 24% в 2015 г. до 7% к 2035 г.) и её замена современными ВИЭ[36]. Страны ставят перед собой разные по масштабам и структуре задачи. Энергодефицитные Филиппины и Таиланд разработали масштабные планы довести доли ВИЭ в электрогенерации соответственно до 50% к 2040 г. и до 40% к 2036 г.[37] Сингапур и Бруней в обозримом будущем останутся почти полностью «углеродными» (однако плотно застроенный и густозаселенный Сингапур не отстает от общего тренда: здесь завершается возведение уникальной вертикальной солнечной электроцентрали стоимостью в 3,45 млрд долл., ветровой станции с объёмом инвестиций в 0,5 млрд долл. и даже нескольких небольших мощностей на местной биомассе[38]).Индонезия планирует развивать все виды возобновляемой энергетики. На эту страну придется 40% инвестиций в ВИЭ в регионе в 2015–2040 гг.[39] Богатые гидроресурсами Мьянма, Камбоджа, Лаос будут развивать преимущественно малую и большую гидравлическую энергетику на основе иностранных инвестиций с перспективными поставками электроэнергии на экспорт. Имеются планы превращения Лаоса в «батарею» Юго-Восточной Азии в рамках создаваемой единой энергосистемы АСЕАН.

Анализ перспективных планов развития стран Востока показывает, что использование ВИЭ превращается не только в основное направление

---

[35] Outlook for Renewable Energy from an Asian Perspective. Asia Clean Energy Forum 2016. ADB, Manila, 9 June 2016. https://d2ocOihd6a5bt.cloudfront.net/.../1-Jason-Waldie-Ouot...

[36] Renewable Energy Sector in Emerging Asia: Development and Policies. ESCAP, UN Working Paper Series, #1, Jan. 2017. www.unescap.org/.../TIDWP-Renewable-Energ-Sector.pdf (дата обращения

[37] Outlook for Renewable Energy in ASEAN countries. ABD, Manila, 2017, p.48.

[38] Renewable Energy Sector in Emerging Asia: Development and Policies. ESCAP, UN Working Paper Series, #1, Jan. 2017. www.unescap.org/.../TIDWP-Renewable-Energ-Sector.pdf (дата обращения 10.01.2018).

[39] Ibid.

развития энергетики, но и в важнейший фактор экономического роста. Этому способствуют растущая конкурентоспособность технологий альтернативной энергетики, необходимость решения проблемы экологической безопасности, многочисленные политические инициативы, стимулирующие развитие «зеленой» энергетики, беспрепятственный доступ к финансированию проектов. Как следствие, возникают все новые рынки централизованной и распределенной электрической генерации на основе ВИЭ во все регионах Востока, создаются рабочие места и новые формы экономической активности.

Литература

1. Bloomberg New Energy Outlook 2017 https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook (дата обращения: 18.12.2017)
2. Global Trends in Renewable Energy. KPMG. https://home.kpmg.com/… /Global -..(дата обращения: 04.01.2018)
3. Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/…/energy_plan_2015.p… (дата обращения 03.01.2018).
4. International Energy outlook http://www.eia.gov/ieo (дата обращения 11.12.2017)
5. Outlook for Renewable Energy from an Asian Perspective. Asia Clean Energy Forum 2016. ADB, Manila, 9 June 2016. https://d2ocOihd6a5bt.cloudfront.net/… /1-Jason-Waldie-Outl… (дата обращения: 03.01.2018)
6. Renewable Energy in India: Growth and Targets. Ministry of New and Renewable Energy. 13 May 2015. cseindia.org/…/Renewable%20Energy%20in%20 India%20G…(дата обращения 03.012018)
7. Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016. https://www.dbs.com/…/pdfController.page?pdfpath=/…/pdf/… (дата обращения 03. 01.2018).
8. Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., (2017.(дата обращения 27.12.2017)
9. Renewable Energy Rises Across Asia. IRENA. Quarterly, 2017. sun-connect-news.org/…/IRENA_Quarterly_2017_Q4.pdf (дата обращения 11.01.2018).
10. Renewable Energy Sector in Emerging Asia: Development and Policies. ESCAP, UN Working Paper Series, #1, Jan. 2017. www.unescap.org/…/TIDWP-Renewable-Energ-Sector.pdf (дата обращения 29.11.2017)
11. Phillip Riley. The Future is Renewable. South Korea. May 2017. phillipriley.com.au/wp…/2017/…/IDR- Report-South-Korea.pdf… (дата обращения 11.01.2018)
12. World Energy Outlook 2016. IEA, P., 2017.

Борисов М.Г.

Альтернативная энергетика – новый фактор экономического роста на Ближнем Востоке и в Северной Африке

Аннотация. Регион Ближнего Востока и Северной Африки является не только главным «хранителем» и «добытчиком» первичной энергии, но и её крупнейшим «расточителем». Причина сверхвысокой энергоемкости регионального ВВП кроется в государственном субсидировании энергопотребления, являющимся важной частью «социального контракта». Чрезмерное потребление энергии уменьшает экспортный потенциал многих стран и снижает темпы роста их ВВП. Выходом из сложившейся ситуации может стать ускоренное развитие альтернативной энергетики.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика, энергетические субсидии, солнечная энергетика, ветровая энергетика, Ближний Восток, Северная Африка, энергетический экспорт.

В регионе Ближнего Востока и Северной Африки существующая многие годы модель энергопотребления может стать непреодолимой преградой экономическому росту как в странах-нетто-экспортерах энергоресурсов, так и в государствах-импортерах. Этот регион – не только основной поставщик первичных энергоносителей и главный «хранитель» мировых запасов ископаемого топлива, но и главный «энергорасточитель» поскольку региональные правительства, во-первых, субсидируют цену на энергию вопреки законам рынка, поощряя неумеренное потребление, во-вторых, реализуют чрезвычайно энергоёмкие проекты индустриализации и диверсификации, опираясь на низкую себестоимость местных энергоресурсов.

Субсидии в регионе – важнейшая часть «социального договора» и рассматриваются как неотъемлемое право членов уммы. Они достигли гигантских размеров: их ежегодный объём в регионе приблизился к 250 млрд долл. – половина энергетических субсидий всех стран мира, 8,5% регионального ВВП и 22% всех государственных расходов[1]. Первая мировая «пятёрка» лидеров энергетического субсидирования – Кувейт, Иран, Саудовская Аравия, Катар, Египет[2]. Искажая ценовые пропорции, субсидии не только ведут к энергетическому расточительству (в Катаре, например, электроэнергия отпускается коренному населению бесплатно), но и полностью ликвидируют возможность инвестирования не только в ВИЭ, но и в традиционную энергетику, способствуют контрабанде и даже дефициту субсидируемых источников энергии, негативно отражаются

[1] Subsidies Reform in MENA., p.5/https://www.imf.org/external/ns/es.aspx?id=276

[2] Ibid.

на экономическом росте. Если не принять соответствующие меры, то Кувейт, например, скоро может, по некоторым оценкам, перестать быть нефтеэкспортером.

Осознание властями негативного воздействия субсидий на основные макроэкономические показатели породило волну медленного и «дозированного» реформирования в странах региона.

Таблица 1

Реформы энергетических субсидий в странах ближнего Востока и Северной Африки

Страна	Последние меры	Основные меры смягчения	Последующие этапы
Египет	2012–2013 гг.: цены на бензин с октановым числом 95 для дорогих автомобилей повысились на 112 процентов; на мазут для неэнергоемких отраслей – на 33 процента и для энергоемких отраслей – на 50 процентов. Январь 2013 г.: цены на электроэнергию для домашних хозяйств повысились в среднем на 16 процентов, цены на природный газ и мазут для выработки электроэнергии выросли на треть. Июль 2014 г.: цены на топливо и природный газ увеличились на 40–78 процентов; тарифы на электроэнергию увеличились на 20–50 процентов.	Отказ от изменения тарифов на электроэнергию для категории с наименьшим потреблением. Расширение охвата социального обеспечения для большего числа домашних хозяйств.	Завершение распространения смарт-карт. Расширение приоритетных социальных программ и целевых денежных трансфертов.
Иордания	Июнь 2012 г.: повышение тарифов на электроэнергию в отдельных секторах (банки, телекоммуникации, гостиницы, добывающая промышленность) и для крупных национальных корпораций и домашних хозяйств. Ноябрь 2012 г.: отказ от субсидий на топливо. Январь 2013 г.: восстановлен механизм ежемесячной корректировки цен на топливо. Август 2013 г. и январь 2014 г.: для определенных групп потребителей тарифы на электроэнергию увеличились на 7,5–15 процентов.	Денежные трансферты семьям с доходами ниже определенного уровня (70 процентов населения), если цены на нефть возрастают выше 100 долларов.	Постепенное увеличение тарифов на электроэнергию и развитие новых источников энергии с более низкими затратами на генерацию.

Страна	Последние меры	Основные меры смягчения	Последующие этапы
Йемен	2011–2012 гг.: цены на бензин возросли на 66 процентов, а цены на дизельное топливо и керосин удвоились. 2013 г.: введены единые цены на дизельное топливо для всех потребителей, в том числе в электрогенерирующем секторе. Июнь 2014 г.: компаниям частного сектора разрешено напрямую импортировать дизельное топливо для собственных нужд по мировым ценам.	Охват фонда социального благосостояния (ФСБ) увеличился еще на 500 000 семей.	Дальнейшее снижение энергетических субсидий за счет постепенного увеличения цен на топливо. Усиление поддержки посредство расширения ФСБ.
Мавритания	Май 2012 г.: введена новая формула автоматического установления цен на дизельное топливо, что обеспечило приведение внутренних цен на топливо к международным уровням. Январь 2012 г.: увеличены тарифы на электроэнергию для сектора обслуживания.	Постепенная переориентация систем социальной защиты на адресные программы денежных переводов.	Обеспечить автоматическое применение формулы ценообразования для дизельного топлива. Устранение субсидий на электроэнергию и газ. Формирование общенациональной программы денежных переводов.
Марокко	Июнь 2012 г.: цены на дизельное топливо возросли на 14 процентов, на бензин – на 20 процентов, а на промышленное топливо – на 27 процентов. Сентябрь 2013 г.: начало внедрения механизма частичной индексации некоторых нефтепродуктов. В результате цены на дизельное топливо возросли на 8,5 процента, на бензин – на 4,8 процента, а на промышленное топливо – на 14,2 процента. Январь 2014 г.: отмена субсидий на бензин и промышленное топливо, их цены пересматриваются дважды в месяц. Февраль 2014 г.: уменьшены субсидии на дизельное топливо на единицу продукции при дополнительном ежеквартальном снижении, объявленном до конца 2014 года.	Постепенное усиление существующих систем социальной защиты и их адресная направленность на уязвимые группы за счет совершенствования образования, здравоохранения и помощи малоимущим вдовам и нетрудоспособным. Поддержка общественного транспорта.	Продолжать проведение комплексной реформы субсидий в сочетании с денежными трансфертами и другими программами социальной помощи.

Страна	Последние меры	Основные меры смягчения	Последующие этапы
Судан	Июнь 2012 г.: цены на бензин, дизельное топливо и сжиженный нефтяной газ увеличились на 47 процентов, 23 процента и 15 процентов, соответственно; либерализация цен на авиатопливо. Сентябрь 2013 г.: цены на дизельное топливо возросли на 74,7 процента, на бензин – на 68,0 процента, а на сжиженный нефтяной газ – на 66,7 процента.	Заработная плата в государственном секторе увеличилась примерно на 100 суданских фунтов; ежемесячное распределение грантов в размере 150 суданских фунтов среди примерно 500 000 бедных городских семей; снижение взносов медицинского страхования для примерно 500 000 бедных семей; а также отмена оплаты школьного обучения и пользования транспортом для нетрудоспособного населения.	Постепенная отмена остальных субсидий на нефтепродукты и другие основные продукты при одновременном укреплении систем социальной защиты за счет более высоких социальных расходов и более согласованной и более адресной социальной сети.
Тунис	Сентябрь 2012 г.: цены на бензин и дизельное топливо и тарифы на электроэнергию в среднем увеличились на 7 процентов. Март 2013 г.: дальнейшее увеличение цен на 7–8 процентов в среднем на те же продукты.	Введение дополнительного тарифа на электроэнергию для жизненно важных нужд для домашних хозяйств, потребляющих менее 100 кВт-ч в месяц. Формирование новой программы социального жилья для нуждающихся.	Постепенная отмена энергетических субсидий за счет увеличения тарифов на электроэнергию и цен на топливо. Введение новой стратегии адресной поддержки домашних хозяйств.

Источник: Subsidies Reform in MENA., p.5/http://www.imf.org/external/ns/es.aspx?id=276

Между тем, в русле продолжающегося тренда энергоёмкого экономического роста ежегодный прирост энергопотребления в регионе составит 7% в 2015–2040 гг.[3] Его обеспечение потребует ежегодных инвестиций в 30 млрд долл., а их доля в ВВП будет постоянно расти так как за счет стагнации или даже уменьшения экспорта первичных энергоносителей будет сокращаться основной источник формирования регионального ВВП – энергосырьевой экспорт.

Развитие альтернативной энергетики (ВИЭ и АЭС) – единственный способ избежать «энергетического проклятия» этого изобилующего самыми дешевыми энергоресурсами региона. Условия для этого исключительно благоприятны: на регион приходится 26% солнечной энергии, достигающей поверхности Земли[4]. На один квадратный километр территории здесь в течение года поступает лучистая энергия, эквивалентная 2 млн баррелей нефти. Суммарный ветровой потенциал региона также крупнейший в мире. Марокко, Египет и Тунис лидируют в мире по потенциалу ветровой энергетики[5].

Меняющиеся экономические и политические условия в регионе приоткрыли дверь для инвестиций в ВИЭ (в том числе иностранным). По оценкам ExxonMobil, за период 2015–2025 гг. они составят 16 млрд долл. (64% всех инвестиций в региональную энергетику)[6]. Выработка электроэнергии из ВИЭ за этот период должна возрасти на 127%, в то время как из нефти – на 14%, из газа – на 26%, суммарная же электрогенерация увеличится на 21%[7].

В **Саудовской Аравии** ускоренное развитие ВИЭ в первую очередь является средством избежать катастрофических последствий для торгового баланса в ближайшем будущем. В настоящее время из добываемых ежедневно 12 млн баррелей нефти 3 млн баррелей тратится на генерацию электроэнергии, а 9 млн баррелей экспортируется[8]. К 2030 г. стране потребуется на электрогенерацию уже 7 млн баррелей вследствие демографического и экономического роста при том, что уровень добычи будет составлять 14 млн баррелей, а увеличение добычи на 2 млн баррелей потребует дополнительных инвестиций в 6 млрд долл.[9] Экспорт нефти, таким образом, сократится на 22%, а доходная часть государственного бюджета – на 19%[10]. Чтобы

---

[3] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 415.

[4] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

[5] Ibid.

[6] Outlook for Energy ExxonMobil corporate.exxonmobil.com/en/energy/energy-outlook

[7] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

[8] Ibid.

[9] A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf.

[10] Ibid.

избежать подобного сценария правительство начало принимать энергичные меры под эгидой специально созданного государственного агентства (K.A. CARE) с большими полномочиями. Агентством были поставлены поистине революционные задачи: уже к 2036 г. довести долю электрогенерации из неуглеродных источников до 50% (35% – гелио-, 5% – ветроэнергетика, 8% – атомная, 2% – прочая)[11]. Этот план обрёл реальную экономическую основу после трехкратного падения цены на нефть в 2014 г., двукратного сокращения капитальных затрат в альтернативной энергетике в 2010–2015 гг. и решительных мер по либерализации внутреннего рынка энергии.

Энергетическая ситуация в **Иордании** прямо противоположна положению в Саудовской Аравии однако её позитивное развитие также требует ускоренного внедрения ВИЭ. Иордания импортирует 96% потребляемой энергии, причем 80% этого количества поступает из Египта по трансарабскому газопроводу. В условиях последних политических событий в регионе поставки были крайне нестабильны, что приводило к частым «блэкаутам» с необходимостью альтернативных закупок дорогого дизельного топлива для электростанций.

В отличие от других стран региона, в Иордании нет проблемы с внутренним ценообразованием, поэтому страна первой на Ближнем Востоке ввела «зеленый» тариф. Данное обстоятельство вкупе с дороговизной ископаемого топлива делает страну привлекательной для инвесторов. Иордания приступила к освоению пятимиллиардного гранта (от Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара Кувейта и Мирового банка) на крупномасштабное строительство объектов возобновляемой энергетики. Согласно правительственным планам, уже к 2020 г. 10% электроэнергии в стране будет производиться из возобновляемых источников, а в более далекой перспективе – 100%. Все новые мощности будут функционировать исключительно на основе ВИЭ[12].

Ситуация в **Марокко** схожа с положением в Иордании. Страна импортирует 95% потребляемой энергии. На импорт энергоносителей приходится половина все расходов на импорт, а торговый дефицит превысил треть ВВП.

Марокко занимает первое место в мире по темпам прироста в возобновляемой энергетике и по инвестициям в ВИЭ из расчета на душу населения. Доля ВИЭ в энергопотреблении должна составить 40% к 2032 г.[13] В стране завершается строительство крупнейшей в мире солнечной электростанции стоимостью 9 млрд долл.[14] Инвестиции исключительно иностранные поскольку Марокко – активный участник интернационального проекта «Desertec», включающего возрастающий экспорт в Европу электроэнергии,

---

[11] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

[12] A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf.

[13] Ibid.

[14] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

вырабатываемой на многочисленных солнечных станциях в Сахаре. Помимо возрастающего удовлетворения собственных потребностей в электроэнергии, почти полностью лишённая иных энергоносителей Марокко намеревается стать её экспортером. Кроме гелиоэнергетики Марокко наращивает (также наивысшими в мире темпами) мощности ветровой энергетики. По объёмам ветровой генерации эта небольшая страна находится на 11 месте в мире.

В **ОАЭ** 80% электроэнергии генерируется из импортного катарского природного газа, поступающего по газопроводу «Дельфин», что высвобождает дополнительные объёмы нефти для экспорта по мировым ценам (которые в 6 раз превышают внутренние). Поэтому ВИЭ здесь испытывают серьёзную конкуренцию со стороны дешёвого газа из близлежащего государства. Тем не менее, все эмираты закладывают в перспективные планы опережающие темпы развития электрогенерации на основе ВИЭ. В Абу-Даби, где сконцентрировано 90% нефтяных запасов Федерации, запланировано довести долю ВИЭ в энергобалансе до 7% к 2020 г., а в Дубае, где нефть закончилась в 2015 г., до 5% к 2030 г.[15] Акцент здесь делается на широкое внедрение автономных солнечных панелей в частных домовладениях, что даст возможность не повышать субсидированные тарифы и не нивелировать сравнительные преимущества здешних энергоёмких производств (выплавка алюминия, производство цемента, электрохимия).

Кувейт, как и Саудовская Аравия, стремится высвободить максимум нефти для экспорта. На электрогенерацию страна расходует 350 тыс. баррелей из 3 млн баррелей добываемой нефти[16]. Эмир Кувейта поставил задачу довести долю ВИЭ в электрогенерации до 15% к 2030 г., что даст дополнительно 12,5 млн баррелей нефти на экспорт ежегодно (примерно 0,8 млрд долл. при цене 60 долл. за баррель)[17]. Почти вся «чистая» электроэнергия будет производиться, начиная с 2020 г., в первом в мире энергетическом эко-парке «Шагайа» суммарной установленной мощностью 2 Гвт. (примерно – Братская ГЭС).

Катар, обладающий 15% мировых запасов природного газа (самого дешевого в мире) и крупнейший в мире производитель и экспортер СПГ, находит экономически выгодным развитие ВИЭ. В 2018 г. завершается сооружение крупнейшей в мире гелиостанции (в два раза мощнее нынешней крупнейшей солнечной станции в Марокко), в строительство которой было вложено 20 млрд долл., что увеличит долю ВИЭ в электрогенерации сразу до 16% с перспективой повышения до 20% к 2024 г.[18]

---

[15] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

[16] A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf.

[17] Ibid.

[18] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

Для **Туниса** близость к Европе, ассоциация с ЕС и прозападная политика является решающим стимулом европейских инвестиций в ВИЭ с перспективой экспортных поставок электроэнергии в рамках упомянутой программы «Desertec». К 2030 г. планируется увеличить долю ВИЭ в выработке электрической энергии до 40%[19].

Израиль по размерам инвестиций в ВИЭ уступает в регионе лишь Марокко. Импорт энергоносителей в эту страну, почти полностью их лишённую и находящуюся в недружественном окружении, возможен лишь по Средиземному морю и из крайне удаленных (не мусульманских) стран. Израиль уже занимает ведущие позиции по автономному электроснабжению частных домовладений из ВИЭ, по техническим инновациям в гелиоэнергетике, однако на фоне больших суммарных объёмов производства электроэнергии доля ВИЭ в её генерации пока относительно невелика – ожидается лишь 10% к 2020 г.[20]

Иран, вырабатывающий 40% электроэнергии региона Персидского залива, обеспечивает свои потребности в ней собственным производством лишь на 90%[21]. Перед страной стоит задача ускоренного роста электроэнергетики. Обладая гигантскими запасами всех топливных ресурсов, Иран в своих перспективных планах отдаёт предпочтение ВИЭ. Природные предпосылки для их развития исключительно благоприятны: по суммарной круглогодичной солнечной радиации и наличию дешевых неосвоенных пустынных площадей, необходимых для строительства крупных «ферм», Иран не уступает аравийским странам.

Ирану удалось привлечь многомиллиардные иностранные инвестиции для реализации крупных проектов солнечной энергетики. Вводимые мощности будут включены в формирующуюся единую энергосистему Ирана, Армении, Грузии, Азербайджана и России для покрытия пиковых нагрузок. Доля гелиостанций в суммарной выработке электроэнергии вырастет с нуля в 2014 г. до 7% к 2024 г.[22]

В **Турции** топливно-энергетический баланс на 90% углеродный и при этом на 82% формируется на основе импортного топлива[23]. Электрогенерация в 2013 г. на 73% была углеродной, 25% её обеспечивали ГЭС и только 2% – новые ВИЭ[24]. Подобная структура энергетического баланса и высокая степень зависимости от импорта энергоносителей опасна для устойчивого экономического развития, что диктует необходимость опережающего

---

[19] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

[20] Ibid.

[21] Renewable Energy in Iran www.satba.gov.ir/suna_content/media/.../5196_orig.pdf?t... (дата обращения 12.01.2018).

[22] Ibid.

[23] National Renewable Energy Action Plan for Turkey www.ebrd.com/.../turkey-national-renewable-energy-action-... (дата обращения 11.01.2018).

[24] Ibid.

развития альтернативных источников энергии. В этом же направлении страну подталкивают требования ЕС, кандидатом на вступление в который она является, о приведение в соответствие с нормами этой организации объёмов выбросов диоксида углерода, уровня энергоэффективности, перевода транспорта на электроэнергию, энергетического законодательства и тарифной политики. Поэтому в национальных энергетически программах развитию ВИЭ отдан приоритет. Уже к 2023 г. Турция намеревается сократить до 50% долю ТЭС в структуре выработки электроэнергии, увеличить до 27% долю ГЭС и до 23% – долю ВИЭ[25]. Мощности ГЭС за 2013–2023 гг. увеличатся на 53%, ветровой энергетики – на 625%. геотермальной – на 223%, энергетики на основе биомассы – на 346%[26]. Солнечная энергетика будет развиваться с нуля и к 2023 г. её мощности составят четверть мощностей ветровой энергетики[27].

Анализ нынешнего состояния альтернативной энергетики а также перспективных планов её развития в странах Ближнего Востока и Северной Африки приводит к выводу о том, что ВИЭ становятся не только решающим направлением достижения энергетической и экологической безопасности региона, но и существенным фактором будущего экономического роста. Развитие возобновляемой энергетики способствует оптимальному использованию специфических местных природных условий и «сравнительных преимуществ», вовлекает в хозяйственный оборот не использовавшиеся ранее территории, обеспечивая их заселение, создаёт новые рабочие места и рынки, расширяет экспортный потенциал региона.

---

[25] National Renewable Energy Action Plan for Turkey www.ebrd.com/.../turkey-national-renewable-energy-action-... (дата обращения 11.01.2018).

[26] Ibid.

[27] Ibid.

Литература

1. A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp…/01/MEP-6.pdf.
2. National Renewable Energy Action Plan for Turkey www.ebrd.com/…/turkey-national-renewable-energy-action-
3. Global Trends in Renewable Energy. KPMG. https://home.kpmg.com/…/Global -..(дата обращения: 04.01.2018)
4. International Energy outlook http://www.eia.gov/ieo (дата обращения 11.12.2017)
5. National Renewable Energy Action Plan for Turkey www.ebrd.com/…/turkey-national-renewable-energy-action-… (дата обращения 11.01.2018)
6. Outlook for Energy. ExxonMobil corporate.exxonmobil.com/en/energy/energy-outlook (дата обращения 19.12.2017)
7. Renewable Energy in Iran www.satba.gov.ir/suna_content/media/…/5196_orig.pdf?t… (дата обращения 12.01.2018)
8. Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/…/the%20future%20for%20r… (дата обращения 15.01.2018).
9. Subsidies Reform in MENA., p.5/https://www.imf.org/external/ns/es.aspx?id=276 Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017.
10. World Energy Outlook 2016. IEA, P., 2017.

*Алексеева Е.А.**

Изменение потребительского поведения населения Китайской Народной Республики в отношении продуктов питания

Аннотация: Вызванный повышением уровня жизни населения КНР и уровнем осведомленности о современных аспектах здорового образа жизни рост рынка продуктов здорового питания в КНР демонстрирует самые высокие показатели в мире. Статья призвана помочь предпринимателям при выходе с продуктами для здорового питания на китайский рынок. В статье проводится анализ рынка, рассмотрены основные группы товаров, потребителей, представлено сравнение цена на традиционные продукты питания и продукты для здорового питания, выявлены факторы, влияющие на формирование спроса на продукты для здорового образа жизни.

***Ключевые слова*:** КНР, рынок продуктов здорового питания, продвижение продуктов питание, потребительские цены, формирование конкурентного преимущества, основные группы потребителей.

Рынок продуктов здорового питания в Китайской Народной Республике начал формироваться в конце 80-х годов прошлого века. С одной стороны это было продиктовано обостряющейся экологической проблемой, с другой стороны, появилась необходимость в продукции, способной обеспечить потребность организма в макро- и микронутриентах, а также способную влиять на системы организма и способствовать профилактике заболеваний[1], что привело к появлению на рынке продуктов для здорового питания и функциональных продуктов.

Наиболее серьезные изменения произошли после череды скандалов, связанных с безопасностью продуктов питания, которая заставила китайских потребителей перевести свои взгляды на полки с продуктами импортного происхождения, находя их более безопасными для употребления в пищу. Около 86% потребителей стали уделять повышенное внимание к качеству пищевой продукции, что в первую очередь стало относиться к искусственным добавкам, 25% потребителей оказалось готовы платить бо́льшие деньги за продукты не содержащие таковых вовсе, более того, практически 30% потребителей стали предпочитать покупать органическую продукцию[2].

---

* *Алексеева Елизавета Алексеевна*, высшее образование: Московский Государственный Университет Пищевых Производств, Институт стран Востока, специализация: изучение рынков продуктов питания

[1] China's Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017).

[2] Focus on New Food Habits and Consumption in China. [Электронный ресурс] // Gentlemen Marketing Agency. URL: http://marketingtochina.com/new-food-trends-chinese-consumers/ (Дата обращения 20 апреля 2017).

В настоящий момент жители КНР тратят около 40%-45% бюджета питания на экологически чистые продукты, для сравнения в Европе этот показатель достигает 90%[3]. Сегодня одним из перспективных направлений торговли с Китаем считается поставка продуктов для здорового питания в премиум сегменте. Доказательством этому может служить тот факт, что за последние пять лет импорт продовольствия в Китай вырос в среднем более чем на 20%, и прогноз что в ближайшие годы рынок импортного продовольствия в Китае будет продолжать расширяться, а к 2018 году Китай станет самым крупным потребителем импортных продуктов питания[4]. Внутренний рынок продуктов здорового питания, включающий экологически чистые продукты, продукты здорового питания и функциональные продукты, растет достаточно быстро, так в 2009 году он составлял порядка 200 млн долларов США[5], к 2012 объем продаж продуктов здорового питания достиг 280 млрд юаней, увеличившись на 86,67%, в 2013 г. годовой объем продаж составил 500 млрд юаней, темпы роста достигли 78,57%[6], по данным за 2016 года размер рынка уже составил 1 трлн долларов США[7]. Рост рынка в первую очередь спровоцирован повышением заинтересованностью людей в вопросах здоровья и сохраняет тенденцию к дальнейшему росту[8].

Огромный потенциал китайского рынка здоровых продуктов, приведет не только к появлению новых зарубежных игроков на китайской земле, но и к возможности развития китайского экологически чистого сельского хозяйства, китайской пищевой промышленности, активизации научно-исследовательской деятельности в области диетологии и так же дальнейшему проникновению фармацевтической промышленности в пищевую, в области создания функциональных продуктов питания[9].

---

[3] Бизнес с Китаем: Продукты питания для Китая: [Электронный ресурс.] // Экспертный блог. URL: http://www.savkinks.ru/biznes-s-kitaem-food.htm (Дата обращения 24 апреля 2017).

[4] Бизнес с Китаем: [Электронный ресурс.] // VectorExpo. URL: http://vectorexpo.ru/files/kp_2017_bez_cen.pdf (Дата обращения: 05 мая 2017).

[5] Organic Food Products in China: Market Overview. (Technical paper). // International Trade Centre (ITC).: – 2011.

[6] Фу Ж. Исследование рынка продуктов здорового питания Китая [Текст] / Ж. Фу, А.А. Напалкова // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2015 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 4 (4). – С. 449–455. – ISSN2413–3981.

[7] China's Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017).

[8] Marianna Cerini. How China Is Becoming The World's Largest Market For Healthy Eating. [Электронный ресурс] // Forbes. URL: https://www.forbes.com/sites/mariannacerini/2016/03/31/how-china-is-becoming-the-worlds-largest-market-for-healthy-eating/#4e5c42985439 (Дата обращения 11 апреля 2017).

[9] China's Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017).

Потребительского поведения населения КНР в отношении продуктов питания

Согласно прогнозам Департамента Австралии по сельскому, рыбному и лесному хозяйству[10], структура потребления продуктов питания жителями КНР будет меняться в сторону приближения к традиционной западной диете. Полагается, что повысится потребление говядины, молочных продуктов, овощей и фруктов, а потребление корнеплодов и клубнеплодов наоборот, снизится.

Распространившиеся западные принципы здорового питания, включающие, например[11], контроль потребления соли и жира, точный расчет поступающих в организм макро и микро нутриентов, обильное употребление молочных и свежих (не подвергшихся термической обработки) продуктов питания прочно вошли в представление китайцев о здоровом образе жизни.

Продукты здорового питания в Китае преимущественно нацелены на решение таких проблем как усиление иммунной системы, борьба с усталостью, регулирование уровня сахара в крови, улучшение состояния кожи, волос, ногтей. Так как китайское общество начинает стареть, пищевые добавки и продукты здорового питания для пожилых людей так же становится одной из ключевых тенденций рынка. Согласно статистическому отчету по развитию социальных услуг в 2015 году, выданного Министерством по гражданским делам, по состоянию на конец 2015 года, население старших в возрасте 60 лет и выше было 222 млн что составляет 16,1% от общей численности населения. Это прогнозируется, что старшее население материка достигнет своего пика в более чем 400 миллионов человек в 2050 году[12].

Ключевыми при выборе продуктов питания для жителей КНР становятся следующие факторы:

1. Безопасность пищевых продуктов. По мере увеличения доходов среднего класса и повышения его уровня жизни всё больше людей стараются обеспечить себя в первую очередь безопасными продуктами питания. В самом деле, в Китае было многие пищевых скандалов связанных с разнообразными продуктами питания ежедневного спроса в результате 86%[13]: китайских потребителей обращают внимание на продовольственную безопасность, когда они делают покупки.

---

[10] Patrick Hamshere, Yu Sheng, Brian Moir, Faraz Syed and Caroline Gunning-Trant. What China wants Analysis of China's food demand to 2050. // Research by the Australian Bureau of Agricultural and Resource Economics and Sciences.

[11] Рациональное питание: [Электронный ресурс.] // ГАУЗ СО «Свердловский областной центр медицинской профилактики». URL: http://www.medprofural.ru/Racionalnoe-pitanie (Дата обращения 11 мая 2017).

[12] China’s Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017).

[13] Focus on New Food Habits and Consumption in China. [Электронный ресурс] // Gentlemen Marketing Agency. URL: http://marketingtochina.com/new-food-trends-chinese-consumers/ (Дата обращения 20 апреля 2017).

2. Продукты здорового питания. Китайские потребители проявляют всё больший интерес к здоровому образу жизни в том числе в его западном понимании. Существует огромный нереализованный потенциал в нескольких сегментах здорового питания:
    - Продукция здорового питания без пищевых добавок
    - Продукция из органических ингредиентов
    - Продукция с низким содержанием калорий
    - Продукция, стимулирующая потерю веса
3. Органические продукты. Более 30% потребителей в городах 1-го и 2-го порядка часто покупают органические продукты питания.
4. Информативность упаковки. Значительное количество людей обращают внимание на упаковку продукта. 88% потребителей будут обращать внимание на дату производства и срок годности. 67% потребителей смотрят на ингредиенты и информацию о питательной ценности продукта питания. Конечно, так же учитывается привлекательность и удобство самой упаковки.
5. Импортная продукция. В Китае, более 80% потребителей регулярно покупают импортную продукцию: в первую очередь это касается продукции для детского питания.
6. Традиционные продукты питания из других стран. Китайцы любопытны до 53% потребителей готовы попробовать традиционные продукты питания из зарубежных стран.
7. Спортивное питание. В последнее время в Китае становится популярным бег, и занятия спортом с целью улучшить внешний вид и силовые показатели. Спортивные напитки становятся популярными в Китае и 51% потребителей употребляют спортивные напитки чтобы быстро восстановить силы и энергию после занятий спортом.

Основные группы продуктов рынка здорового питания КНР

Органические продукты

Среди потребителей КНР растет спрос на органические продукты питания. Экологически чистая и органическая продукция становятся все более популярны в Китае за счет гарантий, которые они дают в вопросе безопасности продуктов питания Органическим считается продукт, произведенный с использованием таких технологий, которые обеспечивают его создание из сырья, полученного без применения синтетических удобрений и пестицидов (химических средств защиты растений), ГМО, не подвергнутого обработке с использованием ионизирующего излучения. Иными словами, технологии производства органических пищевых продуктов не должны

приносить вреда окружающей среде, здоровью и самочувствию людей, растений и животных. Таким образом, органические продукты – не просто натуральные продукты, в ходе производства которых не использовались никакие искусственные заменители, но и такие, которые способствуют благоприятному состоянию окружающей среды.

Стоимость органических продуктов питания намного превосходят среднюю стоимость обычных продуктов питания. Сравнение средних потребительских цен[14] на продукты питания и средних потребительских цен на органические продукты питания представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнение средних потребительских цен на обычные и органические продукты

Продукты	Ед. измер.	Обычные продукты	Органические продукты	Отклонение
Фрукты				331,8
Яблоки	кг	12	55	458,3
Бананы	кг	11,2	23	205,4
Зерновые продукты				407,1
Рис	кг	6,3	25	396,8
Мука (с высоким содержанием клейковины)	кг	6,3	28	444,4
Мука пшеничная	кг	5	19	380,0
Соевые продукты				781,3
Соевый творог	кг	4,8	37,5	781,3
Пищевые масла				440,2
Арахисовое масло	л	27	192	711,1
Соевое масло	л	10	32,8	328,0
Рапсовое масло	л	14	39,4	281,4
Мясо и мясные продукты				299,9
свинина огузок	кг	28	92	328,6
свинина бекон	кг	29,5	90	305,1
говядина нога	кг	66,9	178	266,1

[14] Национальное бюро статистики КНР. [Электронный ресурс] // Национальное бюро статистики КНР. URL: http://data.stats.gov.cn/english/swf.htm?m=turnto&id=139 (Дата обращения 7 мая 2017).

Продукты	Ед. измер.	Обычные продукты	Органические продукты	Отклонение
Птица				620,8
курица целая	кг	21,5	131,1	609,8
курица грудки	кг	19,5	86,7	444,6
утка целая	кг	17,7	143	807,9
Яйца				400,0
яйца свежие	кг	7,6	30,4	400,0
Свежие овощи				736,9
китайская капуста	кг	2,6	28,7	1103,8
сельдерей	кг	4,9	28,5	581,6
огурцы	кг	5,5	55	1000,0
помидоры	кг	7,1	60	845,1
фасоль	кг	10,9	28	256,9
картофель	кг	8,2	52	634,1

Источники: Национальное бюро статистики КНР, Epermarket, City Shop, Lee's Mum.

Как видно из таблицы, стоимость на органические продукты может превышать аналогичную продукцию не получившую соответствующего сертификата в 3–7 раз, наибольшее отклонение видно у продуктов из зернобобовых и продукции их переработки, которые являются основными продуктами в рационе жителей КНР.

К экологически чистой продукции (органической продукции), производимой как в Китае, так и закупаемой Китаем у своих основных поставщиков относится:

- Зерновые – рис, бобовые, пшеница, гречка, кукуруза и т. д.
- Растительные масле – соевое, рапсовое, льняное, тыквенное и т. д.
- Овощи – все виды листовых овощей, корнеплоды и клубнеплоды, чеснок, имбирь, ростки бамбука, грибы и т. д.
- Фрукты – яблоки, груши, клубника, черника, персики, виноград и т. д.
- Чай – зеленый чай, черный, травяной, пуэр, улун и т. д.
- Продукция животного происхождения – мясо, яйца, молочные продукты и т. д.
- Продукция рыбного промысла – рыба, креветки, крабы и т. д.
- Продукция пищевой промышленности – замороженные и сушёные продукты, консервированные продукты и т. д.

Важно отметить тот факт, что для китайского потребителя меньшее значение имеет происхождение органической продукции, по сравнению с гарантией её безопасности.

Продукты здорового питания и функциональные продукты

По одной из классификаций продукты для здорового питания подразделяются на три категории[15]:

1. Традиционные продукты здорового питания. К этой группе относятся продукты, производящиеся на основе принципов и методов традиционный китайской медицины (ТКМ), призванных обеспечить баланс и гармонию человеческого организма.
2. Современные продукты здорового питания. В эту группу входят продукты здорового питания, обеспечивающие организм необходимыми макро- и микронутриентами. (Используются принципы современной западной науки в области диетологии)
3. Функциональные продукты. Продукты этой группы предназначены для употребления людьми, страдающими различными заболеваниями, такими как заболевания сердечно-сосудистой системы или желудочно-кишечной, расстройством сна и прочее.

Согласно результатом исследования Nielsen's Global Health & Wellness Survey, наиболее предпочтительными факторам при выборе продуктов здорового питания в Китае являются[16]:

1. отсутствие искусственных красителей – 49% респондентов;
2. отсутствие ГМО – 49%;
3. отсутствие искусственных ароматизаторов – 48%;
4. содержание только натуральных ингредиентов – 45%;
5. продукция с высоким содержанием овощей и фруктов – 36%;
6. органическая продукция – 39%.

Что касается состава продукции для здорового питания, то согласно того же исследования, к наиболее привлекательными относятся следующие продукты[17]:

1. Продукты с низким содержанием соли – 36%
2. Продукты с низким содержанием холестерина – 35%
3. продукты с высоким содержанием клетчатки – 32% респондентов;
4. продукты с высоким содержанием белка – 31%;
5. продукты с низким содержанием сахара – 29%

---

[15] China's Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017).

[16] Sue Feng. Growing Chinese Health Awareness Could Mean Big Business for Manufacturers. [Электронный ресурс] // Nielsen. URL: http://www.nielsen.com/cn/en/press-room/2015/GROWING-CHINESE-HEALTH-AWARENESS-COULD-MEAN-BIG-BUSINESS-FOR-MANUFACTURERS-en.html (Дата обращения 2 мая 2017).

[17] Sue Feng. Growing Chinese Health Awareness Could Mean Big Business for Manufacturers. [Электронный ресурс] // Nielsen. URL: http://www.nielsen.com/cn/en/press-room/2015/GROWING-CHINESE-HEALTH-AWARENESS-COULD-MEAN-BIG-BUSINESS-FOR-MANUFACTURERS-en.html (Дата обращения 2 мая 2017).

6. цельнозерновые продукты – 28%;
7. продукты, произведенные из местного сырья – 28%.

Так же популярностью пользуются продукты с содержанием пробиотиков. В последние годы, продукты, содержащие пробиотики, буквально заполонили магазины. Поскольку все больше потребители Китая ищут естественные и немедикаментозные способы поддержания своего здоровья, наблюдается предложение пробиотиков во всем, в чем только можно и нельзя: от йогурта и шоколадных батончиков до порошков и таблеток[18].

Исходя из результатов, можно предположить, что влияние западное диетологии на китайских потребителей превосходить традиционную китайскую диетологию, но это оказывается верным для потребителей, только вступивших на путь серьезного отношения к качеству пищевых продуктов. Традиционная китайская медицина (ТКМ) сохраняет сильное влияние на китайского потребителя, она популярной среди потребителей всех возрастных групп, и особой популярностью пользуется среди образованного населения с опытом лечения западными методами и опытом следования западной диетологии. Эта группа осознает угрозу побочных эффектов, связанных как с западными медикаментами, так и с современным западным типом питания и поэтому часто предпочитает продукты, соответствующие основам китайской диетологии, так 55% потребителей из крупных городов и 35% потребителей из малых городов учитывают рекомендации ТКМ при выборе продуктов питания. Остальные же потребители чаще руководствуются принципами современной западной диетологии и рассматривают их более выгодным сложением денег[19].

Основные группы потребителей продукции здорового питания

Основные потребители продукции для здорового питания преимущественно сосредоточены в Пекине, Шанхае, провинции Гуандун и других экономически развитых провинциях. В прибрежных городах Китая в провинции Гуандун, и в других экономически развитых районах отмечен более высокий уровень потребления и осведомленности о продуктах и товарах для здоровья, а также осведомленность потребителей о их важности, чем на материковом Китае[20].

---

[18] Фу Ж. Исследование рынка продуктов здорового питания Китая [Текст] / Ж. Фу, А.А. Напалкова // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2015 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 4 (4). – С. 449–455. – ISSN2413–3981.

[19] Capturing a Share of China's Consumer Health Market. [Электронный ресурс] // BCG Perspectives. URL: https://www.bcgperspectives.com/content/articles/center_consumer_customer_insight_globalization_insight_action_capturing_share_chinas_consumer_health_market/?chapter=2#chapter2 (Дата обращения 02 мая 2017).

[20] Фу Ж. Исследование рынка продуктов здорового питания Китая [Текст] / Ж. Фу, А.А. Напалкова // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2015 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс»,

Шаньдун и Шанхай являются важными местами производства диетических продуктов в Китае, так как считаются одними из основных районов потребления здоровой пищи[21]. В других городах Китая заинтересованность в продуктах для здоровья остаются очень низкими.

Традиционно, основной группой потребителей экологически чистой продукции и продуктов здорового питания были экспаты и проживающие в Китае граждане развитых стран, а также вернувшиеся в Китай потомки эмигрантов. Позже, прошедшая в период с 2003 по 2014 гг.[22] череда скандалов, связанных с безопасностью пищевых продуктов, заставила жителей КНР пересмотреть свои приоритеты в сфере приобретения продуктов питания.

Сегодня, основные потребители продуктов здорового питания сосредоточены в городах, как экономически более развитых зонах, располагают высокими и средними доходами. Основными покупателями являются женщины в возрасте 22–50 лет, на них приходится до 60% потребления продукции для здорового питания и функционального питания (улучшение состояния волос, кожи, ногтей, улучшение работы ЖКТ, снижение веса), так же постоянно растет доля потребления женщина в возрасте 18–28 лет.[23]. Эту так же соседствует тенденция по которой около 50% потребителей являются людьми среднего и пожилого возраста, учитывая факт старения населения Китае есть прогнозы роста рынка за счет пожилых потребителей за период с 2014 по 2050 гг., с 4 млрд юаней до 106 млрд юаней, при этом доля функциональных продуктов питания для пожилых потребителей будет расти[24].

При делении потребителей на группы исходя из мотивации, можно выделить 8 основных групп китайских потребителей продукции здорового питания[25]:

- Потребители с высоким доходом (преимущественно офисные сотрудники корпораций) (до 40% всего потребления)
- Потребители с маленькими детьми
- Потребители с проблемами со здоровьем
- Китайские потребители с опытом проживания заграницей
- Жители Тайбэя и Гонконга с высокими доходами

2015. – № 4 (4). – С. 449–455. – ISSN2413–3981.

[21] Экологически чистые продукты питания Китая. [Электронный ресурс]. URL: http://bbs.pinggu.org/thread-2645227–1–1.html (Дата обращения 11 ноября 2016).

[22] Food safety incidents in China. [Электронный ресурс] // Wikipedia The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Food_safety_incidents_in_China (Дата обращения 10 ноября 2016).

[23] China's Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017).

[24] China's Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017).

[25] Organic Food Products in China: Market Overview. (Technical paper). // International Trade Centre (ITC).: – 2011.

- Государственные служащие на высоких постах
- Молодые люди
- Иностранцы

Как и во многих других странах, продукция для здорового питания остается достаточно дорогой, по сравнению с традиционной продукцией, и большая часть населения остается чувствительной к цене на продукты питания, по этой причине и группы потребителей преимущественно включают часть населения с высокими доходами. Так же на потребление продуктов здорового питания влияет желание придерживаться западного образа жизни, что преимущественно касается молодого поколения, получавшего образование за границей либо часто выезжающих за границу по рабочим вопросам. Потребители продуктов здорового питания в Китае в первую очередь заинтересованы в пищевых качествах продукта, тогда как происхождение продукции отходит на второй план.

Каждая из групп потребителей обладает своими особенностями, которые имеет смысл рассмотреть отдельно.

Семьи с высоким доходом (преимущественно офисные сотрудники корпораций)

Основная группа потребителей продуктов здорового питания в Китае (около 40%). Представители – люди с высшим образованием и высокими доходами. Основные мотивационные факторы: собственное здоровье и влияние на окружающую среду.

Семьи с маленькими детьми

Группа обеспечивает до 10% потребления здоровых продуктов питания. Приобретают данную продукцию преимущественно для ребенка, в меньшей степени для себя. Доходы от средних до высоких. Эта группа потребителей чаще всего сокращает потребление продуктов для здорового питания по мере взросления ребенка.

Потребители с проблемами со здоровьем

Группа так же обеспечивает до 10% от суммарного потребления органических продуктов. К этой группе относятся люди, нуждающиеся в специальной диете, связанной с различными заболеваниями, в основном – высокое давление, высокое содержание холестерина, сахарный диабет, сердечно–сосудистые заболевания. Доходы от средних до высоких. Помимо экологически чистой продукции эта группа потребителей заинтересована в функциональном питании.

Китайские потребители с опытом проживания заграницей

Группа обеспечивает порядка 5% потребления и прогнозы по росту этой группы наиболее оптимистичны. К ней относятся люди, имевшие опыт

проживания за границей, например, во время обучения или работы в зарубежных странах. Стиль жизни данной группы наиболее европеизирован, доходы высокие.

Жители Тайбэя и Гонконга с высокими доходами

Так же обеспечивают порядка 5% потребления продукции для здорового питания. Эта группа потребителей с высоким уровнем образования и высокими доходами никогда не испытывала доверия к производителям продуктов питания на материковом Китае и прошедшие скандалы только обострили подобное отношение. Предпочитают покупать гарантированно безопасные продукты питания за более высокие цены.

Государственные служащие

Обеспечивают порядка 10% потребления, но чаще всего являются потребителями экологически чистой продукции по бонусным государственным программам, обеспечивающим государственных служащих продуктами здорового питания.

Молодые люди

Группа обеспечивается около 3% потребления. Эти потребители характеризуются невысокими доходами, но высоким уровнем европеизации жизни. Мотивация к приобретению продуктов для здорового образа жизни – как забота о здоровье, так и забота об окружающей среде. Часто приобретают продукты на прямую у производителей.

Иностранцы

Обеспечивают около 7% потребления. К этой группе относятся граждане Европы, США, Японии и Южной Кореи, они стараются приобретать преимущественно те продукты, к которым привыкли у себя на родине.

Перечисленные 8 групп потребителя обеспечивают 90% спроса на рынке продуктов здорового питания, остальные 10% обеспечиваются за счет случайных покупок и высококлассными отелями, ресторанами и кафе.

Повышение уровня жизни населения КНР приводит существенным изменениям в структуре потребления, в частности обуславливает рост сегмента премиальных товаров. К ним так же относятся и дорогие продукты питания (как деликатесы из западного мира – икра, трюфели, дорогие сорта сыров, так и деликатесы китайской кухни: ласточкины гнёзда, грибы мацутакэ, ферментированные яйца) и продукты питания для здорового образа жизни, цена на которые может превышать среднюю рыночную стоимость аналогичных товаров от и в три, и в пять и даже в семь раз.

Существует группа продуктов, которые будут пользоваться спросом в Китае, вне зависимости от внутреннего предложения, например, продукты, отличающиеся специфическими условиями выращивания, уникальностью за счет региона производства (национальные деликатесы)

или длительного срок получения урожая (плантации какао бобов). Учитывая изменения потребительского поведения, в Китае такие категории продуктов будут пользоваться со временем всё большей популярностью, а их польза для здоровья или органическое происхождение будет являться существенным плюсом, как для производителей, так и для потребителей. К подобным товарам можно отнести:

- Деликатесы
- Детское питание
- Молочные продукты
- Свежие тропические фрукты
- Сухофрукты
- Орехи
- Специи
- Зерновые
- Мед
- Кофе и пр.

Компаниям, планирующим работать на рынке здоровых продуктов питания в Китае, можно дать следующие рекомендации по развитию сотрудничества:

- Во-первых, стараться ориентироваться на поставки продуктов с добавленной стоимостью, в первую очередь таких продуктов как местные и национальные деликатесы, детское питание, молочные продукты, а не сырья пищевого назначения.
- Во-вторых, определить уникальность данного продукта (уникальное место производства, национальные деликатес, местный деликатес и т. д.), и поддержания созданного имиджа продукта.
- В-третьих, получить сертификаты органической продукции и предоставить научные доказательства полезности продукции для здоровья человека.
- В-четвертых, снабдить продукт всеми атрибутами премиального сегмента (согласно с требованиями местного рынка), например, упаковка, объем, информационная поддержка, цена.
- В-пятых, прямое сотрудничество со специализированными магазинами, специализированными онлайн магазинами и крупными супермаркетами.

*Ледовская О.А., Устинова Т.Н.**

Развитие культурных связей между Японией и Турцией

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы и формы культурного взаимодействия между Японией и Турцией. Дипломатические отношений между ними прошли определенный исторический путь развития и характеризовались периодами активизации, застоя и оживления. Важным инструментом, способствовавшим развитию японо-турецкого сотрудничества, явилась «культурная дипломатия» Японии. Основные направления культурной дипломатии включают в себя распространение информации о Японии, ознакомление с традиционной и современной культурой, меры по популяризации японского языка, организация обменов, а также сотрудничество с международными организациями в области культуры.

Ключевые слова: японо-турецкие отношения, стратегическое партнерство, культурная дипломатия, «мягкая сила».

Развитие дипломатических отношений

Современные дипломатические отношения между Японией и Турцией были установлены в августе 1924 г., когда Япония признала Республику Турция. В течение последующего года сначала Япония, а затем и Турция отрыли Посольства своих стран. Однако спустя 20 лет, в январе 1945 г. Турция прервала свои отношения с Японией, а в феврале этого же года объявила войну Японии и Германии. После окончания второй мировой войны в 1952 г. Турция вновь открыла свое Посольство в Японии, а год спустя открылось и Посольство Японии в Турции. В 1965 г. открылось Консульство Японии в Стамбуле, которое приобрело статус Генерального в 1972 г.

Происходившая и продолжающаяся эволюция японо-турецких отношений была отмечена периодами активизации, застоя и оживления. Для каждого из них были свойственны как свои специфические особенности внутреннего и международного положения, так и факторы, определяющие общую обстановку в мире.

На протяжении всего периода с момента установления дипломатических отношений между Японией и Турцией после подписания двустороннего договора в Лозанне в 1923 г. стороны проявляли стремление к развитию взаимовыгодных связей и контактов, что объективно диктовалось интересами обеих стран.

Несмотря на это процесс налаживания и развития отношений протекал очень медленно и неровно – в результате за истекшие десятилетия

---

* Ледовская Ольга Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследований общих проблем современного Востока ИВ РАН

Устинова Таисия Николаевна, научный сотрудник Центра исследований общих проблем современного Востока ИВ РАН

отношения между двумя странами в экономической, политической и культурной областях не достигли уровня развития, который в полной мере соответствовал бы значимости каждой из этих стран, их потенциальным возможностям и их положению в мире в целом. Политические отношения между двумя странами заметно отставали от экономических, что обе стороны стремились изменить.

В конце XX в. с активизацией японо-турецких отношений начался новый этап сотрудничества между двумя странами. Оба государства с окончанием биполярной конфронтации искали пути усиления своей роли на международной арене. Рост числа визитов на высоком и высшем уровнях между двумя странами свидетельствовал о повышении статуса Турции среди японских внешнеполитических партнеров.

Турция, заинтересованная в расширении сфер своего влияния, стремилась стабилизировать отношения не только со своими соседями, но и с государствами дальнего зарубежья, в том числе с Японией.

Потребность в активизации японо-турецкого сотрудничества формировалась не без влияния США. Японо-американский военно-политический союз оставался краеугольным камнем во внешней политике Японии. Тем не менее очевидно, что, помимо геополитических интересов США, существовала объективная потребность двух стран в развитии отношений. Как отмечает японский исследователь А. Хигасино, « главным неизменным направлением во внешней политике Японии остается японо-американский союз, однако для расширения масштаба и потенциала японской внешней политики большое внимание уделяется развитию сотрудничества с другими странами. В этом отношении Турция представляет собой наиболее перспективного партнера, принимая во внимание ее глубокие связи на Ближнем Востоке и в Центральной Азии»[1].

Следует отметить, что наиболее активно отношения между двумя странами стали развиваться после 1980 года, когда активизировались взаимные визиты официальных и влиятельных лиц двух государств. Стали расширяться и контакты в сфере экономики и культуры. Этому способствовали и визит в Японию премьер-министра Турции Т. Озала в 1985 г. и визит в 1983 г. в Турцию министра иностранных дел Японии С. Абэ.

В этой связи необходимо отметить и визиты в Турцию членов императорской семьи в 1988 г. Особенно активизировались взаимные визиты на уровне министров иностранных дел, представителей деловых кругов в 90-е годы XX столетия.

При этом некоторые специалисты отмечают тот факт, «что количество двусторонних договоров и соглашений между двумя странами невелико, что свидетельствует о том, что тексты официальных соглашений были проработаны и продуманы таким образом, что они максимально эффективно регулировали отношений между двумя странами и дипломатические круги

[1] http://foreignpolicynews.org/2014/11/18/turkey-japan-relations-images-reality/

обеих стран крайне ответственно относятся к документам, регламентирующим и поддерживающим взаимоотношения между странами»[2].

В целях укрепления и развития взаимодействия между двумя странами был разработан план сотрудничества, который определил его стратегическое направление, и был принят в апреле 2000 г. под названием «японо-турецкий план совместных действий». В соответствии с ним в XXI век Япония и Турция намерены развивать и диверсифицировать свою деятельность в политической, экономической и культурной сферах в рамках политических консультаций между министрами иностранных дел двух государств.

За последнее десятилетие произошли позитивные сдвиги в двусторонних отношениях между Японией и Турцией. Происходит активизация дипломатических контактов, а также контактов на высшем уровне. В мае 2013 г. во время визита премьер-министра Японии С. Абэ в Турцию была подписана «Совместная Декларация об установлении стратегического партнерства между Японией и Турецкой Республикой»[3], целью которой было придать новое качество двустороннему сотрудничеству в политической, экономической, научно-технической, культурной, гуманитарной и др. областях.

Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы»

Япония – страна, отказавшаяся из-за конституционных ограничений от применения военной силы в решении международных споров, а также редко прибегавшая к экономическим методам принуждения (санкциям), в большой степени опирается на «мягкую силу», включающую в себя традиционную и современную культуру, модели ведения бизнеса, инновации и некоторые другие аспекты.

Важным инструментом проецирования «мягкой силы» является культурная и публичная дипломатия. В Японии эти два понятия тесно связаны, в материалах МИД они обозначены как публично-культурная дипломатия (*кохо бунка гайко*). По наблюдению профессора С. Кондо, японцы по своему характеру склонны представлять свою систему ценностей, которая является ресурсом «мягкой силы», скорее опосредованно, через артистическое самовыражение или творчество, чем напрямую в форме слов и идей[4]. Поэтому культурная дипломатия имеет особое значение для понимания политики «мягкой силы» Японии.

Основные направления культурной дипломатии включают в себя распространение информации о Японии, ознакомление с традиционной и современной культурой, меры по популяризации японского языка, организация обменов, а также сотрудничество с международными организациями в области культуры.

[2] http://globkazan.narod.ru/2003/a10.htm

[3] www.mofa.go.jp/files/00004160.pdf

[4] S. Kondo. Wielding soft power: the key stages of transmission and reception. //Soft power superpowers. Cultural and national assets of Japan and the United States. New York. 2008. P. 194.

«Век дружбы» между Японией и Турцией

Формы культурного взаимодействия между Японией и Турцией в целом можно подразделить на проекты, осуществляемые на правительственном уровне, и неправительственные проекты, которые реализуются общественными структурами. Обычно крупные культурные события были приурочены к визитам официальных лиц и политических деятелей двух стран. В частности, в 1988 г. во время визита Принца и Принцессы Микаса в Турцию была проведена «неделя японской культуры» в Анкаре, включившая в себя 15 мероприятий. Этот визит послужил началом ежегодных разнообразных культурных программ в Турции с целью ознакомления жителей страны с культурой и традициями Японии. В присутствии президента Турции Демиреля, Принца и Принцессы Томахито Микаса был открыт Культурный Центр турецко-японского фонда в Анкаре, который стал не только базой для культурных обменов, но и способствовал проведению различных программ обмена между двумя странами в других областях сотрудничества. В этой связи следует отметить, что с 1980 г. различные мероприятия, проводимые как в Японии, так и в Турции, положили начало объявленному «веку дружбы» между двумя странами.

В 1985 г. турецкая сторона организовала в г. Цукава Международную выставку, в том же году в Японии была проведена выставка, посвященная развитию цивилизации в Турции. В 1988 г. в различных городах и префектурах Японии демонстрировались сокровища из турецкого дворца Толкапи.

Говоря об экспорте японской культуры, необходимо отметить роль Японского Фонда, отвечающего за развитие международного культурного обмена Японии с 1972 г. В 2003 г. фонд получил статус административной организации, независимой от МИД Японии, при этом 82% бюджета которого приходится на государственные субсидии от министерства иностранных дел Японии[5]. В мае 1998 г. в Анкаре был открыт турецко-японский культурный центр, который возглавил турецкий профессор Т. Садиктар. На церемонии его открытия присутствовали тогдашний президент Турции Т. Демирель и японкий принц Томохито. Под эгидой центра регулярно проводятся различные культурные мероприятия. Одновременно с этим центр функционирует и как площадка для разного рода двустороннего обмена.

В 2003 г. в Японии прошел «год Турции», в ходе которого в различных японских городах было проведено более 100 мероприятий: выставки, концерты, фольклорные выступления. В 2010 г. в Турции прошел «год Японии» под лозунгом «Турция и Япония как никогда близки». Среди основных 189 мероприятий, охвативших города Измир, Мерсин, Анкару, Шафранболу, Каман и др., следует отметить неделю японских фильмов. демонстрации японских кимоно и концерты японских барабанщиков. По мнению обеих сторон, эти мероприятия продемонстрировали необходимость развития

[5] 2013–2014 Preparatory Action 'Culture in the EU's External Relations'. Japan Country Report. http://ec.europa.eu/culture/policy/international-cooperation/documents/country-reports/japan_en.pdf

культурного сотрудничества и обмена делегациями разного уровня в целях укрепления стратегического партнерства[6].

2014 и 2015 годы были ознаменованы двумя памятными датами в турецко-японских отношениях, которые широко отмечались в двух странах.

В 2014 г. исполнилось 90 лет со дня установления дипломатических отношений между Японией и Турцией. В 2015 г. в двух странах отмечали 125-летие трагического события: в 1890 г. фрегат Османской империи «Эртугрул», направленный Султаном Абдульхамитом II, потерпел крушение во время тайфуна и затонул у берегов Японии после почетной миссии вручения турецкой награды императору Японии Микадо. Более 600 моряков погибли, но 69 человек были спасены местным японским населением и были доставлены на родину японскими судами. По заявлению бывшего премьер-министра Турции А. Давутоглу, «этот исторический факт очень дорог для для Турции и отражает искренность отношений между нашими народами»[7]. В связи с этим между двумя странами в 2013 г. была достигнута договоренность о создании совместного фильма, посвященного трагедии и отношениям между ними после этого события. В декабре 2015 г. совместный фильм «Кораблекрушение 1890» («Эртугрул–1890» – в турецком варианте), режиссером которого явился М. Танака, вышел на экраны двух стран и с успехом демонстрировался в 309 кинотеатрах Японии и 300 кинотеатрах Турции. В этой связи также необходимо отметить, что на премьеру фильма в культурном центре «Зорлу» в Стамбуле был приглашен экипаж самолета компании Турецких авиалиний THY, действия которого вызвали чувство благодарности у японского народа: в 1985 г. во время ирано-иракской войны 215 японских граждан долгое время не могли выехать из Тегерана, (тогда при эвакуации из зоны конфликта остальные страны, отказывая в помощи японским гражданам, отдавали предпочтение жителям собственных стран), и именно турецкий экипаж взял их на борт и доставил в Японию, тем самым, по мнению А. Давутоглу, «вернув долг японскому народу»[8]. В 2006 г. экипаж турецкого самолета был награжден по указу премьер-министра Япония Дз. Коидзуми. В этой связи следует упомянуть и публикацию в Японии в 2003 г. детской книги, посвященной вышеназванным событиям, основной акцент в которой был сделан на доброте и верности турецкого народа. Книга была рекомендована для чтения в 5 и 6 классах начальной школы Японии. Вслед за этим в Японии был организован конкурс среди учеников на лучшую рецензию на эту книгу. По мнению японского исследователя А. Хигасино из университета Цукуба «влияние книги все еще очень велико, т. к. история дружественных отношений между Японией и Турцией, хорошо известная взрослому населению страны, будет широко изучаться и молодым поколением»[9].

---

6 Joint Declaration on the Establishment of Strategic Partnership between Japan and the Republic of Turkey

7 Anadolu Post. 25.12.2015.

8 Ibid.

9 http://foreignpolicynews.org/2014/11/18/turkey-japan-relations-images-reality/

Таким образом, можно сделать вывод о том, что культурная дипломатия, безусловно, играет одну из ключевых ролей в сближении Японии и Турции, в улучшении взаимопонимания, поддержании эмоциональной близости, особенно, учитывая чувствительные для обеих стран исторические события.

Речь идет как об огромном пласте традиционной культуры, так и об активном продвижении современной молодежной культуры. По мнению японского исследователя Э. Исикава, «Японская поп-культура, которая в настоящее время завоевывает весь мир, притягательна и для турецкого народа»[10].

По мнению российского исследователя С.В. Чугрова, «Япония успешно эксплуатирует образ «особенной и непревзойденной страны», подернутый флером загадочности и неповторимой привлекательности. Удивительные пейзажи, живописные праздники, интереснейшие традиции – все это стало своего рода визитной карточкой японской «мягкой силы», привлекающей иностранцев к изучению японского языка и культуры»[11]. В Турции регулярно проводятся мероприятия, посвященные Японии, причем не только в столице, но и других городах Турции.

Образовательные программы

Особое внимание японское правительство уделяет образовательным программам, направленным как на молодежь, так и на специалистов. В настоящее время считается, что любая прогрессивная страна, которая хочет идти в ногу со временем, должна обеспокоиться глобализацией своего образования, а также развитием международной мобильности студентов. В мае 2014 г. между Японией и Турцией была достигнута договоренность о создании совместного научно-технологического университета в Стамбуле, где планируется обучение студентов турецкому и японскому языкам, основам культурного наследия обеих стран. Одновременно развиваются межуниверситетские связи. Например, японские университеты Хосэй, Васэда и др. реализуют программы студенческих обменов с ведущими учебными заведениями Турции.

Важным элементом этой работы являются меры по популяризации японского языка. Первые курсы японского языка открылись в Турции в 1976 г. при содействии стамбульского отделения Турецко-Японской Женской Ассоциации. И только через 10 лет на университетском уровне первые программы по изучению японского языка были приняты в 1986 г. на факультете письма Университета Анкары, а затем распространились и на другие университеты страны. Осуществление некоторых языковых программ происходит через посольство Японии в Анкаре, а также через японо-турецкий культурный центр Японского Фонда, учрежденного соглашением между правительством

---

[10] A New Dimension in Japanese Public Diplomacy.www.tokyofoundation.org/en/articles/2008 /a-new-dimension-in-japanese-public-diplomacy

[11] С.В. Чугров. «Мягкая сила» Японии: китайское направление // Япония в поисках новой глобальной роли. М.2014, с. 141.

Турции и Японским агентством международного сотрудничества (ЯАМС). Основные мероприятия центра включают в себя бизнес-курсы, обучение японскому языку, содействие информационному и культурному обмену. Центр играет важную роль в распространении японского языка наряду с факультетами в университетах Анкары, Чанаккале и др., где изучается японский язык и литература. На Турцию приходится самое большое число изучающих японский язык на Ближнем Востоке. Немаловажную роль играет тот факт, что турецкий и японский языки имеют много схожего в грамматическом синтаксисе, что значительно облегчает изучение японского языка турецкими гражданами. Многие японские исследователи отмечают необходимость увеличения инвестирования в образовательные программы в Турции со стороны Японии т. к. «это приведет к эффективному наращиванию «мягкой силы» Японии»[12].

Большой интерес в двух странах вызвал турецко-японский симпозиум по суфизму, проходивший в Турции в университете Ускюдар в октябре 2016 г. Целью симпозиума было не только укрепление дружеских отношений между двумя странами, но и, по мнению его организаторов, «демонстрация позиций обеих стран в отношении терроризма, который не имеет ничего общего с религией, а исламофобия – беспочвенна»[13]. Симпозиум положил начало большому проекту по обмену культурным опытом между Турцией и Японией под названием «Мост между двумя Востоками; образовательная программа по культуре суфизма». Проект направлен на создание рабочих мест для молодых ученых двух стран и предусматривает приезд специалистов из Японии из университета Киото и других японских университетов, которые в течение 6 недель будут находится в Стамбуле с целью обмена исследовательским опытом[14]. Японским ученым и исследователям предоставляется возможность пройти курсы обучения по истории Османской империи, палеографии, а также курсы изучения коллекций манускриптов.

На протяжении более 30 лет в Турции продолжается работа японских археологов в районе Каман-Калехоюк, участвующих в проекте по созданию археологического музея. Предыстория этого проекта такова. В 1979 году японским принцем Микаса в городе Митака, близ Токио, был основан Ближневосточный культурный центр Японии (БКЦЯ). А в 1998 году открылся японский институт археологии Анатолии как филиал БКЦЯ. Расположился институт в небольшом турецком поселке Чегыркан, что в окрестностях Камана. Местоположение его не случайно – неподалеку от этой деревни находиться городище Каман-Калехоюк, исследованием которого в основном и занимается институт. С 1985 году БКЦЯ начал систематическое исследование этого городища. Первый комок земли из городища перевернул сам принц Такахито Микаса, тем самым положив начало раскопкам, которые

[12] A New Dimension in Japanese Public Diplomacy. www.tokyofoundation.org/en/articles/2008/a-new-dimension-in-japanese-public-diplomacy

[13] https://senseisekai.livejournal.com/5306496.html

[14] https://www.dailysabah.com/life/2016/10/25/turkey-japan-to-join-hands-for-sufism-project-1477334042

не прекращаются по сей день. В состав японского института археологии Анатолии кроме парка также входят – городище Каман-Калехоюк и археологическим музей, строительство которого было завершено в 2008-м году при помощи министерства иностранных дел Японии.

* * *

За последнее десятилетие Япония наработала значительный потенциал культурной дипломатии в Турции. Популярность японской культуры и спорта, успешная деятельность культурного центра, активные гуманитарные обмены свидетельствуют об интересе турецкого населения к Японии как технологически развитой страны, лидера в решении некоторых глобальных проблем, модели экономического развития. Если рассматривать японскую культурную дипломатию в долгосрочной перспективе, и, имея в виду, что она подкрепляется факторами взаимной заинтересованности, то можно сделать вывод о ее эффективности. По заявлению бывшего премьер-министра Турции А. Давутоглу, «между двумя странами нет конфликтных интересов, и отношения между ними носят взаимодополняющий характер. Все, что имеет Япония, представляет интерес для Турции, и что бы не имела Турция, является ценным для Японии»[15]. Согласно опросу общественного мнения, проведенному в Турции МИД Японии в 2012 г., 83,2% жителей страны ответили, что отношения между Японией и Турцией носят дружественный характер или почти дружественный»[16]. Этому способствует развитие взаимного туризма, обмен телевизионными программами между различными телеканалами через Японский фонд и Турецкую радиотелевизионную корпорацию. Увеличивается доля частных инициатив в таких мероприятиях как проведение выставок, семинаров, взаимных контактов. В 2006 г. было образовано общество японо-турецкого диалога, которое способствует культурному и другим видам обмена между странами. Обе страны поддерживают сотрудничество в сфере сохранения культурного наследия в рамках программ ЮНЕСКО. Развиваются частные контакты отдельных граждан обеих стран. По мнению д. Э. Ариоглу, председателя компании *Yapi Merkezi*, «все это способствует новому, прочному долговременному двустороннему сотрудничеству между Японией и Турцией. Подобное сотрудничество вносит позитивный вклад в мировую цивилизацию, мир и безопасность в Азии, Евразии. Обе страны должны двигаться в достижении этих целей, что включает в себя основные составные части отношений между людьми, между нациями. Это также объясняет отсутствие спорных вопросов в японо-турецких отношениях»[17].

Таким образом, можно сделать вывод, что в реализации внешнеполитической стратегии Японии в отношении Турции придается особая роль развитию культурных связей между двумя странами как постоянному и самым результативному компоненту общения между народами.

---

15 Japan' First Priority' on New government 's Agenda// Interview with Turkish PM. Nikkei Asian Review 13.11.2015

16 Japan-Turkey Relations (Basic Data)// www.mofa.go.jp/middle_e/turkey/2016

17 http://www.arioglu.net/bildiriler/brief%20thoughtsonamovingjapanturkeyrelations

*Хутуашвили Х.О.**

Цивилизационный выбор Грузии

Аннотация: Историческое влияние разных цивилизаций оставило на Грузии свой отпечаток, который не может не влиять на современное состояние общества и на его эволюцию в наши дни. С момента обретения Грузией независимости, страна находится в состоянии поиска нового пути развития. В статье анализируются новые явления в современном грузинском обществе и его цивилизационные стремления.

Ключевые слова: современная Грузия, цивилизации, развитие общества по европейскому типу, европейский выбор Грузии

Термин «цивилизация» в наше время приобрел не одно значение. Для корректного обозначения цели статьи, в первую очередь, необходимо определить, что же понимается под термином «цивилизация». Если из всех многочисленных определений этого понятия выбрать самое короткое, но ясное, предлагаем остановиться на следующем: цивилизация – это наивысший уровень идентичности, наивысший уровень культурной целостности[1]. Цивилизационный подход предполагает деление мира на цивилизации по критериям, которые являются определяющими для конкретного исследователя. Таким образом, количество цивилизаций может варьироваться от двух до двадцати трех[2]. Самюэль Хантингтон, написавший выдающуюся работу «Столкновение цивилизаций», выделяет 8 основных цивилизаций: китайскую, японскую, индуистскую, исламскую и западную, к которым впоследствии добавились православная, латиноамериканская и африканская[3].

Если говорить в целом, то определяющим критерием цивилизации является культура, в частности же, это религия, язык, общее прошлое, ценности и мировосприятие[4].

Переходя к теме цивилизационного выбора Грузии, стоит обратиться к вопросу, почему эта тема актуальна именно сегодня. С момента выхода из СССР в 1991 году, Грузия находится на распутье. Менталитет, тяготеющий к восточному, географическое положение, соседство в мусульманскими странами, с одной стороны, а религия и стремления соответствовать Европе, с другой, ставят Грузию перед выбором. Эта страна исторически находится на условном перекрестке Востока и Запада.

---

* *Хутуашвили Хатия Отаровна* – студентка 2 курса магистратуры Института стран Востока.

[1] С. Хантингтон “Столкновение цивилизаций” М.: АСТ: Астрель, 2011, стр. 44-48.

[2] Там же, стр. 52.

[3] Там же.

[4] А.В. Акимов, А.И. Яковлев «Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития» - М.: Издательство Московского университета, 2012, стр. 18.

И восточное влияние, и западное внесли свой вклад в формировании традиций, уклада, мировоззрения и менталитета современных грузин. Сложности, через которые сейчас проходит грузинское общество, восходят именно к проблеме восприятия цивилизационной принадлежности своей страны. Религия играет огромную роль в жизни грузинского общества. Желание сохранить свою веру, православие и идентичность стали определяющим фактором в решении об объединении с Российской империей в 1783 году. Так, авторитет Патриарха выше любого из политиков в правительстве. Такое положение вещей, по Хантингтону, относит Грузию к православной цивилизации, в то время как само общество, особенно, если верить словам политиков, стремится к Европе.

Однако, не смотря на то, что авторитет Церкви остается высоким, в обществе наблюдается некое отторжение от традиционности. Те устои, на которых основывалась грузинская семья, как единица общества, в последнее десятилетие претерпели изменения. Среди молодых людей все более популярным становится пренебрежительное отношение к традиционным ценностям, их воспринимают как пережиток времени и отсталость, одновременно с этим ассоциируя современность и свободу с европейскими ценностями. Таким образом, целью статьи является обозначение выбора Грузии в контексте цивилизационной принадлежности на основе анализа современного грузинского общества. Вышедший в 2016 году фильм «Али и Нино», снятый по одноименному роману, вновь привлек внимание общественности к теме «Восток или Запад».

Роман, написанный автором под псевдонимом Курбан Саид, был впервые издан в 1937 году в Вене и был переведен на 33 языка мира. Эта, на первый взгляд, история любви описывает события Первой Мировой войны и затрагивает такие даже ныне актуальные глобальные проблемы, как отношение разных цивилизаций к религии, войне, семье, Родине[5]. В рамках темы важна позиция одного из ведущих персонажей романа- грузинки Нино. По сюжету семья девушки живет в Баку, где, как и в Тбилиси, бок о бок жили разные представители Кавказа, Ислам и Христианство, Восток и Запад. Грузинка относила свою Родину к Европе, зачастую противопоставляя свою семью и традиции местному азербайджанскому укладу. На единичном примере, казалось бы, показан выбор всего народа. Так ли это?

Актуальной темой новостных заголовков в Грузии с самого начала 2017 года является отмена визового режима со странами Евросоюза[6].

Закон вступил в силу только в марте, хотя проект либерализации визового режима обсуждался с 2012 года. Однако стремление Грузии быть ближе к Западному миру началось многим ранее. В 1999 году, когда Грузия стала членом Совета Европы, премьер-министр Зураб Жвания на конференции

[5] Darrel Delamaide «A timeless classic with lessons for today" http://www.washingtonindependentreviewofbooks.com/features/ali-and-nino (дата обращения: 1.05.2017).

[6] http://data.consilium.europa.eu/doc/document/PE-64-2016-INIT/en/pdf (дата обращения: 1.05.2017) "I am Georgian, and therefore I am European" – Zurab Zhvania's historic speech at the European Council.

в Страсбурге произнес свою знаменитую фразу: «Я грузин, а значит – европеец» (I am Georgian, and therefore I am European)[7].

С тех пор сменяющие друг друга правительства Грузии не сходили с этого курса. После принятия Европарламентом решения о либерализации, СМИ других стран задались вопросом – почему Европа приняла это решение именно в это время и почему именно относительно Грузии.

Но так же важно понимать – почему Грузия стремится на Запад? Является ли это выбором народа или политическим решением правительств? К чему больше тяготеет грузинский менталитет сегодня?

Сразу стоит отметить, что однозначных ответов на эти вопросы нет. Во время анализа цивилизационного выбора Грузии стоит учитывать множество факторов. Самый очевидный из них – это географическое положение Грузии. Столь удачное геополитическое положение не могло остаться без внимания завоевателей.

На протяжении многих веков Грузия находилась то в активных, то в монотонных войнах с арабами, персами, турками. Исторически сложилось так, что эта сравнительно небольшая территория все время являлась местом столкновения интересов многих стран, и является таковым по сей день.

Однако контакты с соседями не сводились только лишь к военным столкновениям, переселениям и пленопродавству[8]. Имели место быть и культурные контакты и взаимодействие, которые влияли на развитие и становление нынешней Грузии со всем ее укладом, языком и менталитетом.

Таким образом, территориальное расположение, мирные и военные контакты имели значительное влияние на то, каким становился цивилизационный выбор Грузии.

Одним из вариантов развития истории Грузии могло бы стать поглощение ее Турцией или Ираном, что в корне бы изменило ее выбор пути развития в сторону «восточного».

Как известно, наследием отношений с Ираном и Турцией являются примерно 20% мусульманского населения Грузии, (хотя точную цифру назвать сложно, так как ныне многие грузины-мусульмане переходят в христианство[9]. Политику исламизации проводила Турция, в том числе и путем переселения целых грузинских поселений в Турцию для ассимиляции, а турецкого населения в Грузию. Такую же политику проводил Иран в Восточной Грузии, но это не имело такого эффекта, как в Аджарии, граничащей с Турцией. И в этом аспекте мы наблюдаем неоднозначные показатели:

---

7 http://www.georgianjournal.ge/politics/25618-i-am-georgian-and-therefore-i-am-european-zurab-zhvanias-historic-speech-at-the-european-council.html (дата обращения: 1.05.2017)

8 Д. Т. Таварткиладзе «Борьба государства и церкви против торговли людьми в Грузии XVI-XVII вв.» Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение, 2011, №4, стр. 66-86.

9 G. Sanikidze, E. W. Walker «Islam and Islamic practices in Georgia» Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies (University of California, Berkeley), 2004. http://escholarship.org/uc/item/7149d486#page-7 (дата обращения: 1.05.2017).

казалось бы, за столько лет насильно насажденный ислам должен был «выветриться» из Грузии, но часть населения продолжает исповедовать его.

С другой стороны, стоит упомянуть потомков переселенных в Турцию грузин, которые уже полностью ассимилировались в турецкую среду, говорят на турецком, называют детей турецкими именами, но помнят свое происхождение, стараются сохранить грузинский язык и говорят на нем с характерным акцентом. Такая же ситуация наблюдается и в Иране вФерейдане (в Западной части Ирана).

Можно сделать вывод, что «восточный мусульманский» выбор Грузии является самым маловероятным, раз этого не произошло на протяжении стольких веков. Грузия, окруженная мусульманскими соседями, сохранила свою религию и свою идентичность. А грузины, много лет назад переселенные на территории других стран, не утратили связь с исторической Родиной.

На сегодняшний день правительство и население не притесняют мусульманское население Грузии. Однако бывали случаи конфликтов по причине строительства мечетей на территории Грузии при поддержке Турции и Азербайджана. По понятным причинам ислам воспринимается христианским населением несколько враждебно, а строительство мечетей означает для них поддержку исламизации. В ответ на строительство мечетей в Грузии, грузинское население требует разрешения от правительств Турции и Азербайджана на восстановление церквей и монастырей, которые остались на территории этих стран, а также проведения в них церковных служб.

Напряжение среди населения вызывают также и обилие арабских и иранских мигрантов и туристов. 14 июля 2017 года в Тбилиси прошел «Грузинский марш» – акция против эмигрантов из Ирана и арабских стран. Марш вызвал некоторый раскол внутри самого грузинского общества[10]: часть населения посчитало, что это естественная реакция на засилье арабской и иранской культуры последних лет, другая часть же с разочарованием отмечала, что нетерпимость – это проявление дикости и отсталости, далекое от европейским ценностям.

Что касается «западного выбора» Грузии, то его условно можно разделить на русское направление и европейское. Говоря о русском выборе, нельзя не упомянуть общее Советское прошлое и историческую память.

Так, в контексте одного из частных критериев оценки цивилизационного выбора – языка общения, можно прийти с нижеследующим выводам. Старшее поколение Грузии, старше 40 лет, свободно говорит на русском языке, который изучался в школах практически наравне с грузинским. Возвращаясь к роману «Али и Нино», легко сделать вывод, отражающий действительность того времени: элита предпочитала разговаривать и обучаться на русском языке. Эта тенденция прослеживается и сейчас, но она постепенно изживает себя. Молодые люди активнее изучают европейские языки, в частности, английский.

---

[10] Новостное агентство Sputnik https://sputnik-georgia.ru/world_politics/20170714/236637884/Marsh-gruzin-proshel-v-centre-Tbilisi.html (дата обращения: 25.07.2017).

Проанализировав расписание трех категорий школ с 7 по 10 классы: 1 – государственные школы, 2 – престижные государственные школы, 3 – частные школы[11], очевидно следующее:

Категория школы	Уроки грузинского языка в неделю	Уроки русского языка в неделю	Уроки английского языка в неделю
Государственные школы	5-7 уроков	2 урока	5-6 уроков
Престижные государственные школы	6 уроков	3 урока	3 урока
Частные школы	7 уроков	2 урока	4 урока

Языковой спрос также можно проследить, взяв 20 случайных вакансий[12]. Результаты таковы – из 20 вакансий – в 16 из них потребовался английский, в 13 – русский, с учетом того, что в некоторых требовалось знание обоих языков. Исходя из вышеуказанного, нельзя сделать очевидный вывод, так как перевес в сторону западных языков не является значительным. Однако, тут же следует заметить, в современной Грузии молодые люди охотнее изучают западные языки.

Так, при поступлении в высшие учебные заведения, абитуриентам в Грузии предлагается сдать иностранный язык – на выбор русский или английский (реже французский и немецкий). Гораздо больше абитуриентов выбирают западные языки, объясняя это перспективностью и простотой по сравнению с русским языком. В рамках темы интересно рассмотреть позицию правительства, как высший орган власти государства, избранный народом. После Зураба Жвании неоднократно звучали похожие высказывания и у других политиков.

Например, министр иностранных дел Грузии Михаил Джанелидзе в 2016 году на Грузино-Латвийском Бизнес Форуме произнес речь в связи с либерализацией визового режима, во время которой подчеркнул, что Грузия относится к Европе не только географически, но и системой ценностей («We in Georgia believe that, we belong to Europe not only in terms of geography, but we believe that we belong to European values, to European interests…"). Он заявил, что Грузия открыта для интеграции, открыта для Европейских структур и институтов и стандартов («We need to implement more European standards in Georgia, which will ensure more openness, more integration into the EU internal market and we are doing that, we are moving forward with that agenda). Министр также отметил особую связующую роль Грузии между Азией и Европой[13]. Ранее, в том же году, министр выступал в Таллине на Грузино- Эстонском Бизнес Форуме. Он говорил об открытости Грузии как для Европейского бизнеса, так и для Азиатского. Он подчеркнул, что грузинская

[11] Расписания школ http://school127tbilisi.ge/გაკვეთილების–ცხრილი/, http://136skola.ge/გაკვეთილების–ცხრილი/, http://pdc.ge/ge/news/id/73/gakvetilebis-cxrili (дата обращения: 1.05.2017).

[12] Сайт вакансий [Электронный ресурс] режим доступа: www.hr.ge (1.05.2017).

[13] Сайт МИД Грузии http://mfa.gov.ge/MainNav/DiplomatService/Minister/გამოსვლები/State ment-31-march-2016.aspx (дата обращения: 27.06.2017).

ДНК относится к европейскому типу, но Грузии еще предстоит стать государством европейского типа. («Our DNA is European. We are members of the European family and we strive to become legit member of the European Union. But before becoming member of the European Union we are committed to transforming ourselves into European State. At the same time we are striving to establish very good positive mutually beneficial relations with all the countries in the region»)[14]. Заявление о европейском типе ДНК не является далеким от истины. Согласно исследованиям, на территории Грузии преобладает гаплогруппа G2a, наряду с гаплогруппой J2. А гаплогруппа G2a обнаруживается в древних останках на территории Европы. Другой вопрос, насколько актуальна ли эта информация на сегодняшний день, и имеет ли схожесть ДНК влияние на менталитет и природу грузин[15].

Очеидно, что стремление к Европе проявляется во многих сферах жизни общества. Европейские системы образования стремительно получают распространение в школах и университетах страны. Популярными являются Восточно-Европейский университет[16] и Европейский медицинский университет[17]. Продвижением идеи «европеизации» в Грузии занимается Информационный центр НАТО и ЕС[18].

За последние несколько лет центр набрал огромную популярность, устраивая летние школы, семинары, конференции и другие мероприятия. С 2013 года Центром проводятся дни Европы. В 2017 году с 7 по 25 мая в рамках дней Европы проводились мероприятия, в которых приняли участие как крупные города, так и регионы[19]. В целом, идея «Грузия – Европа» очень активно распространяется в Грузии и принимается обществом. Хотя во многом уклад жизни и менталитет тяготеют к восточному. Подход к работе, ведению переговоров, созданию семьи, отмечанию праздников, движение на дорогах – во всем прослеживается то, что принято называть восточным стилем – расслабленность, необязательный подход к делу, эмоциональность, в противовес европейскому порядку.

Ситуация в Грузии осложняется стремительно растущим числом иранцев и арабов, что заставляет грузинское общество задуматься о выработке новых регуляций миграционной политики. Грузия пока только встает на новый путь развития, но не остается сомнений, что будет сложно стать типичным европейским государством. История, географическое положение, соседние государства наложили особый отпечаток, который невозможно игнорировать, и влияют на ее цивилизационный выбор по сей день.

---

[14] Сайт МИД Грузии http://mfa.gov.ge/MainNav/DiplomatService/Minister/გამოსვლები/State ment-Georgia-Estonian-Business-Forum.aspx (дата обращения: 27.06.2017).

[15] http://pereformat.ru/2013/09/west-kavkaz-dna/ (дата обращения: 27.06.2017).

[16] Сайт Восточно-Европейского университета http://eeu.edu.ge/en/ (дата обращения: 25.07.2017).

[17] Сайт Европейского университета http://europeanuniversity.in (дата обращения: 25.07.2017).

[18] Сайт Информационного центра НАТО и ЕС http://infocenter.gov.ge (дата обращения: 23.06.2017)

[19] Сайт Информационного центра НАТО и ЕС http://infocenter.gov.ge/infocenter-europe-days/ (дата обращения: 23.06.2017).

*Victor Nemchinov**

Lev Reisner: Intellectual Portrait of an Orientalist

Abstract: The 200th anniversary of the Institute of Oriental Studies in 2018, which also coincides with Lev Reisner's 90th anniversary, provides a suitable opportunity to look back and re-evaluate the results of scholarly infatuation with the East. Against the broad background of Russian Oriental studies in the second half of the 20th century, the paper reflects upon the catalytic role of individual cases of intellectual integrity in overthrowing the doctrinaire one-sided views of the world related to the theory of socio-economic formations and traces the roots of independent thought under an authoritarian ideology. One such factor is the strong impact of family tradition which, in the case of the Reisner family, involves at least five generations. This can be called the "lasting in-family dialogue". Another key factor deals with the affection for the East in general and for India in particular. Furthermore, it discusses the generation of researchers that evolved under the very special hothouse conditions within the Institute of Oriental studies. Provided the researcher has the courage and stamina to follow his or her own way in Oriental studies, a hermeneutic approach can enable one to go much further in understanding the requisite human variety than colleagues would do in other humanitarian disciplines with "monocular optics".

Keywords: Institute of Oriental Studies, humanitarian research, Lev Reisner, family, intellectual dialogue, developing world, growth theories.

The recent conference (March 19–21, 2018) initiated by the Department of General Issues, IOS RAS and dedicated to the 90th anniversary of Lev Reisner opens up a series of timely discussions on the role of national Oriental studies in the global quest for humane knowledge formation. Sketched against the academic background and intellectual portrait of this fine scholar this paper will briefly outline the triad of "work-creativity-family". These three main features predefine a viable human self that involves imperatives to cater to one's family, professional work and talent(s). This paper will begin by offering the author's personal impressions of intangible academic capital that had generously imbued the atmosphere inside the Institute of Oriental Studies (IOS), Russian Academy of Sciences in the second half of the 20th century. That was a fruitful research period that evolved due to an unusual combination of objective developments and subjective circumstances. A sweeping wave of national liberation in the former colonial and dependent countries opened up new democratic opportunities for social, political, cultural, economic and military cooperation with the socialist world. But it also revealed our quite inadequate knowledge of the East[1]. A very experienced member of the top

* *Victor Mikhailovich Nemchinov* – Ph.D. Economics, Senior research fellow, Institute of Oriental Studies, RAS viators@mail.ru

[1] P. Shastitko, How Moscow Institute of Oriental Studies was Closed // The East. Afro-Asian Societies: History and Modernity. No 6. 2002, p. 90–91.

leadership who had alerted the party to this dire situation and who himself was of Eastern origin had been given very broad prerogatives to remedy the situation. The trust of the Politburo that B. Gafurov possessed lifted the suffocating ideological censorship over social sciences from the domain of Oriental studies. The post-Stalinist thaw gave wings of enthusiasm to intellectuals and young researchers who were encouraged by the IOS's benevolent director to bridge the gap between traditional and contemporary studies.

An Atmosphere of Intensive Academic Dialogue

The gorgeous empire style building of the Institute in the old city center was, in itself, a visible embodiment of a century long history of the study of the languages and cultures of the East. When the author joined the Institute in 1976 the noble scent of academic tradition was still in the air of the former Lazarev Front Asian institute, and it was not by chance that the director, the academician Gafurov, stubbornly resisted to his final breath any envisaged relocation. Himself a former party head of a union republic, he abhorred the very idea of giving up this gem of scholarship, with an inbuilt library and own print house to just another republican administrative mission although the obsolete transfer claim had been endorsed by V. Lenin's "sacred" signature.

The very walls kept the old feeling of dignified living, and people who came to work there acquired a posture quite detached from the habitual mundane rat race of office workers. On the topic of the representative function, it should be noted that today one can enter Lazarev's mansion only through an inconspicuous side door, whereas previously one was privileged to mount the columned front entrance steps after passing around the Lazarev obelisk surrounded by carefully groomed exquisite rose bushes.

Contrary to the present bureaucratic federal logic stating that scientists cannot properly operate and should not manage their own real estate, the Institute's then management – the invariable party, trade union and administrative leadership "triangle" – was efficient in taking good care of both tangible assets and intangible human capital. The administration frequently safeguarded and in fact defended the researchers who sometimes fell under the vigilant eyes of the state security services. (A few of these memorable cases will be mentioned elsewhere). It should be noted that even during the most stagnant years, the research activity boldly enjoyed freedom and was not constrained by the current formalistic indices of creativity measurements. As an example of this, in an academic discussion that took place long before the "thaw" when Vadim Solntsev remarked to Vladimir Toporov that the views expressed were not Marxist, the latter retorted, "And I am not a Marxist". To the reply, "Then, what is your outlook?" Toporov's answer was, "You know, it is similar to that of the very first Christians"[2]. Such freedom of cognition was objectively granted by the trans-disciplinary nature

[2] Personal interview with Tamara M. Sudnik.

of the Orient that had stretched across the history and variety of disciplines, ranging from ancient civilizations to contemporary "third world" realities. This had stirred up natural curiosity and stimulated informal exchanges of opinions. Moreover, the public thirst for novel attitudes and bold expression of views was not limited to the professional framework alone.

Academic skits "kapustniki" brought in a friendly funny streak of topical criticism. Among those who conceived the performance, composed the narrative, frequently in poetic form, and enacted it on the stage were Leonid Alaiev, Mikhail Drobishev, and Lev Riesner. Why was regular involvement in this entertainment that went on for years, always with a novel script, so important to Lev Reisner? For one thing this was an officially permitted concession to humor imbued corporate criticism. But such performative behavior enacted on the local stage was full of life, had a lasting impact on the keen audience and, with its bitingly bold arrogance, was long remembered as a type of designer business card of its authors/participants. Orientalists brought up on Mikhail Bakhtin's theory of laughter culture and familiar with Victor and Edith Turner's pilgrimage concept[3] felt that they were part of a ritual that made skit actors look very charismatic. Moreover, the audience with its actors and protagonists could cross the border of self-censorship and dogmatic obfuscation. Outside of the traditional borderline of preset, established social roles, "kapustnik" was a place, a special domain of joined creativity. It initiated the Orientalists into an informal micro-community "communatas" strongly devoted to fostering an open live dialogue of unbiased understanding. Later this charisma of creativity allowed Lev Reisner to attract and engage bright participants in very serious innovative and highly professional collective research work.

Such "communatas" would sporadically reemerge each time one could get out of the publicly ascribed stereotypical formal roles within the habitual social structure of society. Get where? Get by means of creativity into another, not yet settled ground of advanced understanding, to where the previously attained conventional statuses petered out, were leveled and new focus points of common interests became vital for its participants. Lev Karsavin called this human condition "our third identity". That was not an easy endeavor. Similar points of assembly would aesthetically and emotionally sprout beyond the academic walls of IOS, disseminating the spirit of selfless dialogical collectivity out into a much broader public domain. For instance, many a time the artistic council of the dashingly popular Taganka Theatre in which Lev Delyusin, head of the China department, played an authoritative role was able to defend the acceptance of Lubimov's sharp performances by the conservative Ministry of Culture. The Institute's researchers launched innovative courses of Oriental studies in several pedagogical colleges, and conducted then still unfamiliar master classes for history students and high school graduates. Widely acclaimed were public lectures presented by the Institute's scholars to various audiences across the country.

[3] Turner V., Turner E. Image and Pilgrimage in Christian Culture. N.Y. 1978, Columbia University Press.

Profound academic and public manifestations of this nature could be implemented over the years under the benevolent unorthodox administration of the Institute's directorate. It is the author's opinion that this lively interest in people's ingenuity was vital for the spiritually rich atmosphere that has made possible dialogues both within and between research generations. It was also a well formally structured, businesslike working atmosphere. Apart from two "library days" set aside for individual research work outside of one's working place in the Institute, there were three scheduled days a week that researches had to spend in the Institute's premises. On those days all employees would mix together and actively interact in a working atmosphere. That was the time for frequent academic presentations and open lectures, and discussions were held at least once a month. There were also regular working meetings in the research departments, sectors and vertical groups. Analytical presentations and special reports were made, new ideas were presented, and individual as well as group projects were scrutinized. Local and external specialists who had just come back from abroad were welcomed to share their observations, comments and projects. Topical presentations by well-known colleagues such as L.N. Gumilev, V.V. Krylov, A.I. Medovoi, B.F. Porshnev, V.L. Sheinis, M. A Tcheshkov and several others from a wide range of research institutions were extremely popular among scholars and humanitarian specialists.

The period from the mid-1950s to mid-1970s was particularly fruitful for research on a very broad scope of paramount fundamental problems of the East. Yet most popular at that time was the twin idea of linear progress and of the modernist future for humanity, naturally *de facto* presented not in a globalist perspective but as social justice concepts with an emphasis on overcoming neo-colonialism in the East. (The author calls this drive of thought the "red shift" and incidentally it also predefined Lev Reisner's vector of academic interests). Key issues and important milestones of the "third world" theories were then set up in heated debates and fierce academic battles. G.A. Dadashev, V.L. Sheinis, G.N. Veitz, and N.Z. Volotchek belonged to the "Leningrad school" of developing world economic research that was established under the leadership of Sergei Tulpanov[4]. The "Moscow school", informally headed by Alexei Levkovsky, focused more on traditional, pre-capitalist and multi-sector specifics of post-colonial Asian societies, and Lev Reisner's economic study of India was a contribution to this theory[5].

In subsequent years the range of fundamental Oriental studies has continued to remain unconstrained, but research priorities were shifting. With the arrival of Eugene Primakov as IOS's director, politically acute and pressing problems were brought to the forefront of Oriental studies. Primakov managed to boost the interest of decision-taking authorities in considering analytical recommendations of

[4] S.I. Tulpanov, Essays on Political Economy (Developing Countries). M. 1969; S.I. Tulpanov, V.L. Sheinis Topical Political Economy Issues of Contemporary Capitalism. L. 1973.

[5] L. Reisner, Is Transition from Economic Cluster to Capitalist Mode of Production Possible? (On Limits of Capitalist Transformation in Developing Countries) // Asia and Africa Today. M. 1978, No 11.

the Institute's scholars and he was able to set up a workable feedback mechanism with the top echelons of political power in the country. That proved to be very beneficial for the governmental support of Oriental studies, ranging from assistance to archaeological excavations in Egypt, Yemen and Tajikistan to acquiring the top level computer complex for economic forecasting in the Institute. Analytics made just on time, on the heels of the events or even in anticipation of the pending events in the East, was largely effective due to the previously accumulated solid stock of fundamental trends that became useful for the needs of political research. The whole constellation of bright scholars contributed to the success of this dual focus of research. Among them, to mention just a few, are Leonid Alayev, Grigory Kim, Eduard Kulpin, Alexei Levkovsky, Alexander Petrov, Eugene Rashkovsky, Glery Shirokov, Nodari Simonia, Anis Vafa, Leonid Vasiliev, and Vladimir Yashkin. This list should have included dozens if not hundreds of other notable names. Among these first-class Orientalists, the figure of Lev Reisner – a brilliant Indologist, connoisseur of language, history, economy and culture – had attracted particular attention by his special kindness, affability, insatiable attention and openness to people around him. The combination of these rare human traits placed around him a soft aura that was vividly felt in his attitude towards people, in the format of his academic studies and in the very style in which he presented his research.

The Red Shift

Today, with several political, ideological and analytical epochs having already gone into oblivion, attempts to reconstruct the Russian academic atmosphere of the last third of the 20th century might require several clarifications. On the bicentenary of Karl Marx's birthday it is appropriate to make some relevant remarks. Academic studies of Lev Reisner were terminated prior to an abrupt political turn in the country that had ousted Marxist theory from scholarly usus. The loyalty screen, as we have found out, is easily reversible. In Reisner's time no social study could be approved for print without opening bibliographic references that had to be placed ahead of the general alphabetic order and were to be accompanied by several suitable, pious quotations. For inquisitive researchers of global social evolution it was much harder to pour the new "wine" of bold thought into the overly reused quotation format. Under the guidance of Lev Reisner authors of the "White Book", as an exception, managed to succeed[6]. Most mediocre yet welcomed papers did pay habitual lip service to such censored regulations, yet in fact they were "serious as a stroke" in blocking free thought, and this compulsory conformity in form as well as in substance was just what the Soviet leadership expected from mainstream social sciences. The author would call such suffocating almost cosmic scholastics "bureaucratic background radiation".

6 See: L. Reisner, N. Simonia Evolution of Oriental Societies: Synthesis of Traditional and Modernist. M. 1984.

Opposed to this was the intense desire for a truly innovative cleansing of academic thought from the vestiges of dogmatic reductionist interpretations of Marxism. The drive boosted by the destalinization of the 1950s inspired the "thaw" generation to which Lev Reisner belonged. The author calls the specific perception of global historical process by this small group of bright intellectuals the "red shift". They considered Marxist social analysis to be a defining scientific system applicable to justifying the linear progressive development of mankind, to explaining modern capitalist reproduction systems, to understanding the dynamics of economic crises and to conceptualization of major social formations historical succession. "Marx himself represents the most consistent effort of the nineteenth century to transform historical study into a science. Moreover, his was the most consistent effort to analyze the relationship between historical consciousness on the one hand and the actual forms of historical existence on the other. In his work, the theory and practice of historical reflection are intimately linked to the theory and practice of the society in which they arose. More than any other thinker, Marx was sensitive to the ideological implication of any conception of history which claimed the status of a «realistic» vision of the world"[7]. As Orientalists, Lev Reisner and his fellow economists were more interested in the multi-sectored household specifics of Eastern societies. In dealing with economic basis they studied simple linear change of production modes, paying special attention to long delays primarily caused by external pressures. At the level of social superstructure they were interested in ways human self-alienation had been preserved for centuries in multi-sectored structures of "hydraulic societies" and how their sustained backwardness might get a chance for a major change of social order. Mass destitution, disease and escaping hunger were high on the "third world" research list of priorities. Hence the choice of the social path of independent national development came to the forefront of research that implied an emphasis on tackling the issues of neocolonialism and decolonization, of catching-up development, of the role of state planning and of production.

Why did such sharply posed vision of dramatic interaction between all the three worlds become imperative for socially progressive description of the long-term global dynamics? Hayden White suggested the following modality of explanation. He paid attention to the fact that Marx's relegation of history contained both *synchronic* analysis of the basis that remains constant in structural preservation of human interrelations and *diachronic* analysis of the movement that overthrows that basis, thereby giving rise to a new type of relations. According to Marx this envisaged the construction of the plot of human history simultaneously as a tragedy and as a comedy although man lives tragically with his endless failures in setting up a viable human society due to laws and agencies that govern history and perpetuate his social standing. Man at the same time lives comically because the interaction of man and society ascends to a future point when society

[7] White H. Metahistory: The Historical Imagination in the 19th century Europe. The Johns Hopkins University Press, 1973, p.60 see (part III on Marx).

would be dissolved and a true commonwealth would be set up, a communist way of existence as a genuine historical fate of man[8].

Family Story

Returning to the initial personality triad "family-home-work" that the author tends to slightly modify in sketching the intellectual portrait of Lev Reisner, the focus is now shifting on to the role of his family. There are families where love and consent reign. Such families give the world dignified worthy citizens capable of respecting themselves and appreciating otherness. Otherwise, unhappy families leave their members exposed to various external pressures. The unprotected individual is forced to change his or her civil priorities, and the person deprived of his or her natural roots is turned into an easily mobilized unit for any public need or for any state construction priorities. The revolutionary overturn and spiritual breakup of a person was accompanied by a forgetful renunciation of one's own moral affiliation with the family as well as by physical destruction of one's homestead. Prince Sergei Volkonsky noted in his memoirs about revolution, "Violence can knock through every door, but it also destroys the home that it enters. Theories of these people regarding art I could never understand. 'Proletarian art' is as incomprehensible to me as 'proletarian science' and as 'proletarian culture' in general. What is meant by 'proletarian music' or 'proletarian geometry' is dark for me"[9]. The goal of eliminating the "old man" was also served, as M. Bulgakov had put it, by the notorious "housing issue" of the early socialist era, which had substituted "one's own corner" in a communal living flat for the viable concept of one's home. Only very few households managed to escape the sad fate of home deprivation.

The Reisner family was lucky. The famous name of Igor Reisner's sister – Larissa Reisner, commissar protagonist of the "Optimistic Tragedy" preserved their home from expropriation, and their homestead strengthened in them very precious and rare feeling of unblemished intelligent dignity. We all know that families can be happy and unhappy. The latter families, from a transpersonal point of view, are formed when the image of the world of one of its members dramatically collides with the mismatched picture of the world, originally inherent in this family. Compulsory unraveling of family social origin and nationality, when applying for work or study in our country, had firmly predetermined the status in a social hierarchy of all citizens on the basis of the notorious class-national principle that mercilessly divided society into "right" and "wrong" people. Lev Reisner had the bad luck of being born into a family of Orientalists with a well-known name, and he had consciously built his whole life so as not to cause even a drop of dishonor on his family, but to uphold the family chronotope in his academic work and in dealing with other people. There were, perhaps, two important traits

[8] Ibid. P. 331.

[9] S. Volkonsky, My Recollections. Vol. 2. My native land. Everyday Life. Being and Existence. M.: 2004. p. 319.

in his behavior. One of them was felt to be due to the fact that people who had lived abroad for some time (not on business trips, but due to twists of fate) carried a specific aura that was distinctly felt in most insignificant details. Scholars like Yuri Nikolayevich Roerich and Yuri Nikolayevich Zavadovsky who worked in the Institute possessed this trait. Behind the elitism of such scholars was not arrogance, but openness, natural benevolence, incorruptible human sincerity and uncalculated friendliness. Allowing himself audacity in his own work, Lev Reisner showed subtlety, approving the work of colleagues, ironically sparing in his criticism and constantly encouraging his colleagues to go further in their research. Many of them can proudly call themselves his spiritual disciples, even though he had very few direct students. However, when it came to assessing professionalism, he would harshly state that the work was substandard, and he was not afraid to tell the truth openly, even to his own disadvantage, as was, for example, the case with M. Kapitsa, when Reisner publicly expressed his firm resentment at the general meeting of the Institute the proposal of the Directorate to elect the Scientific Council by the list.

Another characteristic feature of his was an intelligent tenderness in relations with people and excessive modesty in what in current parlance would be called "positioning oneself." He absolutely did not aspire to come to the fore, and he often characterized himself as, "I am a shady plant". Disagreeing with the position of his opponents, leaving all straightforwardness, he added at the end of his criticism, "But however you might be right about some points". Painfully aware of the cruelty of his time, Lev Reisner, like many others, could not neglect its pressure. But where people with strong nerves could be taken away from the quasi-reality of the surrounding world by the saving grace of alcohol, he had to pay with periods of painful silence and nervous stress. "I am a grim man," he used to say about himself in such cases.

According to his daughter, orientalist Marina Reisner, he himself spoke very little about his family roots and even about his own father, whom she did have a chance to know. For him it was more important to have a casual, everyday creative dialog with her, with his classmate wife, also an orientalist, and much later with his grandson Andrei Kudelin, who has also become an orientalist. The founder and the first head of the largest national search engine Yandex expressed very well the way the family spirit forms a free, honest and talented personality. "I grew up in a family of excellent students. My mother was a gold medalist, my father was gold medalist, my sister is a gold medalist, and I am a gold medalist" says Ilya Segalovich. – "We had such a family oriented family. The apartment is always clean, the food is cooked, the lessons are checked, everyone is busy with their own business, and everyone knew what they wanted. … But on the whole it was such a very well built-up life, with a clear understanding of what is right. The main regulation was to not lie. And it was not only the principle of an intelligent person. My grandmother on my mother's line was of a priestly family. Her ancestors until the beginning of the nineteenth century all served in the church.

And from there ran the delicate threads of this righteous life. I knew what was good and what was not. I always knew what was right”[10].

The mechanism of the proper home education is built upon a regular and well-timed personal choice and accessible two-way communication with one’s own Other. About this nexus Lev Reisner wrote to his daughter Marina the following, “Every person lives, relying both on his own experience and on the experience of others. One’s own experience is better in all respects, except for one thing; it is gained, as a rule, at the most expensive price, whereas the experience of other people, in a certain sense, comes to you just for free. In a way, I’m, in our particular case, such a different person, even though I am your father, who would like to transfer to you something, while the brains are still working clearly. The most important thing in life is relationships with other people”[11]. An essential increase in the perceived and appropriated meanings occurs in this close to the heart, open home environment. That is why such mutually beneficial conversation with an interesting interlocutor is so necessary. That is where the self-growth of an individual takes place. Such was the case Lev experienced with his father, Igor Mikhailovich, professor of Oriental history, and he in his turn had such conversations with his father, professor of law, Mikhail Alexandrovich Reisner. The areas of professional specialization of each member of this large family were different, but the main thing remained common, namely the living curiosity and genuine interest in the East, which had imbued the gliding family role scale “son-father-grandfather” with the enormous spiritual work across generations that underlies any viable family dynasty.

[10] D. Sokolov-Mitrich, Yandex. The Book. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. P. 10.

[11] L. Reisner, Instead of a Will. M.: 1974, manuscript.

*Belokrenitsky V.Y.**

Socio-economic evolution of Pakistan – present stage and views on the type of development

Abstract. The article deals with two interraled subjects. The first one purtains to the features of Pakistani socio-economic evolution at the present stage, which began, in my opinion, in the end of 1970s after the Army seized power by committing an abrupt and largely unprovoked coup-d'etat. Recently published scholarly literature contains certain material on the nature of socio-economic transformation in the country and reveals a dispute between mainly left leaning scholars on the specifics of Pakistan's social, economic and political problems. The second part of the article is devoted to a brief analysis of some of these views.

***Keywords**:* Pakistan, India, proto-capitalist, capitalist development, stages in Pakistan's socio-economic transformation.

As it is already clear, the author singles out two long periods in the economic and social history of Pakistan. The first lasted for around 30 years since the creation of the state in 1947, while the second continues for more than 40 years afterwards. What allows me to see the watershed in coming to power of the military in July 1977? It was not for the first time that the military coup happened in Pakistan, and the state authorities used the Islamic ideology not only after but before as well to strengthen control over society. However, that coup had deep and far-reaching repercussions and consequences, some of which are not yet overcome.

Let me state that the military, although they were at the helm of the affairs in the country from 1958 to 1971, could not at that time take full advantage of this. To put it shortly, conditions were then missing for the military to constitute itself as a full-fledged social corporation. Although generals had succeeded in becoming the backbone of the ruling circles in the 1950s and 1960s, they pursued a policy of empowering, with the help of civil bureaucrats, big industrial houses, the class of bourgeoisie which was rich and partially monopolistic by local standards. In sum, traders-turned-industrialists and highier echelone of the civil bureaucracy were the major beneficiaries of the military's stay in power at that stage [1].

In the beginning of the 1970s, Z.A. Bhutto, a civilian bureacrat-turned-politician who was instilled in power by the military after the Pakistani Army defeat in the war against India, dealt a severe blow on the major groups of big bourgeosie and upper crust of civil bureacracy undermining to a considerable extent their wealth, power, perks and privileges. His populist policy not only weakened the bourgeois-bureaucratic combine, but paved way for the consolidation of military corporation by strengthening its material basis.

Firstly, it was done by making previously created military charitable funds (Fauji [Soldier] Foundation and Army Welfare Trust) active in capital

* *Belokrenitsky V.Y.* – Candidate of Sciences (Econ.), Doctor of Sciences (Hist.), Professor, Head of the Center for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

accumulation and in direct industrial investment. Secondly, by rewarding generals with big chunks of newly irrigated state owned land.

After the army came to power again in 1977, active and retired military personnel infiltrated administrative and managerial apparatus. The army under General M. Ziaul Haq relied on the support of conservative clerical circles and embarked on a broad based campaign of Islamization of all spheres of social, political and economic activities. Under the disguise of this policy the military had considerably strenghthened its share in the corporate sector of economy and in other segments of lucrative business. The military continued the populist policy of Z.A. Bhutto (whom they not only deposed but sent to gallows) aimed at discouraging certain groups of alien private capitalists and retained a role for the public sector controlled by them. At the same time they supported and encouraged private investors and industrialists which were linked to them through a network of social ties and individual contacts. Pakistan's so called formal or organized economy by the late 1970s had become an example of corrupt state-dependent crony capitalism.

The end of the 1970s serves as a watershed because of two other reasons as well, that is, social transformation in rural areas and surge of labor migration abroad. Serious changes in the archaic rural system occurred as a result of the "green revolution" that started in Pakistan in the first half of the 1960s. The agricultural revolution was caused by speedy growth of irrigated land, usage of improved varieties of seeds, fertilizers and pesticides, and by mechanization, increase in the number of tractors. The age-old rural tradition of direct exchange of food, on one hand, and non-eatable products, field labor and services, on the other, was shattered. Eclipsed was the traditional relationship between peasants and farmers, who produced a surplus of food, and craftsmen and other "comminity servants", which were in Punjab called *kammis* (small ones).

In contrast to the Hindu areas, where traditional relations in rural communities were known as *Jajmani,* and were sanctified by the religion and caste system, the situation in Muslim villages was different. In Punjab, the main agricultural province of the country, the custom of non-monetary exchange was known as *Seipi*. Unlike *Jajmani* in India, it seemingly disappeared rather quickly under the transformed conditions. Craftsmen of low traditional status, liberated by the new market conditions, had obtained some privileges in the process of rural-urban migration. Free from pressures of the caste system, they were welcomed in urban and semi-urban localities as workers having certain experience and skills in repairing of agricultural machinery, such as tractors, bulldozers, electric tubewells and pumps for field irrigation and some other agricultural machines and appliances.

Added to this, a noticeable increase in the price of labor occurred due to the opening channel for going abroad, mainly to the oil rich countries of the Arabian Peninsula and the Persian (Arab) Gulf. The amount of remittances of labor migrants has multiplied in the end of the 1970s and continued its surge afterwards. The remittances in some years were almost equal or even surpassed

export earnings of the country. At home money transfers were partly spent on consumer goods, but partly saved and used to buy real estate (land and buildings). The remittances thus helped to improve living standards and housing conditions in villages of migrants or nearby urban and semi-urban settlements. [2]

It should be stressed that representatives of non-landowning groups of villagers were usually more mobile and persistent in job searching after migrating from native places. Small and medium peasantry was as a rule lagging behind in social mobility which led to reversal in the former hierarchical pyramid. Land owners turned out to be often less prosperous and secure, showed less inclination in giving education to their children. Representatives of previously dependent, socially downgraded population in some cases gained in the position on the social ladder.

At the present stage of socio-economic evolution in Pakistan one can observe a definite increase in the strength of household, small and medium-sized enterprises in industry, trade, transport and services. This phenomenon of enhanced informal entrepreneurship can be characterized as expansion of the "lower tier" of capitalism [3, p. 501–513]. Overall and export potential of the informal sector in manufacturing has definitely increased since the 1970s. This was brought to light in several research papers and discussed in detail by a leading economist S.A. Zaidi. According to some estimates, quoted by him, small-scale and household manufactiring units demonstrated in the 1970–1980s higher growth in capital stock, value added, capital productivity than the large-scale enterprises. Albeit, labor productivity and composition of internally manufactured goods suffered. The trend, presumably, hold further on in time. The small-scale industrial sector contributed no less than 25% to the national export of processed and semi-processed goods in the mid-2000s [4, p. 137–139].

The pace of growth of employment in the informal sector had presumably increased since the 1970s, absorbing about 60–70% of industrially employed working force. While mitigating certain social problems, like open unemployment, the process was accompanied by high social costs, that is, poor quality of products manufactured for both internal and foreign markets, slow capital accumulation and decrease or in some cases only slight increase in labor productivity. Pakistan's lagging behind in the development of basic industries and industrial infrastructure had had a grossly negative impact on the country's economic progress which was characterised by some authors as *deindustrialization.* [5, p. 196].

The peculiarity of the Pakistani path of socio-economic development led to differences in its assessment, which resulted in a scholarly dispute about the nature of capitalism in the country and the key properties of its state system. A neo-Marxist, T. Amin-Khan, Associate Professor at a University in Toronto (Canada) had recently published a book putting forward a hypothesis of fundamental differences between the post-colonial development of India and Pakistan [5]. Starting from the fact of self-serving and significant socio-political role of the class of big bourgeoisie in India, he proceeded to argue that freed from colonial shackles, India from the very beginning followed the path of capitalist evolution.

While in Pakistan not bourgeoisie, but 'feudal lords', owners of vast estates, determined the basic characteristics of state, society and socio-economic evolution. He argues, and with good reason, that at the time of partition of the colonial India in 1947, there was essentially no industrial bourgeoisie in Pakistan, and subsequently it depended entirely on the state, which at certain stages encouraged the transformation of wealthy traders and business contractors into industrial capitalists, and at others suppressed and destroyed entire groups of large entrepreneurs. Relying on this argument, Amin-Khan considers the post-colonial evolution of Pakistan to belong to the category of *proto-capitalist*. He understands this type of development (shared with Pakistan by many post-colonial states), in two ways, as pre-capitalist and quasi-capitalist.

S.A. Zaidi, an influential author mentioned above, does not agree with the thesis of a non-capitalist evolution of Pakistan. In his book (which is designed to serve as a text-book as well), and in the article published by the leading leftist Indian journal 'Economic and Political Weekly', he emphasizes specific features of Pakistan's economic and political system, but does not question its capitalist nature. Zaidi underlines rapid changes which had occurred in Pakistani rural and urban areas, resulting in the emergence and growth of 'middle classes'. A point he forcefully makes, is the weakening of 'feudal lords' both politically and economically. He disagrees with the argument of non-capitalist or precapitalist development of Pakistan stressing convincingly the dynamics of socio-economic evolution. In the social field he sees the spread of urbanization to the formally rural territories, the victory of urbanism over traditionalism and stresses the importance of technological innovations in the cultural sphere and the economy Zaidi refutes the thesis of outstanding influence of so-called feudal (or quasi-feudal) landowners, emphasizing growing mixture of origin in the class of absentee landlords, the emergence of new groups of big landowners from the ranks of retired military and civil bureaucrats.

More or less similar conclusions are made by another left-wing Pakistani author Taimur Rahman. Comparing the Pakistani model of capitalist development with patterns of evolution within the framework of other post-colonial states, he concludes that 'the current model of capitalist development adopted by the state of Pakistan has given rise to a small industrial sector, and, by comparison, a gigantic sector of petty commodity production and small-scale capitalism' [7, p. 228]

It seems that the arguments of the latter two authors are more convincing. The Pakistani variant of socio-economic evolution is not fundamentally different from the Indian one, as well as others of the Eastern (Asian) countries, although it has some individual features essential for understanding the unique path of Pakistan's development.

References

1. On that issue see, for example, in Russian a book by Levin S.F. Formirovaniye krupnoi burjuasii Pakistana [Formation of Big Bourgeoisie in Pakistan] Moscow: Nauka, 1970, and in English an oft-quoted book: Siddiqa Ayesha. Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. Karachi: Oxford University Press, 2007, p.58–82.
2. See, e.g.: Hasan Arif, Manzoor Rana. Migration amd Small Towns in Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2011.
3. On the notion of lower and upper tiers of capitalism see: Belokrenitsky V.Y. Pakistan: dinamika 'dvuh'yarusnogo' kapitalizma (in Russian) [Pakistan: the dynamics of "two-tiered" capitalism] in the monograph 'Kapitalizm na Vostoke vo vtoroi polovine 20-go veka' ['Capitalism in the East in the second half of the 20th century'] Ed.: V.G. Rastyannikov, G.K. Shirokov. Moscow: Oriental literature, 1995.
4. Zaidi S. Akbar. Issues in Pakistan's Economy. Second Edition. Revised and Expanded. Karachi: Oxford University Press, 2011.
5. Amin-Khan Tariq. Genealogy of the Post-Colonial State in India and Pakistan. Lahore: Vanguard Books, 2012.
6. Zaidi S.A. Class, State, Power, and Transition. Rethinking Pakistan's Political Economy//Economic and Political Weekly. Vol. 49, No.5, February 2014. Republished by Viewpoint//http://viewpointonlinenet/2014/01/vp186/rethinking-pakistans-p. Accessed on 06.16.2015.
7. Rahman, Taimur. The Class Structure of Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2012

*Mikhail G. Borisov**

Development of renewable energy in the East: problems and prospects

Abstract. World energy as a whole, particularly energy in oriental countries, has recently been going through the fast growth of alternative energy sources. This process was initiated by the growing price competitiveness of green technologies. Oriental countries vary in their possession of primary energy carriers and structure of their energy balances. Energy-deficit regions of East, South-East and South Asia are interested in the maximum development of all possible means of energy, preferably from renewable sources, to maintain the world's quickest economic growth. Regions of West Asia and North Africa, which abound in cheap and accessible fossil fuel, paradoxical as it may seem, are no less interested in the accelerated progress of new energy to remedy structural economic defects fraught with lower incomes from reduced fuel exports. Actually all oriental countries have ambitious renewable energy targets.

Keywords*:* Renewable energy (RE), solar energy, wind energy, geothermal energy, feed-in tariff, small hydro power plant, energy subsidies, green energy.

World energy as a whole, particularly the energy in Oriental countries, has recently been going through major structural changes. The main of these changes is the rapid growth in the share of renewable energy sources (RES) in the energy balances of most states. This process was initiated by the growing price competitiveness of renewable energy technologies, political initiatives that contributed to the expansion of this energy sector, the opening of access to sources of financing, exacerbated problems of energy and environmental security, and the growing energy demand from rapidly developing young economies.

The most important impetus to the development of renewable energy was the adoption by the UN in 2015 of the Convention on Climate Change, in which 195 countries agreed on the need to limit global warming, a result of traditional carbon energy functioning, and to reconsider the degree of support given to it.

The fast growth of RES was made possible, first of all, thanks to the very rapidly growing competitiveness. Geothermal energy and small hydroelectric power plants already are competitive, and solar and wind energy will be equal to capital expenditure to about carbon energy by 2040, and will not require subsidies[1]. During the period 2010–2015 capital costs in wind and solar energy have more than halved and this process, at least, does not slow down[2].

RES is yet subsidized by the states. The volume of this support is increasing and by 2016 has reached $120 billion globally. However, traditional energy is also subsidized on a much larger scale (in 2016 the global volume of subsidies amounted to more than $500 billion); while the effectiveness of subsidizing

* *Borisov Mikhail Glebovich* – Senior Researcher, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

[1] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 443.

[2] Ibid.

renewable energy is steadily increasing (subsidies in 2016 increased by 6%, and the installed energy capacities by 8%), and the return from subsidizing energy based on fossil sources falls[3].

An important factor in enhancing the competitiveness of RES was the development and successful implementation of energy storage technologies. This seriously strengthened the market positions of RES, for which the irregularity of production was a serious obstacle to their further growth.

Promoting renewable energy was also facilitated by increased financial pressure on coal energy companies (especially in China and the European Union) through the introduction of carbon dioxide emission quotas. This was a serious breakthrough in solving environmental problems of energy through market mechanisms.

Renewable energy has received an additional competitive impulse to develop after the worldwide distribution of a "green" energy tariff (feed-in tariff), including guaranteed connection to distribution grids and mandatory purchase of electricity generated from renewable sources by marketing companies, a " costs plus "(the consumer fully pays for the production costs and the marginal rate of profit of the producer). This tariff, initially inaccessible to the population of poor countries, is rapidly declining due to technological progress and the growth in the number of relatively developed economies.

In the new energy sector $286 billion was invested in the world in 2015 (54% of this amount went to solar energy, 36% to wind power, 8% to small hydro power plants, and 2% to others), which is twice as much than energy based on fossil fuels[4]. At the same time, private capital accounted for about 80%, which indicates the financial attractiveness of projects. The main contribution to their financing is made by international financial companies. New financial instruments are getting spread – "green bonds", crowdfunding and so on.

The attractiveness of investing in RES will increase. The agency Bllomberg believes that from a huge amount of 10.2 trillion USD., which will be invested in the global energy sector in 2015–2040, 72% will come from wind and solar power[5]. The cost of electricity from the sun will fall in the world during this period by 66%[6]. By 2021 it will become cheaper than electricity generated by coal-fired plants in China, India, Japan[7]. During the same period, the cost of electricity generated at onshore wind farms should decrease by 47%, and at offshore ones – by 71%[8]. On a combination of factors, investment in new energy is becoming more attractive than investment in traditional energy. As early as 2016 60% of the newly commissioned energy capacity in the world fell on RES and this share will increase[9].

[3] Global Trends in Renewable Energy. KPMG. h ttps: //home.kpmg.com/.../Global...(access date: 04/01/2018).

[4] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 406.

[5] Bloomberg New Energy Outlook 2017 https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook

[6] Ibid.

[7] Ibid.

[8] Ibid.

[9] International Energy outlook http://www.eia.gov/ieo

The reorientation of investment in energy for new sources of energy production will lead to an increase in the share of renewable energy in energy balances and, especially, in the structure of electricity production. By 2040 the share of renewable energy in global electric generation should be 31% (together with large hydroelectric power stations), as much as the share of coal, while the share of large hydroelectric power stations in total generation from RES will drop from 71% in 2015 to 53% by 2040 due to the exhaustion of opportunities for extensive growth[10]. However, the_structure of global electricity generation will remain predominantly carbon for the foreseeable future: in 2015 69% of the generation was accounted for by fossil fuels, 19% by large hydropower plants, 6% by wind stations, 4% by solar stations, 2% by bioenergy, by 2040 the share of carbon fuel will not decrease drastically, – to 54%, the share of large hydroelectric power plants will drop to 17%, the share of solar and wind energy will make up 13%, bioenergy will remain at 2%[11]. The reason is practically zero initial level of the new electric power industry and huge scale of fire generation. Even on a smaller scale, the share of RES in the world energy balance will increase (see Table 1). The reason is limited use of RE in many industries (as a source of primary energy), transport (aviation, water, pipeline) and agriculture.

Table 1

The share of renewable energy in the world fuel and energy balance (%)

	2015 (%)	2025 (%)	2040 (%)
Share in energy balance	8	12	16
Share in power generation	23	30	37
Share in heat power industry	9	11	15
Share in transport	3	4	6t
Share in industry and agriculture	9	12	15

Source: World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017.

The nature of the development of the RES sector in the economically developed part of the world and in the group of catching up countries, especially in the East, as the most dynamic part of it, will vary widely. Developed countries, characterized by the “withdrawal” of old energy-intensive industries, the slow growth (or stagnation) of the population and the growing energy efficiency of the economy (a faster decline in energy consumption per unit of GDP), which give priority to the ecological component of the quality of life, even on the basis of only existing energy capacities, will be able to ensure a progressive economic dynamics within the postindustrial system of productive forces. Therefore, the development of power engineering here will obviously go along the way only

[10] Ibid.

[11] Ibid.

to replace the new ones (wind and solar power plants) due to depreciation of old capacities (TPPs and NPPs). The states of the East, which are, in most cases, in the stage of industrialization, the construction and transport boom, characterized by rapid population growth, will not be able to meet their rapidly growing energy needs from renewable sources alone. Therefore, despite the fact that the countries of the East (Asia and North Africa) in 2015–2040 will account for about 73% of the world's investments in renewable energy sources, and renewable energy production will increase by 265% (with a total increase in power generation by 126%), the share of new energy in the energy balance will increase only from 8% to 14%, respectively[12]. In addition, renewable power plants occupy a large area (1 sq. Km of solar "farm", on average, it produces electricity per year corresponding to burning only 1 million barrels of oil), a relatively small capacity (average solar power of about 20 times less than the average power of the TPP) and can not meet the energy needs of large energy-intensive industries and densely populated areas. Therefore, renewable energy in the greater part of the East will develop in a single complex with all possible branches of traditional energy (with outstripping growth), or autonomously, outside the energy systems, to supply energy to remote rural areas, of which there are many in the East.

From the point of view of the availability of primary energy sources and the structure of the fuel and energy balance, the countries of the East differ greatly, but they are united by a common desire for the most accelerated development of renewable energy. The energy-deficient regions of East, South-East and South Asia are interested in maximizing the development of all methods of generating energy to ensure their fastest economic growth in the world, giving the highest possible preference to renewable sources. The regions of South-West Asia and North Africa, rich in cheap and affordable fossil fuels, are equally interested, paradoxically, in forcing the development of new energy to eliminate structural distortions in the economy, fraught with a decrease in revenues from a reduction in fuel exports. Thus, all the countries of the East set themselves ambitious goals in the field of renewable energy (Table 2).

Table 2

The share of renewable energy sources in the primary energy consumption and also in the production of electrical energy in the countries of the East

	Primary energy consumption		Electricity production	
	Share in 2015	Government goal	Share in 2015	Government goal
Algeria	-	-	5,00%	45% by 2030
Azerbaijan	0.5%	-	19,00%	20% by 2020
Egypt	20,00%	24% by 2020	1,00%	30% by 2020

12 World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 406.

	Primary energy consumption		Electricity production	
	Share in 2015	Government goal	Share in 2015	Government goal
Bangladesh	-	-	3,00%	10% by 2020
Brunei	-	2% by 2035	1,00%	10% by 2035
Vietnam	32%	38% by 2020	38,00%	50% by2020
Israel	-	-	8,00%	17% by 2030
India	19,00%	25% by 2040	19,00%	40% by 2040
Indonesia		25% by 2025	6,00%	50% by 2040
Jordan	5,00%	10% by 2020	3,00%	10% by 2020
Kazakhstan	-	-	-	30% by 2030
Cambodia	36,00%	45% by 2035	46,00%	55% by 2035
PRC	2,00%	12% by 2030	20,00%	29% by 2030
Laos	-	-	38,00%	70% by 2030
Mauritania	4,00%	20% by 2020	8,00%	60% by2025
Malaysia	-	7% by 2030	8,00%	11% by 2030
Morocco	-	30% by 2036	15,00%	40% by 2036
Mongolia	-	22% by 2030	4,00%	30% by 2030
Myanmar	30,00%	35% to 2035	40,00%	60% by 2035
Saud. Arabia	-	15% by 2032	8,00%	50% by 2032
Thailand	-	25% by 2032	12,00%	40% by 2036
Philippines	34,00%	40% by 2035	39,00%	60% by 2035
Sri Lanka	50,00%	65% by 2035	54,00%	70% by 2035
Japan	6,00%	17% by 2030	13,00%	25% by2030

Source: Renewables 2016. Global Status Report. Ren. 21 Secretariat. P., 2017

The widest field for the development of exclusively renewable energy is the numerous vast, little-developed and yet non electrified regions of the East. Decentralized, autonomous development of "green" energy in them has a number of undeniable benefits. Since the units of small alternative energy are compact

and ready for operation, there is no need for large-scale construction, delivery of overall equipment and construction materials, special construction of roads. There is also no need to connect “small” energy facilities to power grids and construction of power lines, which reduces capital costs and also losses in grids (which reach up to 20% of generated electricity). The elimination of traditional biomass from household energy supplies reduces the scale of deforestation and carbon dioxide emissions.

Table 3

Status and prospects of electrification of remote areas of the East and replace them with traditional biomass for new renewable sources of energy for heating and cooking

	Village electrification (%)		Share of population using traditional biomass for heating and cooking (%)	Share of RES in cooking and heating(%)	
	2015	Target		2015	Target
Bangladesh	61	100 to 2021	89	0	5 by 2025
Vietnam	97	100 by 2020	47	1	8 by2030
Cambodia	39	75 by 2030	88	0	4 by2025
N. Korea	26	90 by 2018	46	1	5 by 2020
India	80	100 by 2035	39	1	7 by 2035
Indonesia	79	90 by 2030	39	0	10 by2030
Yemen	46	-	32	0	9 by 2030
Mauritania	28	55 by 2025	80	0	5 by 2025
Mongolia	90	100 by 2025	63	0	10 by 2025
Myanmar	38	-	93	0	6 by 2035
Nepal	76	-	86	0	5 by 2030
Pakistan	73	100 by 2030	58	1	15 by 2030
Syria	93	100 by 2025	7	1	18 by 2035
Thailand	89	-	24	2	15 by 2023
Philippines	80	-	54	1	15 by 2030
Sri Lanka	94	100 by 2020	74	1	10 by 2025

Source: Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., 2017.

The countries of the East are already occupying an outstanding position in the world renewable energy. The PRC is the world's first investor in RES (Japan – third, India – the fifth), Mauritania – in the first place in terms of investments in renewable energy per unit of GDP (Morocco – in the fourth), the Philippines and Indonesia – in the second and third (after the USA) for established geothermal capacities, China is in the lead by the capacity of all other RES (India – the third), the first world "four" in the number of installed domestic solar panels – Bangladesh, India, China, Nepal, the first world "five" by the number of biogas plants – China, India, Nepal, Viet Nam, Bangladesh[13].

China is developing alternative energy in the world's largest scale and the world's highest rates. This country accounts for 28% of global investment in renewable energy and this figure is growing. China already accounts for 37% of the world's solar power and 34% of the world's wind power, while the share of solar power plants in the country's total power generation is only 1%, and wind power is 3%[14]. The 13th Five-Year Plan (2016–2020) outlines the growth of wind and solar power generation, respectively, 156% and 115%[15]. During this time, the PRC will account for 36% of the newly introduced capacities in the world's hydropower, 40% in wind power and 37% in solar energy. At present, China accounts for almost 40% of the world's jobs at renewable energy (about 3 million out of 8 million people), the 13th five-year plan envisages the creation of another 13 million jobs and the end of 2020 in the country it will work in the new energy industry for more than half of all those employed in this field in the world[16].

As the largest consumer of energy, China is its largest importer; becoming a world “factory”, this country has become the largest carbon dioxide emitter. Due to this, the forced growth of alternative energy is firmly incorporated in the strategy for further economic growth: the share of renewable energy in 15% planned by 2020 will "save" 580 million tons of coal, lead to a 18% reduction in the carbon intensity of GDP (carbon dioxide emissions per unit of GDP), reduce the water capacity of GDP by 23% It saves almost 76 billion. US$ due to a relative decrease in imports of primary energy sources, almost 75% increase in the number of days with satisfactory air quality in major cities[17].

An important place in the development of RES in the PRC is the construction of hydroelectric power plants, especially small ones. If large Chinese HPPs, which account for more than a quarter of the world's hydroelectric power, are base stations integrated into power systems, then small stations are decentralized and provide electricity to remote mountainous rural areas, while simultaneously reducing the consumption of traditional biomass (and carbon dioxide emissions), local water

[13] Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., 2017 , p. 160.

[14] Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016. https://www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=/.../pdf/ ... (access date 03.01.2018).

[15] Ibid.

[16] Ibid.

[17] Ibid.

supply and irrigation and reduce energy losses in grids. In 2016–2020 years China will account for about 60% of the world's small hydropower generation capacity[18].

The RES sector is developing in China within the framework of a well thought-out government policy that creates favorable financial and organizational conditions for construction and the subsequent operation of power facilities. The main direction of this policy is state subsidies, but for but business and not the population (as in poor countries). This is, first of all, subsidizing the feed-in tariff, placing it in competitive terms with the tariffs of traditional energy, and subsidizing the value-added tax, creating favorable conditions for investment. The "green" subsidies by the Chinese government were sent only in 2015, about 9 bln. US$ [19].

China has become an undisputed world leader in the development and production of equipment for the new energy sector. Five of the world's six largest solar panel manufacturers, and five of the ten largest firms developing and producing wind turbines, are Chinese. Companies from China control almost 90% of the world market of lithium batteries.

Chinese companies were the first to bring the cost of renewable energy to a competitive level. This allowed them to quickly occupy the niche of the world market. By 2016, more than a third of global foreign investment in the "new" energy sector was carried out by Chinese firms (with a pronounced tendency to increase this share). Investments are sent to all regions of the world, but most of them are incorporated into the Pan-Asian project "One belt, one way". Large potential of renewable energy sources of neighboring countries is connected, in particular, to the Chinese energy sector. First and foremost, this refers to the giant hydro-power projects implemented by Chinese firms in Laos and Myanmar, with the prospect of supplying "clean" energy to China.

In a rapidly industrialized and energy-deficient **India**, as in China, the growing energy shortage covered by imports can be a serious obstacle to further economic growth. Therefore, here again, authorities seek to extract energy from all possible sources, preferring renewable ones, which account for more than 60% of investment in energy. India accounts for 8% of global investment in RES. According to the installed capacity of alternative energy facilities, India is on the third place in the world (after the PRC and the USA)[20]. As in China, accelerated development of renewable energy is an important part of state plans and program documents, and for companies operating in this field was created optimal conditions for operation and investment. In 2015, renewable energy sources provided 13% of electricity in India, and by the end of the 12th Five-Year Plan this figure should increase to 18%. By 2040, this share will increase, according to the forecast of the IEA, to 40% [21].

[18] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017.

[19] Ibid.

[20] Ibid, p. 416.

[21] Ibid, p. 465.

By 2015, the structure of generation from renewable sources in India was skewed in favor of wind farms (about 80% of the total output). The reason was the lack of space for large solar farms in the country (agricultural development of Indian territory is more than 80%), low productivity of solar stations during the summer monsoon rains and high clouds, localization of wind stations outside agricultural land (on the coast or at sea). However, in connection with the progress of recent years in solar energy sector development will follow the path of preferential development of solar energy (the territory of India concentrates 19% of the global potential of solar energy). This development will be due to the widespread introduction of autonomous solar panels installed on the roofs of buildings. Their value fell significantly and the poor Indian village began to show effective demand for them. This is extremely important for inland areas where hundreds of millions of people still live without electricity and prepare food in a traditional way, breaking landscapes and throwing into the atmosphere a large amount of carbon dioxide. The same goal has the accelerated construction of decentralized small hydropower plants. Therefore, by 2040, the structure of electricity generation from renewable energy in India, according to the IEA, will change in favor of these two sources of generation: 53% will fall on heliostations, 37% – on wind, 8% – on small hydropower stations, 2% – on other[22].

Japan, provided with its own sources of energy only by 6%, until recently was not among the world leaders of renewable energy. The turning point came after the accident at the nuclear power plant "Fukushima" in 2011. Then a hasty decision was made to shut down all nuclear power plants and the country almost completely switched to carbon energy, which sharply increased energy imports. Japan for the first time in its history faced a trade deficit. This also led to the fact that electricity in Japan became the most expensive in the world, which adversely affected the competitiveness of Japanese goods. Finally, carbon dioxide emissions exceeded the quotas set for Japan.

Under the circumstances, the Japanese authorities radically revised the energy policy. According to the new plans, the degree of self-sufficiency in energy resources should increase by 2030 to 25%[23]. This increase will occur exclusively at the expense of renewable sources (for lack of others). The share of renewable energy in 2015–2030 will be 70% of all investments in energy[24]. The nuclear power plants returned to operation will be disposed of as depreciation increases and new ones will not be built. As a result, the share of nuclear energy in the energy balance will drop from 30% to 20%[25].

The structure of the renewable energy sector will be dominated by hydro – an helio-stations (9% and 8% of the country's total electricity generation by 2030,

[22] Renewable Energy in India: Growth and Targets. Ministry of New and Renewable Energy. 13 May 2015. cseindia.org /…/ Renewable% 20Energy% 20in% 20India% 20G … (access date 03.012018).

[23] Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/…/energy_plan_2015.p … (access date 03.01.2018).

[24] Ibid.

[25] Ibid.

respectively, and the growth will be 1.5 and 7 times respectively in 2013). The share of wind and geothermal generation will be respectively 2% and 1% (growth compared to 2013, 4 times). By combustion of renewable biomass in 2030 will be generated 4% of energy (increased 3-fold compared with 2013)[26].

With a slowly declining population and with rapidly growing energy efficiency, the total energy consumption in Japan will hardly increase, and its structure will on change in favor of RES. The sector of thermal energy will undergo only technological improvements (burning in a supercritical mode, carbon capture and storage, etc.). This will reduce carbon dioxide emissions by 2030 by 22% compared with 2013[27]. **The Republic of Korea** has lagged behind the rest of the developed countries in the development of renewable energy. This sector provided in 2015 only 1% of total energy consumption and 2% of electricity generation in the country. The development of energy in South Korea has long been on the path to maximizing the return on capital and operating costs that only thermal and nuclear power plants could provide. Almost deprived of its own energy resources, the country came out on top in the world in terms of importing primary energy per capita, entered the first five world's top importers of oil, liquefied gas and coal and firmly ranks second in the world (after Australia) for carbon dioxide emissions per capita[28].

Growing financial and environmental costs prompted the authorities to review in 2014 the National Energy Plan (National Energy Master Plan). In accordance with it, by 2035 it is planned to raise the share of RES in the energy balance to 11%[29]. This increase will be due to a decrease in the share of thermal power. However, the main direction of progress in the country's energy economy will be the development of nuclear energy. Its proportion increases to 30% in power generation in 2015 to 54% in 2025[30]. South Korea is the only country in the world where nuclear power not only dominates, but also plays an increasing role in the fuel and energy balance. The accident at the Fukushima NPP, unlike the other developed countries, did not affect government plans in this area.

Within the framework of the mentioned plan, stimulating conditions for the development of renewable energy have been created in the country. In addition to the feed-in tariff, this is the "Renewable energy portfolio" – a program that obliges electricity supply companies to supply at least 10% of electricity to the consumer from renewable energy sources by the year 2024, the carbon dioxide emissions trading scheme introduced for the first time in Asia, a program of state payments to companies that have achieved reduce its emissions[31].

---

[26] Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/.../energy_plan_2015.p ... (access date 03.01.2018).

[27] Ibid.

[28] Phillip Riley. The Future is Renewable. South Korea. May 2017. phillipriley.com.au/wp.../2017/.../IDR-Report-South-Korea.pd ... (access date 11/01/2018).

[29] Ibid.

[30] Ibid.

[31] Ibid.

In Southeast Asia, the continuing energy-intensive industrial growth requires an accelerated (twice the world average) energy development. It is only the large centralized capacities of traditional energy that can provide the growing needs of industry. They will continue their development based on relatively cheap regional coals and gas. Along with this, in the region there is a large array of remote, inaccessible island and mountain areas, the integration of which into the power system is technically complicated and costly. This is the widest field for the development of alternative energy.

In the region, all types of RES are widely represented. Indonesia and the Philippines account for 40% and 20% of the world's geothermal potential, respectively. Indonesia and Malaysia, being the largest producer of palm oil, provide a wealth of accompanying biomass (15% of the territory covered by the Malaysian oil palm plantations)[32]. The rest of the region also occupies a leading position on the "exit" of renewable biomass from a unit of area. All countries (except Singapore) have the largest and still little developed hydro potential. The potential of solar and wind energy is also very high.

As in other fast-growing regions of Asia, Southeast Asian energy will grow using all possible options with an emphasis on renewable sources. According to the forecast of the IEA, investments in energy will be in the region in the period 2016–2040360 billion dollars, of which about 70% will be spent on renewable sources[33]. The agency forecasts an increase in the share of RES in the energy balance of Southeast Asia in the period 2016–2040 from 6% (without traditional biomass) to 23%[34].

In all countries of the region, the necessary conditions for the development of renewable energy have been created: feed-in tariff was introduced, a legal basis has been created, and access to financing has been ensured. The region is of great interest to investors: the total value of renewable energy projects being implemented in Southeast Asia amounted to $23 billion in 2015[35].

The development of alternative energy is also stimulated in Southeast Asia by an environmental factor. The nature of the region is extremely sensitive to the changing climate. Its further change promises disastrous consequences for many territories. Therefore, all states voluntarily committed themselves to a quarter reduction in carbon dioxide emissions in the region by 2030. This can only be achieved by limiting and technical improvement of carbon energy, replacing traditional biomass with electricity and maximizing the use of “clean” energy sources.

The Southeast Asian countries are developing "green" energy, based on local "comparative advantages". Common features are the reduced importance

---

[32] Renewable Energy Rises Across Asia. IRENA. Quarterly, 2017. sun-connect-news.org/.../IRENA_Quarterly_2017_Q4.pdf (access date 11/01/2018).

[33] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 415.

[34] Ibid, p. 432.

[35] Outlook for Renewable Energy from an Asian Perspective. Asia Clean Energy Forum 2016. ADB, Manila, 9 June 2016. https://d2ocOihd6a5bt.cloudfront.net/.../1-Jason-Waldie- ...

of wind energy, the decline in the share of traditional biomass (from 24% in 2015 to 7% by 2035) and its replacement by modern RES[36]. Countries set themselves a different in scope and structure of the task. Power shortages the Philippines and Thailand have developed ambitious plans to increase the share of renewable energy in electricity generation, respectively, to 50% by 2040 and to 40% by 2036[37]. Singapore and Brunei in the foreseeable future will remain almost entirely "carbon" (however, the densely built up and densely populated Singapore does not lag behind the general trend: here is completed the construction of a unique vertical solar power plant worth $3.45 billion, a wind station with a volume of investments of $0, 5 billion, and even a few small capacities on local biomass[38]). Indonesia plans to develop all types of renewable energy. This country will have 40% of investments in RES in the region in 2015–2040[39]. Rich in water resources, Myanmar, Cambodia, Laos will develop mainly small and large hydraulic energy based on foreign investment with promising supplies of electricity for export. There are plans to turn Laos into a "battery" of South-East Asia within the framework of the unified ASEAN energy system being created. Analysis of long-term plans for the development of energy in the countries of the East shows that RES has begun to acquire the status of the most promising source of energy everywhere. This was promoted by the growing competitiveness of alternative energy technologies, the need to address the problem of environmental safety, numerous political initiatives that stimulate the development of green energy, and unhindered access to project financing. As a result, new markets for centralized and distributed electric generation based on RES appear in all regions of the East.

References

1. A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp…/01/MEP-6.pdf.
2. Bloomberg New Energy Outlook 2017 https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook
3. Global Trends in Renewable Energy. KPMG. https://home.kpmg.com/…/Global
4. Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/…/energy_plan_2015.p…
5. International Energy outlook http://www.eia.gov/ieo

[36] Renewable Energy Sector in Emerging Asia: Development and Policies. ESCAP, UN Working Paper Series, # 1, Jan. 2017. www. «http://www.unescap.org/.../TIDWP-Renewable-Energ-Sector.pdf» (access date 30.12.1017).

[37] Outlook for Renewable Energy in ASEAN countries. ABD, Manila, 2017, p. 48.

[38] Renewable Energy Sector in Emerging Asia: Development and Policies. ESCAP, UN Working Paper Series, # 1, Jan. 2017. www. «http://www.unescap.org/.../TIDWP-Renewable-Energ-Sector.pdf» (access date 10/01/2018)/

[39] Renewable Energy Sector in Emerging Asia: Development and Policies. ESCAP, UN Working Paper Series, # 1, Jan. 2017. www. «http://www.unescap.org/.../TIDWP-Renewable-Energ-Sector.pdf» (access date 30.12.2017).

6. National Renewable Energy Action Plan for Turkey www.ebrd.com/.../turkey-national-renewable-energy-action-...

7. Outlook for Renewable Energy from an Asian Perspective. Asia Clean Energy Forum 2016. ADB, Manila, 9 June 2016. https://d2ocOihd6a5bt.cloudfront.net/.../1-Jason-Waldie-Outl...

8. Outlook for Energy ExxonMobil corporate.exxonmobil.com/en/energy/energy-outlook

9. Renewable Energy in India: Growth and Targets. Ministry of New and Renewable Energy. 13 May 2015. cseindia.org/.../Renewable%20Energy%20in%20India%20G...

10. Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016. https://www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=/.../pdf/...

11. Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., 2017

12. Renewable Energy Rises Across Asia. IRENA. Quarterly, 2017. sun-connect-news.org/.../IRENA_Quarterly_2017_Q4.pdf

13. Renewable Energy in Iran www.satba.gov.ir/suna_content/media/.../5196_orig.pdf?t...

14. Renewable Energy Sector in Emerging Asia: Development and Policies. ESCAP, UN Working Paper Series, #1, Jan. 2017. www.unescap.org/.../TIDWP-Renewable-Energ-Sector.pdf

15. Phillip Riley. The Future is Renewable. South Korea. May 2017. philllipriley.com.au/wp.../2017/.../IDR- Report-South-Korea.pd...

16. Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r...

17. Subsidies Reform in MENA., p.5/https://www.imf.org/external/ns/es.aspx?id=276 Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017. 18. World Energy Outlook 2016. IEA, P., 2017.

Mikhail G. Borisov

Alternative Energy as a New Factor of Economic Growth in the MENA

Abstract. The Middle East and North Africa are not only the largest "custodian" of primary energy resources, but also their largest "energy sinker". The extremely high energy intensity of regional GDP is a consequence of subsidizing energy which is part of the "social contract". Excessive energy spending reduce the export potential of many countries and slows GDP growth. The way out of this situation is the accelerated development of alternative energy.

***Keywords*:** renewable energy, energy subsidies, solar energy, wind energy, Middle East, North Africa, energy exports.

In the Middle East and North Africa region, the energy consumption model that has existed for many years can become an insurmountable obstacle to economic growth both in the net energy exporting countries and in the importing countries. This region is not only the main supplier of primary energy resources and the main "custodian" of the world's fossil fuel reserves, but also the main "energy sinker" because regional governments, first, subsidize the price of energy against the laws of the market, encouraging excessive consumption, and second, extremely energy-intensive projects of industrialization and diversification, relying on the low cost of local energy resources.

Subsidies in the region are an important part of the "social contract" and are regarded as an inalienable right of the members of the ummah. They reached gigantic proportions: its annual volume is close to 250 billion dollars in the region – half of the energy subsidies all over the world, 8.5% of regional GDP and 22% of all government spending[1]. The first world "five" leaders of energy subsidies – Kuwait, Iran, Saudi Arabia, Qatar, Egypt[2]. By distorting price ratios, subsidies not only lead to energy waste (in Qatar, for example, electricity is released to the indigenous population for free), but also completely eliminate the possibility of investing not only in RES, but also in traditional energy, contribute to smuggling and even the deficit of subsidized energy sources, negatively affect the economic growth. Unless appropriate measures are taken, Kuwait, for example, may soon, by some estimates, cease to be an oil exporter.

The authorities awareness of the negative impact of subsidies on basic macroeconomic indicators has generated a wave of slow and "dosed" reform in the countries of the region.

---

[1] Subsidies Reform in MENA., P. 5 / https: //www.imf.org/external/ns/es.aspx? Id = 276

[2] Ibid.

Table 1

Reform of energy subsidies in the Middle East and North Africa

Country	Recent measures	Basic mitigation measures	Next steps
Egypt	2012–2013: prices for petrol with octane number 95 for expensive cars increased by 112 percent; for fuel oil for non-energy-intensive industries – by 33 percent and for energy-intensive industries by 50 percent. January 2013: Electricity prices for households increased by an average of 16 percent, natural gas and fuel oil prices for electricity generation rose by a third. July 2014: prices for fuel and natural gas increased by 40-78 percent; tariffs for electricity increased by 20-50 percent.	Refusal to change tariffs for electricity for the category with the lowest consumption. Expand the coverage of social security for a larger number of households.	Completion of the distribution of smart cards. Expansion of priority social programs and targeted cash transfers.
Jordan	June 2012: increase of electricity tariffs in certain sectors (banks, telecommunications, hotels, extractive industries) and for large national corporations and households. November 2012: refusal of subsidies for fuel. January 2013: The mechanism for monthly adjustment of fuel prices was restored. August 2013 and January 2014: for certain groups of consumers, electricity tariffs increased by 7.5-15 percent.	Monetary transfers to families with incomes below a certain level (70 percent of the population), if oil prices rise above $100.	Gradual increase in electricity tariffs and development of new energy sources with lower generation costs.
Yemen	2011–2012: gasoline prices increased by 66 percent, and prices for diesel fuel and kerosene doubled. 2013: Unified prices for diesel fuel for all consumers, including in the electricity generation sector, were introduced. June 2014: private sector companies are allowed to directly import diesel fuel for their own needs at world prices.	The coverage of the Social Welfare Fund (FSB) has increased by another 500,000 families.	Further reduction of energy subsidies due to a gradual increase in fuel prices. Strengthening support through the expansion of the FSB.

Country	Recent measures	Basic mitigation measures	Next steps
Mauritania	May 2012: a new formula for the automatic setting of prices for diesel fuel was introduced, which ensured bringing domestic prices for fuel to international levels. January 2012: tariffs for electricity for the service sector were increased.	Gradual reorientation of social protection systems to targeted remittance programs.	Ensure the automatic application of the pricing formula for diesel fuel. Elimination of subsidies for electricity and gas. Formation of a nationwide money transfer program.
Morocco	June 2012: Diesel prices increased by 14 percent, gasoline by 20 percent, and industrial fuel by 27 percent. September 2013: the introduction of a mechanism for the partial indexation of certain petroleum products. As a result, diesel fuel prices increased by 8.5 percent, gasoline by 4.8 percent, and industrial fuel by 14.2 percent. January 2014: abolition of subsidies for gasoline and industrial fuels, their prices are revised twice a month. February 2014: subsidies for diesel fuel per unit of output were reduced with an additional quarterly reduction announced before the end of 2014.	Gradual strengthening of existing social protection systems and their targeting to vulnerable groups through improved education, health care and assistance to poor widows and disabled people. Support of public transport.	Continue the comprehensive reform of subsidies in combination with cash transfers and other social assistance programs.
Sudan	June 2012: prices for gasoline, diesel and liquefied petroleum gas increased by 47 percent, 23 percent and 15 percent, respectively; liberalization of prices for aviation fuel. September 2013: diesel fuel prices increased by 74.7 percent, gasoline – by 68.0 percent, and by liquefied petroleum gas – by 66.7 percent.	Wages in the public sector increased by about 100 Sudanese pounds; a monthly distribution of grants of 150 Sudanese pounds to some 500,000 poor urban families; reduction in health insurance contributions for some 500,000 poor families; as well as the cancellation of school fees and the use of transport for the disabled population.	Gradual abolition of other subsidies for petroleum products and other basic products, while strengthening social protection systems at the expense of higher social costs and a more coherent and more targeted social network.

Country	Recent measures	Basic mitigation measures	Next steps
Tunisia	September 2012: prices for gasoline and diesel fuel and electricity tariffs increased by an average of 7 percent. March 2013: further increase in prices by 7–8 percent on average for the same products.	The introduction of an additional electricity tariff for vital needs for households consuming less than 100 kWh per month. Formation of a new social housing program for those in need.	Gradual abolition of energy subsidies due to increased tariffs for electricity and fuel prices. Introduction of a new strategy of targeted support for households.

Source: Subsidies Reform in MENA., P. 5 / http: //www.imf.org/external/ns/es.aspx? Id = 276

Meanwhile, in line with the ongoing trend of energy-intensive economic growth, the annual increase in energy consumption in the region will be 7% in 2015–2040[3]. Its provision will require an annual investment of $30 billion, and their share in GDP will increase steadily, as the main source of regional GDP – energy exports is stagnate or even reduced in primary energy exports.

The development of alternative energy (RES and NPP) is the only way to avoid the "energy curse" of this region abounding in the cheapest energy resources. The conditions for this are exceptionally favorable: the region accounts for 26% of the solar energy reaching the surface of the Earth[4]. One square kilometer of the territory receives radiant energy equivalent to 2 million barrels of oil a year. The total wind potential of the region is also the largest in the world. Morocco, Egypt and Tunisia are leading the world to the potential of wind energy[5].

Changing economic and political conditions in the region opened the door for investment in RES (including foreign ones). ExxonMobil estimates that in the period 2015–2025 they amount to $16 billion (64% of all investments in the regional energy sector)[6]. The generation of electricity from RES for this period should increase by 127%, while from oil – by 14%, from gas – by 26%, the total electricity generation will increase by 21%[7].

In Saudi Arabia, accelerated development of RES is primarily a means of avoiding catastrophic consequences for the trade balance in the near future. Currently, from production of 12 million barrels of oil daily, 3 million barrels are spent on generating electricity, and 9 million barrels are exported[8]. By 2030, the country will need 7 million barrels of electricity for demographic and economic growth, given that the production level will be 14 million barrels, and

[3] World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 415.

[4] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future (access date 15.01.2018).

[5] Ibid.

[6] Outlook for Energy ExxonMobil corporate.exxonmobil.com/en/energy/energy-outlook

[7] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future (access date 15.01.2018).

[8] Ibid.

an increase of 2 million barrels will require an additional investment of 6 billion dollars[9]. The export of oil, therefore, will be reduced by 22%, and the revenue part of the state budget – by 19%[10]. To avoid such a scenario, the government began to take vigorous measures under the auspices of a specially created state agency (KA CARE) with great powers. The Agency has set truly revolutionary tasks: by 2036 to increase the share of electricity from non-carbon sources to 50% (35% – helio, 5% – wind, 8% – nuclear, 2% – other)[11]. This plan has acquired a real economic basis after a threefold fall in the price of oil in 2014, a twofold reduction in capital expenditures in alternative energy in 2010–2015 and decisive measures to liberalize the domestic energy market.

The energy situation in Jordan is directly opposite to the situation in Saudi Arabia, but its positive development also requires accelerated implementation of renewable energy sources. Jordan imports 96% of the energy consumed, 80% of which comes from Egypt via the Trans-Arab gas pipeline. In the context of recent political developments in the region, supplies were extremely volatile, which led to frequent blackouts with the need for alternative purchases of expensive diesel fuel for power plants.

Unlike other countries in the region, Jordan has no problem with domestic pricing, so the country was the first in the Middle East to introduce a "green" tariff. This circumstance, coupled with the high cost of fossil fuels, makes the country attractive for investors. Jordan has embarked on the development of a five-billion grant (from Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Qatar, Kuwait and the World Bank) for large-scale construction of renewable energy facilities. According to government plans, by 2020, 10% of the country's electricity will be produced from renewable sources, and in the longer term – 100%. All new capacities will function exclusively on the basis of RES[12].

The situation in Morocco is similar to the situation in Jordan. The country imports 95% of the energy consumed. Energy imports account for half of all import costs, and the trade deficit has exceeded one-third of GDP.

Morocco ranks first in the world in terms of growth rates in renewable energy and investment in renewable energy sources per capita. RES share in the energy consumption should reach 40% by 2032 g of[13]. The country is completing the construction of the world's largest solar power plant worth 9 billion dollars. The investment is exclusively foreign because Morocco is an active participant in the international project “Desertec”, which includes increasing exports to Europe of electricity generated at numerous solar stations in the Sahara. In addition to increasing satisfaction of its own electricity needs, Morocco, almost completely

[9] A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf .

[10] Ibid.

[11] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future (access date 15.01.2018).

[12] Ibid.

[13] Ibid.

deprived of other energy resources, intends to become its exporter. In addition to solar energy, Morocco is increasing (also the world's highest rates) the capacity of wind power. In terms of wind generation, this small country is the 11th in the world.

In the UAE, 80% of electricity is generated from imported Qatar natural gas through the Dolphin pipeline, which frees up additional oil for export at world prices (which are six times higher than domestic ones). Therefore, renewable energy sources are experiencing serious competition from cheap gas from the neighboring state. Nevertheless, all emirates lay the advanced rates of development of power generation on the basis of renewable energy in the long-term plans. In Abu Dhabi, where 90% of the Federation's oil reserves are concentrated, it is planned to increase the share of renewable energy in the energy balance to 7% by 2020, and in Dubai, where oil ended in 2015, to 5% by 2030[14]. The emphasis here is on the widespread introduction of autonomous solar panels in private households, which will make it possible not to increase subsidized tariffs and not offset the comparative advantages of local power-intensive industries (aluminum smelting, cement production, electrochemistry).

Kuwait, like Saudi Arabia, seeks to free up the maximum oil for export. For electricity generation country consumes 350 thousand Barrels of 3 Mill. Barrels of oil produced[15]. Emir of Kuwait set the task to bring the proportion of renewable energy in electricity generation to 15% by 2030, at which will give further 12.5 Mill. Barrels exported annually (approximately 0.8 bln. US$ at price of $60 per barrel)[16]. Almost all "clean" electricity will be produced, beginning in 2020, in the world's first energy eco-park "Shagaya" with a total installed capacity of 2 GW. (approximately – the Bratsk Hydroelectric Power Station).

Qatar, which owns 15% of the world’s natural gas reserves (the cheapest in the world) and is the world’s largest producer and exporter of LNG, finds it economically beneficial to develop RES. In 2018 the construction of the world’s largest solar power station (twice as powerful as the current largest solar station in Morocco) is being completed, and $20 billion has been invested in its construction, which will increase the share of RE in power generation to just 16%, with the prospect of raising to 20% by 2024[17].

For Tunisia, proximity to Europe, association with the EU and pro-Western policies is a decisive incentive for European investments in RES with the prospect of exporting electricity under the “Desertec” program. By 2030, it is planned to increase the share of RES in the generation of electrical energy to 40%[18].

[14] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future (access date 15.01.2018).

[15] A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf .

[16] Ibid.

[17] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future (access date 15.01.2018).

[18] Ibid.

The size of investment in RES in Israel is second only to Morocco in the region. Imports of energy carriers to this country, almost completely devoid of them and located in an unfriendly environment, is possible only through the Mediterranean and from extremely remote (non-Muslim) countries. Israel already has a leading position on autonomous power supply for private households from renewable energy sources, for technical innovations in solar energy, but against the background of large total electricity production, the share of RES in its generation is still relatively low – only 10% is expected by 2020[19].

Iran, which generates 40% of the electricity in the Gulf region, provides its needs by own production only 90%[20]. The country faces the task of accelerating the growth of the electric power industry. Possessing huge reserves of all fuel resources, Iran in its long-term plans gives preference to RES. Natural prerequisites for their development are exceptionally favorable: according to the total year-round solar radiation and the availability of cheap undeveloped desert areas necessary for the construction of large "farms", Iran is not inferior to the Arabian countries.

Iran managed to attract multibillion-dollar foreign investment for the implementation of large-scale solar energy projects. The input capacity will be included in the emerging unified energy system of Iran, Armenia, Georgia, Azerbaijan and Russia to cover peak loads. The share of solar power stations in the total power generation will grow from zero in 2014 to 7% by 2024[21].

In Turkey, the fuel and energy balance is 90% carbon and at the same time 82% is formed on the basis of imported fuel[22]. Electricity generation in 2013 was 73% carbon, 25% was provided by hydroelectric power stations and only 2% – new RES[23]. Such a structure of energy balance and a high degree of dependence on energy imports is dangerous for sustainable economic development, which dictates the need for faster development of alternative energy sources. In the same direction, the country is being pushed by the EU requirements, the candidate for entry into which it is, on bringing in compliance with the norms of this organization the volumes of carbon dioxide emissions, the level of energy efficiency, the transfer of transport for electricity, energy legislation and tariff policy. Therefore, priority is given to the development of renewable energy in national energy programs. By 2023 Turkey intends to reduce the proportion of 50% FCS in the structure of the power generation, increase to 27% HPP fraction and up to 23% – RES share[24]. The capacity of the HPP for 2013–2023 will increase

[19] Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/.../the%20future (access date 15.01.2018).

[20] Renewable Energy in Iran www.satba.gov.ir/suna_content/media/.../5196_orig.pdf?t ... (access date 12/01/2018)

[21] Ibid.

[22] National Renewable Energy Action Plan for Turkey www.ebrd.com/.../turkey-national-renewable-energy-action (access date 11/01/2018)

[23] Ibid.

[24] Ibid.

by 53%, wind power – by 625%, geothermal – by 223%, biomass energy – by 346%[25]. Solar energy will develop from the ground up and by 2023 its capacity will amount to a quarter of wind power capacity[26].

An analysis of the current state of alternative energy in the MENA leads to the conclusion that RES is not only a decisive direction in achieving economic and environmental security in the region, but also a significant factor in future economic growth. The development of RE promotes the optimal use of specific local natural conditions and "comparative advantages", involves the territories that were not used earlier, provides for their settlement, creates new jobs and markets and expands the region's export potential.

References

1. A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp…/01/MEP-6.pdf.
2. National Renewable Energy Action Plan for Turkey www.ebrd.com/…/turkey-national-renewable-energy-action-…
3. Outlook for Energy ExxonMobil corporate.exxonmobil.com/en/energy/energy-outlook
4. Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., 2
5. Renewable Energy in Iran www.satba.gov.ir/suna_content/media/…/5196_orig.pdf?t…
6. Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenenergypipeline.com/…/the%20future%20for%20r…
7. Subsidies Reform in MENA., p.5/https://www.imf.org/external/ns/es.aspx?id=276 Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017. 8. World Energy Outlook 2016. IEA, P., 2017.

[25] National Renewable Energy Action Plan for Turkey www.ebrd.com/.../turkey-national-renewable-energy-action(access date 11/01/2018)

[26] Ibid.

*Alekseeva Elizaveta**

Changing of Food Demand in the People's Republic of China

The People's Republic of China's health and the functional food market began to form during the 1980s. On the one hand, the key issue was a growing environmental problem; on the other hand, there was a need for food for specific health purposes, such as providing the human body with macro and micronutrients, supporting health and wellness[1].

The market boomed after a series of food safety scandals, which made Chinese consumers pay more attention to import health and functional food. In general, Chinese consumers consider import food safer and healthier for consumption. At least 86% of consumers begin to pay special attention to the quality of food, first of all, Chinese avoid artificial additives, and a quarter of consumers is ready to pay more for products that did not artificial ingredients at all, and almost 30% of consumers prefer buying organic products[2].

Nowadays, Chinese consumers spend 40% –45% of the food budget on organic food, in conjunction with 90% in Europe[3]. Today one of the promising ways for trade with China is premium segment health food supplying, to illustrate this suggestion, food import to China has increased at least by 20% for past five years. The domestic health food market that includes organic food, health food and functional food, is growing rapidly, the market size was about 200 million USD in 2009[4], in 2012 the sales reached 280 billion yuan, in 2013 the average annual sales amounted to 500 billion yuan[5], the market size has reached 1 trillion USD in 2016[6], the relevant literature suggests that by 2018 Chinese market is going to be the largest market for imported health food[7]. The market growth key role in increasing level of health awareness and rise in living standards[8].

* *Alekseeva Elizaveta*. Oriental University, Moscow

[1] China's Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017)

[2] Focus on New Food Habits and Consumption in China. [Электронный ресурс] // Gentlemen Marketing Agency. URL: http://marketingtochina.com/new-food-trends-chinese-consumers/ (Дата обращения 20 апреля 2017)

[3] Бизнес с Китаем: Продукты питания для Китая: [Электронный ресурс.] // Экспертный блог. URL: http://www.savkinks.ru/biznes-s-kitaem-food.htm (Дата обращения 24 апреля 2017).

[4] Organic Food Products in China: Market Overview. (Technical paper). // International Trade Centre (ITC).: – 2011.

[5] Фу Ж. Исследование рынка продуктов здорового питания Китая [Текст] / Ж. Фу, А. А. Напалкова // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 4 (4). – С. 449–455. – ISSN2413–3981.

[6] China's Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017)

[7] Бизнес с Китаем: [Электронный ресурс.] // VectorExpo. URL: http://vectorexpo.ru/files/kp_2017_bez_cen.pdf (Дата обращения: 05 мая 2017)

[8] Marianna Cerini. How China Is Becoming The World's Largest Market For Healthy Eating. [Электронный

Growth potential in Chinese health food market creates plenty of opportunities for new foreign players, Chinese organic agriculture and Chinese food industry[9].

Changing of food habits in China

The Analysis of Chana's food demand by Australian Department of Agriculture, Fisheries and Forestry forecasts[10] suggests that Chinese food pyramid is gradually approaching the Western diet. The consumption of beef, dairy products, vegetables and fruits is increasing, while the consumption of root crops and tubers is decreasing.

Chinese consumers believe that Western health diet includes salt and fat consumption control, macro and micronutrients consumption control, eating a lot of dairy products, fresh vegetables and fruits[11], is the best way to encourage the healthy, balanced lifestyle.

Chinese health food's key requirement is to strengthen the immune system, blood sugar control, maintaining beauty. The Chinese population is becoming ageing population[12], functional food and health foods for the elderly become one of the mainstream of Chinese market.

Key factors of choice of healthy foods are following:

Food safety

Not fewer than 85%[13] of Chinese consumers pay attention to food safety. Growth in household incomes and rise in living standards also strange this trend.

Health food

Chinese consumers more and more encourage the Western healthy lifestyle. The most attractive niches are following:

- No food supplements
- Organic ingredients
- Low-calorie food
- Weight loss food

ресурс] // Forbes. URL: https://www.forbes.com/sites/mariannacerini/2016/03/31/how-china-is-becoming-the-worlds-largest-market-for-healthy-eating/#4e5c42985439 (Дата обращения 11 апреля 2017)

[9] China's Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017)

[10] Patrick Hamshere, Yu Sheng, Brian Moir, Faraz Syed and Caroline Gunning-Trant. What China wants Analysis of China's food demand to 2050. // Research by the Australian Bureau of Agricultural and Resource Economics and Sciences.

[11] Рациональное питание: [Электронный ресурс.] // ГАУЗ СО «Свердловский областной центр медицинской профилактики». URL: http://www.medprofural.ru/Racionalnoe-pitanie (Дата обращения 11 мая 2017).

[12] China's Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017)

[13] Focus on New Food Habits and Consumption in China. [Электронный ресурс] // Gentlemen Marketing Agency. URL: http://marketingtochina.com/new-food-trends-chinese-consumers/ (Дата обращения 20 апреля 2017)

Organic food

More than 30% of consumers in cities of the 1st and 2nd row accept higher prices for organic food.

Information

A significant number of people pay attention to the packaging of the product. 88% of consumers check the production date, the expiry date. 67% of consumers also look at the ingredients and nutritional information.

Imported food

More than 80% of consumers regularly buy imported food, first of all, baby food.

International food and traditional food

At least 53% of Chinese consumers are ready to try traditional food and more than 80% of consumers enjoy eating international food.

Sports drink and food

Sport is becoming more and more popular in China; sports drinks are becoming popular as well.

The main segments of Chinese health food market

Organic food

Organic food is becoming more popular in China due to food safety aspect. Organic food is also popular with lead eco-friendly lives group of consumers.

Organic food prices are much higher than the average prices. Comparison of average prices for food[14] and average prices for organic food is presented in Table 1.

Table 1

Comparison of average prices for food and average prices for organic food

Item	Unit	Non-organic	Organic	Deviation
Fruits				331,8
Apples	Kg	12	55	458,3
Bananas	Kg	11,2	23	205,4
Grain products				407,1
Rise	Kg	6,3	25	396,8
Wheat flour (high-gluten)	Kg	6,3	28	444,4

[14] Национальное бюро статистики КНР. [Электронный ресурс] // Национальное бюро статистики КНР. URL: http://data.stats.gov.cn/english/swf.htm?m=turnto&id=139 (Дата обращения 7 мая 2017)

Item	Unit	Non-organic	Organic	Deviation
Wheat flour	Kg	5	19	380,0
Soy products				781,3
Tofu	Kg	4,8	37,5	781,3
Edible oils				440,2
Peanut	1	27	192	711,1
Soy	1	10	32,8	328,0
Rapeseed	1	14	39,4	281,4
Meat and meat products				299,9
Pork	Kg	28	92	328,6
Bacon	Kg	29,5	90	305,1
Beef	Kg	66,9	178	266,1
Fowl				620,8
Chicken	Kg	21,5	131,1	609,8
Chicken (breast)	Kg	19,5	86,7	444,6
Duck	Kg	17,7	143	807,9
Eggs				400,0
Chicken eggs	Kg	7,6	30,4	400,0
Свежие овощи				736,9
Napa cabbage	Kg	2,6	28,7	1103,8
Celery	Kg	4,9	28,5	581,6
Cucumbers	Kg	5,5	55	1000,0
Tomato	Kg	7,1	60	845,1
Green bean	Kg	10,9	28	256,9
Potato	Kg	8,2	52	634,1

Sources: The National Bureau of Statistics of the People's Republic of China, Epermarket, City Shop, Lee's Mum.

The organic food's prices can exceed the similar non-organic food in 3–7 times, organic soy products' deviation is the largest, as soy products are considered one of the most well-being product.

The most popular organic food in China (both imported food and produced in China):

- Grain Rice, various legumes and pulses, peanuts, wheat, buckwheat, corn, etc.
- Beans Mung bean, kidney bean, etc.
- Vegetable oil Soybean, canola, flax, sunflower seeds, pumpkin seeds, etc.
- Vegetables All kinds of leafy vegetables, tuberous root vegetables, tuberous plant vegetables, fruit vegetables, garlic, ginger, bamboo shoots (mostly wild harvest), mushrooms (both from cultivation and wild harvest), etc.

- Fruits Apples, pears, strawberries, blueberries, peaches, jujube, grapes, etc.
- Tea Green tea, black tea, herbal tea, Puer Tea, Wuloon Tea, etc.
- Textiles Cotton, silk, flax, etc.
- Medicinal herbs Ginseng, various Chinese medicinal herbs (both from cultivation and wild harvest), etc.
- Livestock Meat, eggs and dairy products, etc.
- Aquaculture Fish, shrimp, crab, etc.
- Processed foods Frozen vegetables, dried fruits, can vegetables and fruits, etc.

The origin of organic products is of less importance then guarantee of its safety in China.

Health food and functional food

According to the Chinese classifications, there are three groups of health food:

Traditional health food: This refers to products which are prepared using traditional Chinese methods based on the concept of regulation and balance in traditional Chinese medicine.

Modern health food: This refers to health products, which use nutrients or supplements as major ingredients.

Functional health food: These products include those used for specific health purposes, such as nourishing the heart and the liver, improving sleep or facilitating digestion.

The Nielsen's Global Health & Wellness Survey suggests that the major factors of choice health foods in China are[15]:

1. No artificial colours – 49% of respondents;
2. No GMO – 49%;
3. No artificial flavours – 48%;
4. Only natural ingredients – 45%;
5. High content of vegetables and fruits – 36%;
6. Organic ingredients – 39%.

The most important nutritional information is[16]:

1. Low salt content – 36%
2. Low cholesterol content – 35%
3. High fibre – 32% of respondents;
4. High protein – 31%;
5. Low sugar – 29%
6. Whole-grain – 28%;
7. Locally produced – 28%;

[15] Sue Feng. Growing Chinese Health Awareness Could Mean Big Business for Manufacturers. [Электронный ресурс] // Nielsen. URL: http://www.nielsen.com/cn/en/press-room/2015/GROWING-CHINESE-HEALTH-AWARENESS-COULD-MEAN-BIG-BUSINESS-FOR-MANUFACTURERS-en.html (Дата обращения 2 мая 2017)

[16] Ibid.

Food with probiotic is also very popular. Last years, more and more Chinese consumers are looking for natural and non-medicinal ways to maintain their health, and food with probiotic become the most popular solution.

On the basis of our data, we would assume that the Western diet has a bigger influence on Chinese consumers than traditional Chinese dietology, and it is true for consumers, who have just begun to keep to the healthy lifestyle rules. Traditional Chinese Medicine (TCM) still has a strong influence on the Chinese consumer, it is popular with consumers of all age groups and is particularly popular with the educated persons, who have experience with Western medicine and Western diet. This group is fully aware of side effects of the Western medicine, which was exactly why they prefer TCM in general and Chinese diet in particular. More than 55% of consumers (large cities) and 35% of consumers (small towns) take into account the recommendations of TCM when choosing health food. The others prefer Western medicine and diet[17].

The main groups of consumers

The main health food consumers are mainly live in Beijing, Shanghai, Guangdong and other economically developed regions. There are higher consumption level and fuller awareness of health food[18].

Health food is quite expensive compared to usual food, and a large part of the population remains sensitive to the price of food, from this point of view, the major consumers are people with high incomes. As regards young people, western lifestyle also has an influence on food choice.

According to motivation and consumption behaviour, it is possible to divide health food consumers in China into the following groups[19]:

White collar families

40% of total sales. The group is interested in both health aspect and ecological problems.

Customers with young children

This group has a market share of about 10%. They buy health food for their children, and as a baby is growing up, their consumption is dropping down.

---

[17] Capturing a Share of China's Consumer Health Market. [Электронный ресурс] // BCG Perspectives. URL: https://www.bcgperspectives.com/content/articles/center_consumer_customer_insight_globalization_insight_action_capturing_share_chinas_consumer_health_market/?chapter=2#chapter2 (Дата обращения 02 мая 2017)

[18] Фу Ж. Исследование рынка продуктов здорового питания Китая [Текст] / Ж. Фу, А. А. Напалкова // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 4 (4). – С. 449–455. – ISSN2413–3981.

[19] Organic Food Products in China: Market Overview. (Technical paper). // International Trade Centre (ITC).: – 2011.

Customers with health issues

About 10% of the total sales. The major health problems are high levels of blood pressure, cholesterol or blood sugar, or heart disease. These people are looking for ways to strengthen health.

Overseas returnees

About 5% of sales. They were exposed to western lifestyles. It is likely this group is the most rapidly expanding.

Customers from Chinese Taipei and Hong Kong (China)

About 5% of the market share. This group is concerned about recent food scandals in China and they are looking for food safety guarantees.

Government officials

About 10% of the market share. They receive various bonuses or benefits, some government offices have introduced organic food as a bonus for their employees.

Young people

This group is estimated at about 3% of sales. They have been exposed to new ideas and concepts, including healthy and environmentally friendly lifestyles. They are likely to buy from direct sales, especially from producers.

Foreigners living in China

Comprising around 7% of the market, they shop from speciality shops, supermarkets, and direct sales. This group of consumers is mainly from Europe, North America, Japan and the Republic of Korea.

The above 8 groups account for about 90% of the organic market. The other 10% is made by HoReCa.

Living standards increase leads to the growth of premium food segment. The main groups of premium food are[20]:

- Western delicacies: caviar, truffles, expensive cheeses
- Chinese delicacies: swallow nests, mushtuce mushrooms, fermented eggs
- Health food, which prices can exceed the average prices from three to seven times.

Despite the Programme for Food and Nutrition Development in China (2014–2020), with aimed to meet growing domestic demand through national production, there are groups of imported food that are always popular in China, they are[21]:

- Delicacies
- Baby food

[20] China's Health Food Market. [Электронный ресурс] // HRTDC Reeasrch. URL: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/China-Consumer-Market/China-s-Health-Food-Market/ccm/en/1/1X3AYEP5/1X002L54.htm (Дата обращения 19 апреля 2017)

[21] Organic Food Products in China: Market Overview. (Technical paper). // International Trade Centre (ITC).: – 2011.

- Dairy
- Fresh tropical fruits
- Dried fruits
- Nuts
- Spices
- Cereals
- Honey
- Coffee, etc.

There is a group of products that will be in demand in China, regardless of the domestic supply, for example, products that are specific to the growing conditions, uniqueness at the expense of the region of production (national delicacies) or a long harvest period (cocoa plantation). Given the changes in consumer behavior, in China such categories of products will be used over time with increasing popularity, and their health benefits or organic origin will be a significant plus for both producers and consumers. Such goods include:

- Delicacies
- Baby food
- Dairy
- Fresh tropical fruits
- Dried fruits
- Nuts
- Spices
- Cereals
- Honey
- Coffee, etc.

Companies, which plans to work in the Chinese health food market can take into consideration the following recommendations:

- First, focus on value-added products (delicacies, baby food, dairy products).
- Second, support the development of the brand according to a unique product (a unique place of production, delicacy, etc.).
- Third, obtain organic certificates.
- Fourth, develop a premium brand (packaging, information support, price, etc.).
- Fifth, direct cooperation with specialized stores, specialized online stores and large supermarkets.

*Ledovskaya Olga, Ustinova Taisiya**

Development of cultural relations between Japan and Turkey

Abstract: This article deals with the basic steps and forms of cultural interaction between Japan and Turkey. Diplomatic relations between them have gone through particular historical periods characterized by way of development and revitalization, stagnation and the recovery. An important tool for promoting the development of Japanese-Turkish cooperation was "cultural diplomacy" of Japan. The main directions of cultural diplomacy include dissemination of information about Japan, about traditional and modern culture, measures to promote the Japanese language, organizing scientific exchanges as well as cooperation with international organizations in the field of culture.

Keywords: Japanese-Turkish relations, strategic partnership, cultural diplomacy, "soft power".

Diplomatic Relations

Modern diplomatic relations between Japan and Turkey were installed in August 1924, when Japan recognized the Republic of Turkey. During the following year Japan first, and then Turkey opened Embassies in their countries. However, 20 years later, in January 1945 Turkey broke off its relations with Japan, and in February of the same year declared war on Japan and Germany. After the end of the Second World war Turkey reopened its Embassy in Japan in 1952 and a year later Japan opened its Embassy in Turkey. In 1965 the Consulate of Japan in Istanbul was opened, which acquired the status of General Consulate in 1972. The evolution of Japanese-Turkish relations has been marked by periods of intensification, stagnation and the recovery. Each of them was characterized by its own specific features of domestic and international situation as well as by the factors that determine the overall situation in the world. Since the establishment of diplomatic relations between Japan and Turkey after the signing of the bilateral Treaty of Lausanne in 1923 the parties have shown the desire to develop mutually beneficial relationships and contacts that objectively were required in accordance with the interests of both countries.

Despite this, the development of bilateral relations has been very slow and uneven and as a result, over the past decade, relations between the two countries in the economic, political and cultural fields have not reached the level which in full would be consistent with the importance of each of these countries, their potential and their position in the world. Political relations between the two countries noticeably lagged behind economic, that both sides sought to change. At the end of the 20th century Japanese-Turkish relations entered a new stage of cooperation. Both states with the end of bipolar confrontation have searched

* *Olga Ledovskaya* – Ph.d.(History), a fellow researcher at the Center for Studies of Common Problems of Modern East IOS RAS

Taisiya Ustinova – a fellow researcher at the Center for Studies of Common Problems of Modern East IOS RAS

for the way to strengthen their role on the international scene. The increase in the number of visits on high and the highest levels between the two countries testified to the upgrading of Turkey among Japanese foreign partners.

Turkey was interested in expanding its influence and sought to stabilize relations not only with its neighbours, but also with distant foreign countries, including Japan. Strengthening of the Japanese-Turkish cooperation was backed by the United States though Japanese-American political-military alliance remained the cornerstone of Japan's foreign policy. Nevertheless, it is clear that, in addition to the geopolitical interests of the United States, there was an objective requirement for the two countries to develop bilateral relations. As noted by Japanese researcher A. Higashino, "It remains unchanged that the core of Japanese foreign policy is the US-Japan alliance, but partnerships with other countries have also been actively sought for years in order to widen the scope and potential of Japan's foreign policy. In this context, Turkey has frequently been mentioned as one of the most promising candidates for such a partnership, especially considering its deep knowledge of and expertise in the workings of the Middle East and Central Asia"[1].

It should be noted that most actively the relations between the two countries began to develop after the year 1980, when mutual visits of official and influential persons of the two states intensified. Contacts in the field of economy and culture expanded. This was due to the visit to Japan of the Prime Minister of Turkey, T. Ozal in 1985, and the visit to Turkey in the 1983 of the Foreign Minister of Japan S. Abe. In this connection, we should also mention visits to Turkey of members of the imperial family in 1988. Mutual visits at the level of Foreign Ministers, representatives of business circles particularly intensified in the 90s of the twentieth century.

Some experts point out that "the fact of the small number of bilateral treaties and agreements between the two countries suggests that the texts of formal agreements were developed and designed in such a way that they maximize to regulate effectively the relations between the two countries and diplomatic circles of both countries obtain responsible attitude towards instruments for governing and supporting the relationship between countries"[2].

In order to strengthen the interaction between the two countries the plan for mutual cooperation was developed and adopted in April 2000 under the name "the Japanese-Turkish Joint Action Plan". In accordance with it Japan and Turkey in 21-st century intend to develop and diversify their activities in the political, economic and cultural spheres within the framework of political consultations between the Foreign Ministers of the two countries.

Positive changes in bilateral political relations were furthered by increased number of high-level visits over the last years. In May, 2013. during the visit of the Prime Minister of Japan Sh. Abe to Turkey "A Joint Declaration on

[1] http://foreignpolicynews.org/2014/11/18/turkey-japan-relations-images-reality/

[2] http://globkazan.narod.ru/2003/a10.htm

The Establishment Of Strategic Partnership Between Japan and the Republic of Turkey" was signed, thus "upgrading the level of cooperation to mutually beneficial strategic partnership to promote common interests of both countries through bilateral and multilateral cooperation"[3]. The main aim of the Declaration was to inject a new quality of bilateral cooperation in political, economic, scientific, technical, cultural, humanitarian, etc. areas.

Cultural diplomacy as an instrument of "soft power,"

Japan is a country which has rejected the use of military force in resolving international disputes because of constitutional restrictions as well as using economic sanctions and relies on "soft power", which includes traditional and contemporary culture, business, innovation, and some other aspects. An important instrument for projecting "soft power" is cultural and public diplomacy. In Japan, these two concepts are closely related. In the Foreign Ministry's documents they are marked as "a public cultural diplomacy" (*coho bunka gaiko*). According to Prof. Kondo, the Japanese, by their nature, tend to represent their own system of values, which is a resource of "soft power", rather indirectly, through artistic expression or creativity than directly in the form of words and ideas[4]. Therefore, cultural diplomacy is of special importance for the understanding the policy of "soft power" of Japan.

The main directions of cultural diplomacy include dissemination of information about Japan, its traditional and modern culture, as well as arrangements for promotion of the Japanese language, organizing educational and scientific exchanges and cooperation with international organizations in the field of culture.

"A Century of Friendship between Japan and Turkey"

The cultural interaction between Japan and Turkey as a whole can be divided into projects at the governmental level, and non-governmental projects that are realized by public organizations. Typically, major cultural events were timed to coincide with visits of officials and politicians of the two countries. In particular, in 1988, during the visit of the Prince and the Princess Mikasa in Turkey there was held "a week of Japanese culture" in Ankara, which included15 events. This visit served as the beginning of annual various cultural programs in Turkey in order to familiarize residents with the culture and traditions of Japan. In the presence of the Turkish President S. Demirel, and the Prince and the Princess Mikasa Tomahito there was opened the cultural center of the Turkish-Japanese Foundation in Ankara, which became not only a base for cultural exchanges, but also contributed to a variety of exchange programs between the two countries in other areas of cooperation. In this connection, it should be noted that since 1980 various activities and cultural events both in Japan and Turkey were initiated and the "century of friendship" was declared between the two countries.

---

[3] www.mofa.go.jp/files/00004160.pdf4

[4] S. Kondo. Wielding soft power: the key stages of transmission and reception. //Soft power superpowers. Cultural and national assets of Japan and the United States. New York. 2008. P. 194.

In 1985 Turkey organized in Tsukava an international exhibition, in the same year an exhibition dedicated to the development of civilization in Turkey was held in Japan. In 1988 the treasures of Turkish Palace Tolkapi were demonstrated in many cities of Japan.

Regarding the export of Japanese culture, it is important to highligt the role of the Japan Foundation, which has been responsible for the promotion of international cultural exchanges of Japan since 1972. In 2003 the Foundation obtained the status of administrative organization, independent from the Japanese Foreign Ministry, while 82% budget of which falls on state subsidies from the Ministry of Foreign Affairs[5]. In May 1998 the Turkish-Japanese cultural center, headed by a Turkish Professor T. Sadiktar was opened in Ankara. The opening ceremony was attended by the then Turkish President S. Demirel and the Japanese Prince Tomohito. The cultural center regularly hosts various cultural events. At the same time the center operates as a platform for various kinds of bilateral exchange.

In 2003 Japan hosted the "Year of Turkey" in the frame of which more than 100 events: exhibitions, concerts, folkloric performances were held in different Japanese cities. In 2010, Turkey hosted the "Year of Japan" under the slogan "Turkey and Japan are closer than ever." Among more than 189 major events in the cities Izmir, Mersin, Ankara, Safranbolu, Kaman, etc. we should mention "the week of Japanese films", demonstration of Japanese kimonos and concerts of Japanese drummers. According to both parties, these events demonstrated the need for the development of cultural co-operation and exchange of delegations at different levels in order to strengthen the strategic partnership[6].

2014 and 2015 years were marked by two memorable dates in Turkish-Japanese relations, which were commemorated in both countries: in 2014 – 90 years since the establishment of diplomatic relations between Japan and Turkey, in 2015 – 125th anniversary of the tragic disaster of the Ertuğrul Frigate. In 1890 Ottoman Sultan Abdulhamid II send a medal with the Frigate commanded by Osman Pasha to be delivered to the Japanese Emperor Mikado. On its return trip the Ertugrul Frigate, carrying the Turkish delegation on board, crashed during a storm and sank off the coast of Japan. More than 600 sailors died, but just 69 of them were rescued by the local Japanese and were taken to their homeland by Japanese ships. According to a statement from the former Prime Minister of Turkey A. Davutoglu, "This historical fact is very valuable for Turkey and reflects the sincerity of relations between our nations[7]. " In this regard, in 2013 there was reached an agreement between the two countries on the shooting of a joint film about the tragedy and the friendship between Turkey and Japan after the event. In December 2015 the joint film "Shipwreck 1890" («Ertuğrul-1890" in Turkish, "Kainan – 1890" in Japanese), which was directed by M. Tanaka, was released in the two countries and successfully

---

[5] 2013–2014 Preparatory Action 'Culture in the EU's External Relations'. Japan Country Report. http://ec.europa.eu/culture/policy/international-cooperation/documents/country-reports/japan_en.pdf

[6] Joint Declaration on the Establishment of Strategic Partnership between Japan and the Republic of Turkey

[7] Anadolu Post. 25.12.2015.

screened in 309 cinemas in Japan and in 300 cinemas in Turkey. In January 2004 the NHK broadcast a documentary program ('Project-X') which explained how the Turkish government and Turkish Airlines helped Japanese nationals to leave Iran in the middle of the 1985 Iran-Iraq war. The then-government in Turkey made an extraordinary decision to send a Turkish Airlines aircraft to Tehran in order to help evacuate 215 Japanese residents who were at risk due to severe air strikes being held by Iraq while the Japanese government failed to make a prompt decision on sending an aircraft to save the Japanese and bring them home. Thus it was an act " to give back to Japan", as described it A. Davutoglu[8]. This caused a huge response in Japan, fortifying an image of Turkey as one of Japan's most reliable friends. Eventually, in 2006, then-Prime Minister Junichiro Koizumi even ordered the decoration of 11 members of the Turkish Airlines staff who were involved in the rescue operation at that time. Another significant example of the rooted relationship can be seen in a children's book that was published in 2003. This novel, based on the tragedy of the Ertugrul Frigate disaster in 1890, described how the frigate from the Ottoman Empire, which sank off the coast of Kushimoto, served as the basis of a deep friendship between Turkey and Japan. This book also touched upon the above-mentioned rescue operation during the Iran-Iraq war, emphasizing the kindness and loyalty of the Turkish people. In the following year, the book was recommended for fifth and sixth grade elementary school pupils who had to write book reviews for a nation-wide annual writing competition. Taking into account the popularity of this writing competition, a large number of Japanese pupils are estimated to have read the book. In this regard A. Higashino points out that " While this disaster was already quite well-known amongst adults in Japan, the impact of this publication was still significant, as the history of the friendly relationship between the two countries was widely learnt by the younger generations of Japan thanks to this book"[9].

Thus, it can be concluded that cultural diplomacy undoubtedly played a key role in the rapprochement between Japan and Turkey to improve mutual understanding, to maintain emotional closeness, particularly given sensitive for both countries historical events.

This includes a great layer of Japanese traditional culture as well as an active promotion of contemporary youth culture. According to the Japanese researcher E. Ishikawa, "Japanese pop culture, which is currently winning the whole world, is also very attractive to the Turkish people"[10].

According to the Russian researcher S.V. Chugrov, "Japan successfully exploits the image of a" special and unmatched country, wrapped in the veil of mystery and unique appeal. Amazing landscapes, spectacular fiestas, fascinating traditions – all this became sort of a hallmark of Japanese "soft power", attracting

[8] Ibid.

[9] http://foreignpolicynews.org/2014/11/18/turkey-japan-relations-images-reality/

[10] A New Dimension in Japanese Public Diplomacy. www.tokyofoundation.org/en/articles/2008/a-new-dimension-in-japanese-public-diplomacy

foreigners to study Japanese language and culture"[11]. Turkey regularly holds events devoted to Japan, not only in the capital but in other cities of Turkey.

Educational programs

The Japanese Government pays special attention to educational programmes aimed at both young people and professionals. It is now believed that any progressive country, which wants to keep pace with the time, should worry about globalization of their education, as well as the international mobility of students. In May, 2014 an agreement was reached between Japan and Turkey on establishing a Joint Science and Technology University in Istanbul where students get training in Turkish and Japanese languages, basics of the cultural heritage of both countries. At the same time inter-university communication is developing. For example, Japanese Hosjej, Waseda universities, etc. are implementing a program of student's exchanges with leading educational institutions in Turkey.

An important element of this work is promotion of the Japanese language. The first Japanese language courses in Turkey opened in 1976, with the assistance of the Istanbul Office of the Turkish-Japanese women's Association. And only 10 years after this at the university level first Japanese language programs were adopted in 1986 at the Faculty of letters of the University of Ankara, and then spread to other universities in the country. The implementation of some language programs goes on through the Japanese Embassy in Ankara, as well as through the Japan-Turkish Cultural Center of the Japanese Foundation which was established pursuant to the agreement between the Government of Turkey and the Japanese Agency for International Cooperation (JICA). The main activities of the Centre include business courses, Japanese language courses, training, facilitating information and cultural exchange. The Centre plays an important role in disseminating of the Japanese language along with faculties at universities of Ankara, Çanakkale and others, where students study Japanese language and literature. Turkey is accounted for the largest number of the Japanese language learners in the Middle East. The fact that Turkish and Japanese languages have many similarities in grammatical syntax plays an important role and greatly facilitates learning the Japanese language by Turkish citizens. Many Japanese researchers have noted the need to increase Japanese investment in education in Turkey because "this will lead to effective expansion of the Japanese" soft power"[12].

Great interest in the two countries triggered the Turkish-Japanese Symposium on Sufism in Turkey at the University of Üsküdar in October, 2016 hence launching a new project on cultural exchange between the two countries named "The Bridge of Two Easts: Sufi Culture Education Program Project". As its organizers pointed out " the demonstration of the two countries ' positions with respect to terrorism

---

[11] S.V.Chugrov."Myagkaya Sila" Yaponii: Kitaiskoe Napravlrnie // Yaponiya v Poiskah Novoi Globalnoi Roli., M.2014, P. 141.

[12] A New Dimension in Japanese Public Diplomacy. www.tokyofoundation.org/en/articles/2008/a-new-dimension-in-japanese-public-diplomacy

has nothing to do with religion, and Islamophobia is groundless."[13] The aim of this project was to enhance cultural and academic collaboration by gathering available academic and research facilities of Turkey and Japan. This project will improve academic and cultural collaboration through the bridge to be established between the two countries by the possible Sufi studies. Uskudar University, Institute for Sufi Studies offered an educational program on Sufi Culture to graduate students from Japan. It takes 6 weeks and offers 180 hours of theoretical lessons. Ten PhD students from Kyoto University and other relevant Japanese Universities attend the program which offers courses on Ottoman Turkish and Paleography and introduces manuscript collections in Turkey[14]. Sufi thought, Islamic philosophy and its primary sources, especially Turkish Sufi texts from the Ottoman period, are analysed. This project makes it possible for young researchers attending the program to get to know this society and culture rather than engage with the matter in a merely academic, literature-centered manner.

Understanding Sufi themes in popular culture as fields of study provides significant clues for establishing cultural relations. The studies to be carried out may contribute to Japanese scholars giving more emphasis to Sufi themes in their research. Japan is a representative of a very important academic tradition. It is highly expected that in the long run, young generation researchers' prospective studies on Human and Social Studies will create a positive impact on both countries' perspectives on society and contribute to the improvement of public diplomacy. Turkish and Japanese researchers may also benefit from the project in that they may develop potentially new interests for their future studies.

For over 30 years, Japanese archaeologists are carrying out excavations in Turkey in the area of Kaman-Kalehojuk by participation in the project on the creation of the archaeological museum. Background of this project is as follows. In 1979 the Middle East Culture Center in Japan (BKCJa) was founded in the town of Mitaka, near Tokyo by the Japanese Prince Mikasa. And in 1998 the Japanese Institute of Archaeology of Anatolia in Turkey was opened as a branch of the BKCJa. The Institute is located in a small Turkish village of Chegyrkan in the area of Kaman. Its location is not without reason – not far from this village there is a hillfort Kaman-Kalehojuk which is basically being studied by the Institute. Since 1985 BKCJa has begun the systematic study of this settlement. The Prince Takahito Mikasa was the first to dig the clod of earth in the settlement thus marking the beginning of the excavations that continue unabated to this day. The composition of the Japanese Institute of Anatolian archaeology besides the park includes the hillfort Kaman-Kalehojuk and the Archaeological Museum, the construction of which was completed in 2008 with the assistance of the Ministry of Foreign Affairs of Japan.

Over the last decade, Japan has accumulated a considerable potential of cultural diplomacy in Turkey. The popularity of Japanese culture and sports,

[13] https://senseisekai.livejournal.com/5306496.html

[14] https://www.dailysabah.com/life/2016/10/25/turkey-japan-to-join-hands-for-sufism-project-1477334042

the success of the cultural center, active humanitarian exchanges demonstrate the interest of the Turkish people to Japan as a technologically advanced country, a leader in solving some global problems, a model for economic development. If we consider the Japanese cultural diplomacy in the long term, and, bearing in mind that it is supported by factors of mutual interest, the conclusion can be drawn about its effectiveness. According to a statement by the former Prime Minister of Turkey A. Davutoglu, " There is no economical conflict of interests between the two countries and there is a complementary [relationship] between them. Whatever Japan has is an asset for Turkey and whatever Turkey has is an asset for Japan. "[15] According to the public survey in Turkey conducted by the Japanese Foreign Ministry in 2012, 83.2% of respondents answered that the relations between Japan and Turkey are "friendly" or "almost friendly[16]. This is contributed by promoting mutual tourism, exchange of television programs between different channels through the Japan Foundation and the Turkish Radio and Television Corporation. An increasing proportion of private initiatives in activities such as exhibitions, seminars, mutual contacts. In 2006 there was established the society of Japanese -Turkish dialogue which fosters cultural and other exchanges between the two countries. Both countries have cooperated in the field of preservation of the cultural heritage under UNESCO programs. Private contacts of individual citizens of both countries are succeeding. According to Dr. E. Arioglu, the Chairman of the company Yapi Merkezi, " To me these are the building blocks of a new, durable and growing bilateral cooperation between Japan and Turkey. Such a relationship will be a very positive contribution to civilization, peace and security in Asia, in Eurasia and beyond. We should always work for these objectives which include the basic ingredients of a relationship from people to people, from nation to nation. It also explains why Japan-Turkey relations are totally free of any distressing issues."[17]

Consequently, we can conclude that in the implementation of Japan's foreign policy strategy with regard to Turkey a special role is given to the development of cultural relations between the two countries, both permanent and most efficient component of communication between nations.

[15] Japan' First Priority' on New government 's Agenda// Interview with Turkish PM. Nikkei Asian Review 13.11.2015.

[16] Japan-Turkey Relations (Basic Data)// www.mofa.go.jp/middle_e/turkey/2016.

[17] http://www.arioglu.net/bildiriler/brief%20thoughtsonamovingjapanturkeyrelations

*Khutuashvili Khatiya**

Civilizational choice of Georgia

Abstract: The historical influence of different civilizations left its mark on Georgia, which affects the present state of society and its evolution in our days. Since gaining independence Georgia is the country seeking the new path of development. The article analyzes new phenomena happening in modern Georgian society and its civilizational aspirations.

Keywords: modern Georgia, civilizations, European development of the society, European choice of Georgia.

The term “civilization” in our times has acquired more than one meaning. To indicate the purpose of the article correctly, first of all, it is necessary to determine what is meant by the term “civilization”.

If we choose the shortest of all the numerous definitions of this concept, we propose to focus on the following: civilization is the highest level of identity, the highest level of cultural integrity[1].

The civilizational approach presupposes the division of the world into civilizations according to the criteria that are determined by different researchers. Thus, the number of civilizations can vary from two to twenty-three[2]. Samuel Huntington, who wrote the outstanding work The Clash of Civilizations (1996), which was preceded by his article “The Clash of Civilizations” (1993, Foreign Affairs), identifies 8 main civilizations: Chinese, Japanese, Hindu, Islamic and Western, the list was completed lately with Orthodox, Latin American and African civilizations[3]. Speaking briefly, the defining criterion of civilization is culture, in particular, it comprises its religion, language, common past, values and the worldview[4].

When we talk about the civilizational choice of Georgia, it is worth mentioning why this topic is so relevant today. Since its withdrawal from the USSR in 1991, Georgia is standing at the crossroads. Mentality, leaning towards the East, its geographical position, neighborhood with Muslim countries, on the one hand, religion and aspirations directed to match Europe, on the other hand, put Georgia in front of a choice. This country is historically located on the conditional borderline between East and West. Both the eastern influence and the western influence have contributed to the formation of traditions, way of life, worldview and mentality of modern Georgians. The complexities, through which Georgian

* *Khutuashvili Khatiya* – master student of the Institute of Oriental Studies

[1] Huntington S. The clash of civilizations. M.: AST: Astrel, 2011, pp. 44–48.

[2] Huntington S. *The clash of civilizations.* M.: AST: Astrel, 2011, p. 52.

[3] Ibid.

[4] Akimov A. V., Yakovlev A. I. Civilizations in the 21st Century: Some Problems of Development, – M.: Publishing Moscow University, 2012, p. 18.

society is currently undergoing, date back to the problem of perceiving the civilizational affiliation of their country.

Religion plays huge role in the life of Georgian society. The desire to preserve their faith, Orthodoxy, and identity became the determining factor in the decision to unite with the Russian Empire in 1783. So, the authority of the Patriarch is higher than that of any of the politicians in the government. This state of affairs, according to Huntington, refers Georgia to the Orthodox civilization, while the society itself, especially if you believe what politicians propose, leans toward Europe.

However, despite the fact that the authority of the Church remains high, there is a certain rejection of traditions in society. Those foundations on which Georgian family was based as a unit of society have undergone major changes over the last decade. Among young people, the disparaging attitude towards traditional values is becoming increasingly popular, they are perceived as a relic of time and a sign of backwardness, while simultaneously modernity and freedom are associated with European values.

Therefore, the purpose of this article is to determine the choice of Georgia through the analysis of modern Georgian society in the context of civilizational belonging.

Based on the novel, the film “Ali and Nino” released in 2016 once again attracted the public attention to the topic of “East or West”. The novel, written by the author under the pseudonym Kurban Said, was first published in 1937 in Vienna and had been translated into 33 languages. This is, at first view, a love story that describes the times of the First World War and brings up such global issues as the attitudes of different civilizations to religion, war, family and homeland[5]. Within the framework of the topic, the position of one of the leading characters of the novel, the Georgian Nino, is important. According to the story, the girl’s family lives in Baku, where, like in Tbilisi, side-by-side lived various representatives of the Caucasus, Islam and Christianity, of East and West. The Georgian related her homeland to Europe, often opposing her family and traditions to the local Azerbaijani way. In a single example, it seems that the choice of the whole nation is shown. But, is it indeed?

The actual topic of news headlines in Georgia since the beginning of 2017 is the abolition of the visa regime with the countries of the European Union[6]. The law came into force only in March, although the draft Act for liberalization of the visa regime has been discussed since 2012. However, Georgia’s desire to be closer to the Western world has a much longer history. In 1999, when Georgia became a member of the Council of Europe, Prime Minister Zurab Zhvania at a

---

[5] Darrel Delamaide «A timeless classic with lessons for today; Washington Independent review of books, Available at: http://www.washingtonindependentreviewofbooks.com/features/ali-and-nino (accessed 1.05.2017).

[6] REGULATION (EU) 2017/... OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of ... amending Regulation (EC) No 539/2001 listing the third countries whose nationals must be in possession of visas when crossing the external borders and those whose nationals are exempt from that requirement (Georgia); European Council Council of the European Union, Available at:(http://data.consilium.europa.eu/doc/document/PE-64–2016-INIT/en/pdf) (accessed 1.05.2017).

conference in Strasbourg delivered his famous phrase: I am Georgian, and therefore I am a European[7]. Since then, successive Georgian governments have not left this course to joining Europe.

After the decision of the European Parliament on liberalization, other countries' media wondered why Europe took this decision at this time and why it was about Georgia. But it is also important to understand why Georgia leans towards the West so much? Is this a people's choice or a political decision of governments? What is the motivation of Georgian mentality today?

It should be noted right away that there are no clear answers to these questions. During the analysis of civilizational choice of Georgia, there are many factors to be considered. The most obvious of them is the geographic location of Georgia. Such an advantageous geopolitical position could not be ignored by the conquerors. For many centuries, Georgia was involved active or sometimes latent wars with Arabs, Persians, Turks. Historically, this comparatively small area has always been the site of the clash of interests of many countries, and it remains so today.

However, contacts with neighbors by nature were not just military clashes, resettlements and kidnaping (which there were more than enough). There were also cultural contacts and interactions that influenced the development of present-day Georgia with all its specific way of life, language and mentality.

Thus, the territorial location, peaceful and military interactions had a significant influence on how Georgia's civilizational choice has developed.

One of the options for the development of Georgian history could happen if it was the overtaken by Turkey or Iran, which would radically change its choice towards the "Eastern" pole. It is known that about 20 per cent of the Muslim population of Georgia is the legacy of relations with Iran and Turkey (although it is difficult to say the exact figure, since now many Muslim Georgians have been converted to Christianity)[8]. Islamization was pursued by Turkey, including the resettlement of whole Georgian villages to Turkey for assimilation, and the Turkish population to Georgia. The same policy was pursued by Iran in Eastern Georgia, but this did not have the same strong effect as was the case with Adjara, directly bordering Turkey. And in this case the indicators are also ambiguous: it would seem, that the forcibly implanted for so many years Islam had to "become weed less" in Georgia, but a part of the population continues to profess it. On the other hand, it is worth mentioning that the descendants of Georgians, resettled to Turkey, who are already assimilated to the Turkish environment, speak Turkish, give their children Turkish names, but remember their origins, try to preserve their native Georgian language and speak it, though with a characteristic accent. The same situation is observed in Iran in Fereydan (in the Western part of Iran).

---

[7] "I am Georgian, and therefore I am European" – Zurab Zhvania's historic speech at the European Council, Georgian journal, Available at: http://www.georgianjournal.ge/politics/25618-i-am-georgian-and-therefore-i-am-european – zurab-zhvanias-historic-speech-at-the-european-council.html (accessed 1.05.2017).

[8] G. Sanikidze, E. W. Walker «Islam and Islamic practices in Georgia» Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies (University of California, Berkeley), 2004, eScholarship University of California, Available at: http://escholarship.org/uc/item/7149d486#page-7 (accessed 1.05.2017).

It can be concluded that the “Eastern, Muslim” choice of Georgia is the most unlikely, since this has not happened for so many centuries. Georgia, surrounded by Muslim neighbors, has preserved its religion and its identity. And the Georgians, who many years ago had resettled to the territory of other countries, have not lost the connection with their historical homeland. Today, the government and the population do not oppress the Muslim population of Georgia. However, there were cases of conflicts due to the construction of mosques in the territory of Georgia with the support of Turkey and Azerbaijan. For obvious reasons, Islam is perceived by the Christian population as somewhat hostile (because it has been inoculated by force), and the construction of mosques means for them support of Islamization. In response to the construction of mosques in Georgia, the Georgian population requires permission from the governments of Turkey and Azerbaijan to restore churches and monasteries that remained on the territory of these countries, as well as conducting church services there. The tension among the population is also caused by the abundance of Arab and Iranian migrants and tourists. July 14, 2017 in Tbilisi was the day of a “Georgian march” – an action aimed against emigrants from Iran and Arab countries. The March caused some split within the Georgian society itself[9]: part of the population considered that this was a natural reaction to the catchy dominance of Arab and Iranian culture in the recent years, while another part of society noted with disappointment that intolerance is a manifestation of savagery and backwardness, which stands far from European values.

As for the “Western choice” of Georgia, it can be conditionally divided into the Russian direction and the European one. Speaking about the Russian choice, we should mention the common Soviet past and common historical memory. So, in the context of one of the particular criteria for evaluating the civilizational choice – the language of communication, the following conclusions come up. The older generation of Georgia, over 40 years old, speaks fluent Russian, which has been studied in schools almost on par with Georgian language. Returning to the novel “Ali and Nino”, it is easy to draw a conclusion that reflects the reality of that time: the elite preferred to talk and study in Russian. This trend can be traced till now, but it is gradually becoming obsolete. Young people are more actively studying European languages, in particular, English. Analyzing the schedule of the three categories of schools from grades 7 to 10[10], the following came out:

School Category	Georgian/per week	Russian/per week	English/per week
public schools	5–7 lessons	2 lessons	5–6 lessons
prestigious public schools	6 lessons	3 lessons	3 lessons
private schools	7 lessons	2 lessons	4 lessons

[9] News agency Sputnik, Available at: https://sputnik-georgia.ru/world_politics/20170714/236637884/Marsh-gruzin-proshel-v-centre-Tbilisi.html (accessed 25.07.2017)

[10] School schedules, Available at: http://school127tbilisi.ge/გაკვეთილების–ცხრილი/, http://136skola.ge/გაკვეთილების–ცხრილი/, http://pdc.ge/ge/news/id/73/gakvetilebis-cxrili (accessed 1.05.2017).

Language demand can also be traced by taking 20 random vacancies[11]. The results are as follows – out of 20 vacancies – in 16 of them English was required, in 13 – Russian, but it needs to be taken into account that some vacancies required knowledge of both languages.

regarding the above argumentation, we cannot draw an obvious conclusion, since the preponderance of Western languages is not significant. However, it should be noted that in modern Georgia young people are more likely to study Western languages. So, when enrolling in higher education institutions, applicants in Georgia are offered to pass a foreign language – by choice Russian or English (less often French or German). Many applicants choose Western languages, explaining this by their prospects and simplicity in comparison with the Russian language.

Within the framework of the topic it is interesting to consider the position of the government as the supreme authority of the state elected by the people. After Zurab Zhvania, similar statements from other politicians sounded more than once. For example, Georgian Foreign Minister Mikhail Janelidze in 2016 at the Georgian-Latvian Business Forum made a speech in connection with the liberalization of the visa regime, during which he emphasized that Georgia is not only geographically related to Europe, but also by system of its values ("We in Georgia believe that, we belong to Europe not only in terms of geography, but we believe that we belong to European values, to European interests…"). He said that Georgia is open for integration, open to European structures and institutions and standards ("We need to implement more European standards in Georgia, which will ensure more openness, more integration into the EU internal market and we are doing that, we are moving forward with that agenda"). The Minister also noted the special linking role of Georgia between Asia and Europe[12].

Earlier, the same year, this minister spoke in Tallinn at the Georgian-Estonian Business Forum. He talked about the openness of Georgia to both European and to Asian business. But, he pointed out that Georgian DNA belongs to the European type, however, Georgia still has to become a state of the European type. ("Our DNA is European. We are members of the European family and we strive to become legitimate member of the European Union. But before becoming a member of the European Union we have committed ourselves to transforming the country into a European State. At the same time we are striving to establish very good positive mutually beneficial relations with all the countries in the region")[13].

The statement about the European type of DNA is not far from the truth. According to the research, the haplogroup G2a prevails on the territory of Georgia, along with the haplogroup J2. And haplogroup G2a is found in ancient

---

[11] Job search site, Available at: www.hr.ge (accessed 1.05.2017).

[12] Сайт МИД Грузии [Электронный ресурс] режим доступа http://mfa.gov.ge/MainNav/DiplomatService/Minister/გამოსვლები/Statement-31-march-2016.aspx (27.06.2017).

[13] Website of the Ministry of Foreign Affairs of Georgia, Available at: http://mfa.gov.ge/MainNav/DiplomatService/Minister/გამოსვლები/Statement-Georgia-Estonian-Business-Forum.aspx (accessed 27.06.2017).

remains on the territory of Europe. Another question is how relevant is this information today, and does DNA similarity have an influence on the mentality and nature of Georgians[14].

Obviously, the desire for Europe manifests itself in many spheres of society. European education systems are rapidly spreading to schools and universities in the country. The most popular are the Eastern European University[15] and the European Medical University[16].

The promotion of the idea of "Europeanisation" in Georgia is headed by the NATO and EU Information Center[17]. Over the past few years, the center has gained immense popularity, organizing summer schools, seminars, conferences and other events. Since 2013, the Center hosts the days of Europe. In 2017, from 7th to 25th of May, within the framework of European days, events were held both in major cities and in the regions[18].

In general, the idea of "Georgia-Europe" is very actively spreading in Georgia and is accepted by society. Although, in many ways the way of life and mentality still leans toward the East. The approach to work, negotiation, starting a family, celebration of holidays, road traffic – everything that can be called the "Oriental style" – relaxation, an unessential approach to business, emotionality, as opposed to the European order, is typical in Georgia. The situation in Georgia is also complicated by the rapidly growing number of Iranians and Arabs, which makes Georgian society think about the development of new regulations on migration policy.

Georgia is just emerging on a new path of development, but there is no doubt that it will be difficult to become a typical European state. History, geography, neighboring states have left a special imprint that can not be ignored, and it still affects Georgia's civilizational choice today.

---

[14] Web log Performat, Available at: http://pereformat.ru/2013/09/west-kavkaz-dna/ (accessed 27.06.2017).

[15] Web site of the East European University, Available at: http://eeu.edu.ge/en/ (accessed 25.07.2017).

[16] Web site of European University, Available at: http://europeanuniversity.in (accessed 25.07.2017).

[17] Web site of the NATO Information Center and the EU, Available at: http://infocenter.gov.ge (accessed 23.06.2017).

[18] Web site of the NATO Information Center and the EU, Available at: http://infocenter.gov.ge/infocenter-europe-days/ (accessed 23.06.2017).

Научное издание

Восточная аналитика

Выпуск 1-2, 2018

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Верстка И. В. Федулов

Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 13,33. Уч-изд. л. 10,3.
Тираж 500 экз. Подписано в печать 01.06.2018.   Заказ № 348

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел.
E-mail: izd@ivran.ru